

"Опасная прогулка"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Барбара Картленд

Опасная прогулка

Глава 1

1820 год

Герцог Рэндольф Освестри покидал свой дом, отправляясь на Парк-стрит в самом отвратительном расположении духа. Усаживаясь в фаэтон, он не переставал думать, что совершает величайшую глупость, согласившись на этот визит.

Он принял решение отправиться к леди Марлен Келстон лишь только потому, что за последние двадцать четыре часа ему трижды доставляли от нее послания, причем в каждом последующем содержалось все более настоятельное требование о немедленном свидании. Герцог не представлял, что могло побудить ее посылать подобные грозные письма после того, как они окончательно расстались почти три месяца тому назад.

Его весьма бурный, но непродолжительный роман с леди Марлен завершился, как и следовало ожидать, унижительной и скандальной ссорой, сопровождаемой взаимными желчными упреками и оскорблениями, после чего он уразумел, какого же сваял дурака, связавшись с этой жуткой особой.

Леди Марлен, уже два сезона подряд блиставшая, затмевая всех прочих дам, на вечерах в Сент-Джеймском дворце, обладала необычайно вздорным и в то же время непреклонным характером.

Близкие друзья герцога предостерегали его:

— У всех Келстонов в жилах течет дурная кровь.

Герцог теперь был вынужден признать, что приятели оказались правы. Сойдясь с леди Марлей, он познал на собственном печальном опыте, как и в чем проявляется эта пресловутая дурная кровь и какое воздействие она оказывает на характер и поведение некоторых женщин.

Впрочем, на внешней привлекательности этот наследственный порок никак не отражался, а полное пренебрежение его обладательницы условностями и правилами приличия даже добавляло ей шарма в глазах увлеченного ею герцога.

В то время, когда герцог воевал в рядах армии маршала Веллингтона, она уже побывала замужем, но ее супруг, раненный под Ватерлоо, вскоре скончался от последствий этого ранения, и вот уже три года, как она была свободна.

С трудом выдержав положенный срок траура, леди Марлен ворвалась, будто огненный метеор, в жизнь большого света и пользовалась там несомненным успехом. Ее красота завораживала, и когда она соизволила положить глаз на герцога, то, разумеется, он был обречен.

Но уж, конечно, Рэндольф Освестри никак не мог ожидать, что леди Марлен окажется таким кровожадным чудовищем и буквально через несколько дней он ощутит, какой тяжести камень повесил сам себе на шею.

Но если леди Марлен отличалась исключительной твердостью и упрямством, то герцог ей ни в чем не уступал. Вскоре он должен был отпраздновать свое тридцатилетие, и опыт общения с

женщинами, самыми разными по характеру и положению, у него имелся немалый.

За ним охотились, гонялись, заманивали в ловушки с того момента, как только он покинул стены школы. Ибо не было в стране более вожденного жениха для родителей девиц на выданье, обладающего такой привлекательной внешностью, таким огромным состоянием и столь блестящим титулом.

Однако ему удавалось каждый раз вовремя ускользнуть из нежных, но цепких объятий, а строгие требования которые он предъявлял к своим любовницам, позволяли ему очень быстро избавляться от них. Об этих его талантах уже ходили разговоры, так что даже принц-регент как-то сказал ему в шутку:

— Ваши победы столь неисчислимы, а связи столь кратковременны, мой дорогой Освестри, что, вероятно, мы вскоре будем вынуждены ввозить женщин для вас из-за границы. Благо, что война окончилась и континентальная блокада больше не будет служить нам помехой.

Герцог в ответ вынужден был засмеяться. Но в глазах его мелькнула грусть, которую принц-регент не заметил.

Больше всего герцог не любил, когда вслух обсуждались его амурные похождения. Он не допускал в свою частную жизнь вмешательства посторонних.

Но в большом свете, где даже малейший намек на какой-нибудь скандал обсуждался в мельчайших деталях и смаковался во всех подробностях, человеку с подобной внешностью, как) герцога, с его положением в обществе и богатством скрыть свою частную жизнь от досужих наблюдателей было невозможно.

Одним из поводов для его разрыва с леди Марлен было как раз то, что она слишком много болтала об их связи. Это, с его точки зрения, было непростительно.

Передав поводья своих великолепных лошадей в руки грума, Рэндольф Освестри соскочил с подножки фаэтона, не преминув тут же отметить, что блестящие пуговицы на ливрее слуги, встречавшего его у открытых дверей, не мешало бы почистить.

После кончины супруга леди Марлен вернула себе девичью фамилию, объявив во всеуслышание со свойственной ей беззастенчивостью, что желает стереть из памяти все свое прошлое, в том числе и воспоминания о покойном муже.

Вдовы, потерявшие своих мужей на полях сражений, которые и так относились к ней с предубеждением, теперь с удвоенной яростью осудили ее за бессердечие, хотя, впрочем, никто и не ожидал от нее другого поведения, зная, что она из себя представляет.

Естественно, что женщине с темпераментом таким, как у леди Марлен, невозможно было ограничиться общением только со своим покалеченным супругом. Хоть он получил свою благородную рану на поле боя и принес себя в жертву Отечеству.

Война давно окончилась, и леди Марлен надоело приносить в жертву и себя. Она хотела как можно скорее насладиться плодами мира.

— Для меня мужчина прежде всего должен быть мужчиной! — с возмутительной прямоотой отпарировала леди Марлен, когда кто-то упрекнул ее в унижении достоинства и презрительном отношении к калеке супругу.

Глядя на ее очаровательное личико и пышные формы, специально подчеркнутые ее смелыми туалетами, никто из мужчин не посмел бы возразить ей.

«Какого черта я ей понадобился?»— спрашивал себя герцог по пути в гостиную, куда проводил его дворецкий.

Герцог прекрасно обошелся бы и без провожатого, потому что дом леди Марлен он знал как свои пять пальцев, ибо за короткое время близости с нею бывал здесь неоднократно, правда, чаще всего его ожидали не в гостиной, а в спальне.

Его всегда поражало, насколько безвкусно обставлены комнаты этого дома. Так и хотелось посоветовать хозяевам прибегнуть к услугам полировщика и заново покрыть одряхлевшую мебель лаком.

Дом принадлежал брату леди Марлен — графу Стенвику. Так как он редко посещал Лондон, то конечно, было абсурдно ей самой содержать собственный дом, тем более что у нее на это не было средств.

Келстоны всегда нуждались в деньгах, потому что вели образ жизни, не соответствующий их средствам, и леди Марлен поддерживала семейные традиции. Но она все же находилась в лучшем положении, чем ее родственники, потому что ее счета оплачивались поклонниками.

Дворецкий оставил герцога одного в пустой гостиной, пробормотав, что доложит о его прибытии ее сиятельству и с величественным видом удалился.

Герцог нетерпеливо прошелся несколько раз по комнате, потом остановился у камина, продолжая ломать голову над загадкой — зачем его пригласила леди Марлен.

Когда он получил ее первую записку, то сразу же решил проигнорировать приглашение своей бывшей любовницы. Второе и третье послания, в которых явственней читалась угроза, его уже насторожили. Больше всего он опасался, что, если не откликнется на ее послания, она явится к нему сама.

Так, кстати, она и поступала в прошлом, врываясь в дом Осверстри на Беркли-сквер без приглашения и ставя герцога в неудобное положение перед его домочадцами, которые ее не уважали и готовы были свое мнение об этой особе высказать прямо, хотя знали, что этим досадят герцогу.

Они не позволяли себе произнести вслух все то, что вертелось на языке, по той простой причине, что побаивались герцога. Он властно взял бразды правления в свои руки после того, как занял положение главы семьи, и во многом изменил свое поведение, расставшись с ролью богатого, легкомысленного наследника герцогского титула.

— Ты становишься скучным и начинаешь навевать тоску своей рассудительностью, — дразнила герцога леди Марлен, раскрывая чуть-чуть пухленький ротик и высовывая гибкий, как у змеи, но очень сладкий на вкус язычок.

Так бывало, когда он отказывался посещать вместе с нею сборища развязных женщин или личностей с сомнительной репутацией.

Герцог вспомнил, какие яростные ссоры происходили у них в постели после, казалось бы, таких ласковых любовных объятий. И еще раз напомнил себе, что больше никогда не попадетс в эту ловушку...

Но тут открылась дверь, и вошла леди Марлен.

Никакого сомнения не было в том, что она прекрасна.

Герцог, хотя уже и остыл к леди Марлен, не мог не согласиться с этим общим мнением. Ее золотистые глаза сверкали, как угли в камине, а бархатные ресницы слегка приглушали это пламя.

Плавнo покачивая бедрами, леди Марлен приближалась к нему, и эта походка не могла вызвать никакого другого чувства у мужчины, кроме восхищения.

Подойдя на расстояние, безопасное и для нее, и для него, однако весьма чреватое взрывом чувственности, она произнесла:

— Наконец-то ты пришел!

— Какого черта тебе понадобилось от меня? — грубо спросил герцог.

— Это очень важно, Рэндольф. Для нас обоих.

— Хорошо, я слушаю тебя.

Леди Марлен приняла одну из поз, в которой, как она знала, выглядела еще более соблазнительно. Действительно, герцогу так нравился раньше этот ее изысканный изгиб шеи и наклон головы.

— Как ты красив! — сказала она почти шепотом. — Ты выглядишь гораздо соблазнительнее всех мужчин, которых я знала. Как жаль, что мы с тобой поссорились...

— А мне жаль, что я с тобой встретился вновь. И я не собираюсь выслушивать от тебя комплименты, — холодно ответил ей герцог. — Скажи, что ты хочешь, Марлен, и я тут же удалюсь. Две молодые лошадки, запряженные в мой фаэтон, уже застоялись, поджидая меня во дворе.

— Лошади! У тебя на уме только они. — В ее голосе он расслышал упрек. — В твоей жизни они значат больше, чем женщины.

Герцог промолчал. Он решил выждать момент, когда она потеряет терпение и все-таки выскажет то, ради чего она так настойчиво его приглашала. Герцога всегда раздражала в женщинах их привычка вести пустой разговор, ходя вокруг да около.

Леди Марлен поняла, что дальнейшее промедление не пойдет ей на пользу.

— Я позвала тебя, чтобы сообщить, что у нас будет ребенок.

На некоторое время герцог онемел. Когда дар речи вернулся к нему, он произнес:

— Почему тебе кажется, что это сообщение меня в какой-то степени затрагивает? Очевидно, что человек, которому ты должна в первую очередь сообщить эту новость, — это Чарльз Нейсби.

— Он уже знает об этом, — откровенно призналась леди Марлен. — Но, как тебе известно, у Чарли нет ни гроша за душой.

Губы герцога скривила циничная усмешка.

— Вряд ли ты рассчитываешь, что я буду платить за постельные развлечения Чарльза Нейсби.

— Я не прошу у тебя денег.

— Тогда чего же ты хочешь? — поинтересовался герцог, с недоумением уставившись на нее.

— Брака!

Если бы она сейчас даже взорвала перед его лицом бомбу, герцог был бы меньше удивлен. Его глаза чуть не вывалились из орбит.

Несколько придя в себя, он спросил:

— Я так понял, Марлен, что ты просишь меня стать твоим мужем, потому что ждешь ребенка, зачатого от Чарли Нейсби?!

— Ребенок этот может быть и твоим.

— Ты прекрасно знаешь, что это не так.

— Я думаю, что мне предоставлено право выбирать, кто отец моего будущего, хотя и нежеланного, дитя.

Леди Марлен сделала многозначительную паузу и продолжила:

— Согласись, что начинать жизнь ему будет лучше, будучи твоим сыном.

Герцогу понадобилось некоторое время, чтобы собраться с мыслями.

— Если это все, что ты собиралась мне сказать, Марлен, то я зря потратил время на визит в этот дом. И давай на этом распрощаемся.

Заканчивая эту фразу, он уже сделал шаг по направлению к двери, но она преградила ему путь. Ее глаза буквально впились в его лицо. Герцог был вынужден отвести взгляд.

— Бесполезно убегать от меня, Рэндольф! Я не привыкла отступать без боя! Мне захотелось выйти за тебя замуж еще до того, как мы с тобой так глупо и неожиданно поссорились. Ты со временем оценишь, что такая жена, как я, — для тебя настоящая находка.

— Какие бы ты ни строила на мой счет матримониальные планы, — твердо произнес герцог, — они в корне противоречат моим желаниям, и никакая сила не сможет переубедить меня.

— Ты всегда был упрямым ослом — с досадой воскликнула леди Марлен. — Но, однако, тебе когда-нибудь придется жениться. Иначе твой братец Джулиус наследует титул, а я надеюсь, тебе не очень хочется доставить ему эту радость.

— Прежде чем мы продолжим этот разговор... — герцог попытался собраться с мыслями и рассуждать логично. — Уясни себе только одно — если я и женюсь когда-нибудь, то только не на тебе! И на этом давай поставим точку.

— Точку я уже поставила, — спокойно ответила леди Марлен. — Потому что я решила, что если я за кого-то и выйду замуж, то только за тебя. Я предпочитаю тебя всем другим кандидатам в

мужья.

— Спасибо за комплимент, но, к несчастью, мои чувства не совпадают с твоими желаниями. Тем более что наш последний разговор при расставании оставил в моей душе самый горький осадок.

— Как ты можешь быть таким занудой, чтобы помнить все, что мы наговорили в пылу яростной ссоры? У нас обоих твердые непреклонные характеры. Но что бы я ни сказала тогда, я люблю тебя, Рэндольф! А сейчас, когда ношу в себе твое дитя, я люблю тебя еще больше.

— Очень трогательно, — иронически произнес герцог. — Но как на все это посмотрит старина Нейсби?

— Какое дело Чарли до наших с тобой отношений? Он не в состоянии содержать меня как положено. Да, кстати, он согласился, что этот ребенок может быть также и твоим.

— Меня это не удивляет, — усмехнулся герцог. — Нейсби всегда старался избежать ответственности за свои деяния.

— Но ты, наоборот, всегда казался мне человеком ответственным за свои поступки. Короче говоря, Рэндольф, чем скорее мы сочетаемся браком, тем будет лучше для нас всех.

Герцог вздохнул, его терпение было уже на исходе.

— По-моему, я довольно ясно выразил свое отношение к тому, что ты сказала. Я не хочу брать никакой ответственности за дитя, которое ты носишь в своем, — тут он замаялся, — в своем чреве. Клянусь господом, что мы уже три месяца вообще не виделись.

— Не правда. Чуть меньше трех месяцев. И поэтому ребенок может быть твоим, — возразила леди Марлен.

— Этому может поверить только идиот. Неужели ты принимаешь меня за доверчивого дурака, Марлен?

Герцог опять попытался как-то приблизиться к выходу, но леди Марлен была быстрее и решительнее.

Теперь ее обычно соблазнительные глаза загорелись хищным огнем, а в ее нежном голосе зазвучали угрожающие нотки:

— Неужели ты не намерен позаботиться обо мне?

— Никоим образом! — Герцог был непреклонен.

— Что ж, как знаешь! — Выражение лица леди Марлен не предвещало ничего хорошего. — В таком случае я немедленно вызываю сюда своего брата. Он не только поверит всему, что я скажу, но и тебя заставит рассуждать здраво.

Герцог не сомневался, что граф Стенвик поспешит воспользоваться выпавшей на его долю удачей занять в зятя состоятельного человека. Этот братец был отчаянным типом. Такой же решительный, как его сестрица, но только еще более опасный. За ним числились драки, весьма сомнительные дуэли и даже участие в заговорах.

Где бы он ни появлялся, тут же возникали какие-то неприятности. После его периодических

визитов в Лондон друзья графа Стенвика, так же как и его враги, вздыхали с облегчением — наконец-то он убрался восвояси!

Герцог не боялся скандала, который может учинить этот проходимец, а также вызова на дуэль, но он не хотел стать объектом газетных сплетен.

Каждая подробность их ссоры с леди Марлен станет предметом обсуждения падкой на такие вещи публики, включая и престонародье, благодаря мерзкой бульварной газетенке «Бомонд», которая не давала покоя таким приличным людям, как герцог Освестри.

Он всячески старался избегать обстоятельств, которые могли бы вызвать о нем сплетни, и вроде бы уже обучился искусству ускользать без ущерба для себя от неприятных ситуаций. Но в данном случае никакого способа избежать скандала ему пока на ум не приходило.

Леди Марлен как будто прочла его мысли и произнесла с ноткой торжества в голосе:

— Гектор мне поверит, можешь не сомневаться! И он сделает все, мой милый Рэндольф, чтобы ты не оставил меня в одиночестве расхлебывать ту кашу, которую мы вместе заварили.

Герцог хранил молчание, и тогда ей пришлось продолжить:

— Будет лучше, если ты сдашься без сопротивления я излишнего шума. В конце концов все равно будет так, как я хочу!

— Из всего нашего разговора я вынес только одно. — Тон герцога был по-прежнему ледяным. — А именно, что меня подвергают шантажу.

Леди Марлен откинула назад свою изящную головку и расхохоталась.

— Если, произнеся это слово, ты намерен был оскорбить меня, то не добился своей цели. Прекрасно, Рэндольф! Пусть я тебя шантажирую... Но я уверена, что, когда мои родственники узнают, как подло ты со мной поступаешь, они не преминут начать шантажировать тебя всем скопом.

Она пристально смотрела ему в глаза, ожидая его реакции. Но на лице герцога не дрогнул ни один мускул. Од был мрачен, холоден, но не более.

Он не желал доставить ей удовольствие заметить, как взволновали его ее злоешие обещания.

Так как он молчал, леди Марлен опять пришлось заговорить:

— Позволь напомнить тебе, что моя тетушка Агнесс — потомственная леди при спальне Ее Величества. Я уверена, что королева будет весьма возмущена твоим поведением. Кстати, мой дядюшка Джордж, хотя ему уже больше семидесяти пяти лет, все еще лорд при дверях королевских покоев. Они пустят такой слушок про тебя по Букингемскому дворцу, что ты уже никогда не отмоешь свою репутацию.

Она с удовольствием отметила, что герцог, выслушивая это, сверлит ее взглядом. Хоть глаза его были черны, как два агата, она уловила закипающий в них гнев.

Он же в это время размышлял, что сам виновен в том, что загнал себя в подобную западню. Но как он мог предположить и кто бы мог знать, что за такой восхитительной внешностью скрываются омерзительная, алчная душа и ядовитое жало гадюки?

В этот момент он испытывал к леди Марлен одно лишь чувство. Это было глубочайшее отвращение. И герцог засомневался в собственном здравомыслии и хорошем вкусе, которым раньше всегда гордился.

Неужели было время, когда он находил ее привлекательной?

Внезапные перемены в настроении этой женщины были просто удивительны. Леди Марлен вдруг стала олицетворять самую нежность.

— Прости меня, Рэндольф! Я не собираюсь отравлять тебе жизнь. Когда мы поженимся, я постараюсь вести себя хорошо... как только смогу. Мы будем наслаждаться обществом друг друга и вволю повеселимся, как бывало раньше, до нашей глупой ссоры.

Она сделала паузу, как бы надеясь, что он что-нибудь произнесет в ответ. Но так как герцог упорно молчал, продолжила снова:

— Я уверена, что мне будут к лицу фамильные бриллианты Освестри, и я буду устраивать такие приемы, что развернется настоящая борьба за право быть приглашенными на них.

Мечтательная улыбка осветила ее лицо, сделав его еще более очаровательным.

— Подумай, как будет забавно, если ты оставишь своего гнусного братца с носом и не позволишь ему больше залезать в твой кошелек. Я прекрасно знаю, что когда он не притворяется смиренной овечкой, чтобы выманить у тебя деньги, то ведет себя так, что твои предки ворочаются от возмущения в гробах.

— Я не имею ни малейшего желания обсуждать с тобой поступки Джулиуса, — резко сказал герцог. — Что бы мой брат ни делал, это тебя не касается. Так же, как и мои дела.

На этот раз ему удалось обойти леди Марлен, прежде чем она смогла перехватить его. Герцог уже был у самой двери, когда она крикнула ему вслед:

— Если это твое последнее слово, то я посылаю за Гектором!

— Посылай за кем хочешь, а сама иди к черту! После этого герцог покинул гостиную и твердой поступью проследовал через мраморный холл. На каждый его шаг отзывалось гулкое эхо.

На какой-то момент растерянность промелькнула в глазах леди Марлен, но тут же к ней возвратилось присутствие духа.

— На этот раз ты уже от меня не ускользнешь, — произнесла она вслух громко и уверенно.

Возвращаясь вечером из клуба в своей закрытой карете, герцог по-прежнему был погружен в размышления, которые терзали его мозг и душу на протяжении всего дня.

По причине плохого самочувствия, вызванного встречей с леди Марлен, он отказался от приглашения на торжественный обед в Холланд-хаузе, где его настоятельно просили присутствовать, и отобедал в Уайт-клубе.

Там он повстречал многих приятелей и друзей, которые с удивлением отметили его необычную рассеянность, а вернее, углубленность в себя. По меньшей мере трое задали ему один и тот же вопрос: «Что с тобой приключилось, Рэндольф? Ты впал в такую меланхолию...»

Герцогу очень хотелось поделиться с друзьями своими бедами, но вместо этого он лишь сослался на головную боль и продолжал грустить в одиночестве.

Ему претила любая мысль о неминуемом будущем скандале, но перспектива стать мужем леди Марлен пугала его еще больше.

Даже в то время, когда их физическая близость затмевала его рассудок, он все равно понимал, что леди Марлен способна на самую изощренную жестокость, и, если кто посмеет обидеть ее, она в ответ ужалит без малейших колебаний.

Леди Марлен была переменчива, как ветер, и в любой момент ее сладкая улыбочка могла превратиться в хищный оскал.

Как он мог смириться с мыслью, что получит в жены мегеру, лишённую всяких представлений о морали и нравственности. Женщину, которая готова навязать ему дитя от чужого мужчины, причем негодяя, к которому герцог не испытывал ничего, кроме брезгливости.

Сэр Чарльз Нейсби был известным прожигателем жизни, пройдохой, который существовал только на средства, полученные из весьма сомнительных источников, и, как ходили слухи, способен был даже на жульничество за карточным столом.

И вот дитя, порожденное подобной парочкой, в случае, если это будет мальчик, станет герцогом Освестри. Нет! Герцог никогда не допустит этого надругательства над фамильной честью, чего бы это ему ни стоило.

Хотя он редко говорил об этом вслух, но в душе герцог необычайно гордился своим родом, восхищался своими предками, которые на протяжении столетий верно служили монархии и своей стране, Некоторые представители рода Вестри становились крупными государственными деятелями, другие прославились храбростью на полях сражений; среди Вестри были и бесстрашные моряки, которые открывали новые земли. Среди современников они пользовались уважением, и герцог хотел быть достойным их памяти.

Теперь он жалел, что не обзавелся супругой и не произвел на свет сына до того, как злой рок столкнул его с леди Марлен. Слишком большую осторожность он проявлял по отношению к своему будущему браку. Это было неудивительно, потому что герцог видел, как большинство из его друзей тяготеют своими женами, навязанными родительской волей. Не желая себе подобной участи, Рэндольф Освестри тщательно оберегал свою свободу. Когда кто-то уговаривал его поскорее отправиться к алтарю, он отделывался шуткой, что судьба обрекла его на холостяцкое существование.

На самом деле ему просто всегда казалось, что впереди у него достаточно времени, чтобы обзавестись подходящей женой и наследником и тем выполнить свой долг перед семьей и Отечеством. Герцог надеялся, что наступит момент, когда теперешняя свобода ему наскучит, и тогда он охотно свяжет себя брачными узами.

Но этот момент все никак не наступал. Наоборот, ему нравилось управлять своим достоянием без вмешательства какой-нибудь женщины, целиком полагаясь только на себя. И еще — герцог признавался себе в этом честно — его прельщала возможность выбирать любую красавицу из толпы прелестниц, всегда окружавшей его.

Даже сейчас он с удовлетворением вспомнил, что, в отличие от леди Марлен, все его прежние любовницы дружески относились к нему и после того, как он с ними расстался, продолжали петь ему дифирамбы, собираясь в тесной женской компании за чайным столом.

Конечно, в некоторых случаях не обходилось без слез и ссылок на разбитое сердце, но герцог придерживался циничного мнения, что сердечные раны не смертельны и благополучно залечиваются со временем.

Он не страдал излишней самовлюбленностью и не переоценивал свое мужское обаяние и прочие достоинства, но давно уже убедился, что для большинства светских красавиц очень важно для поднятия собственного престижа быть причисленными к сонму его любовниц. Именно поэтому победы на амурном фронте давались ему так легко.

И вот теперь на лазурное небо его беспечного существования напоззла черная туча в лице грозной леди Марлен Келстон. С подобной опасностью он сталкивался впервые. Все это так удручало Рэндольфа, что он не мог отвлечься от мрачных размышлений и внезапно покинул карточный стол, не удосужившись даже объяснить друзьям причину своего поспешного ухода из клуба.

Кто-то крикнул ему вслед:

— Рэндольф, ты оставил на столе свой выигрыш! Не получив от него вразумительного ответа, приятели обменялись изумленными взглядами.

— Что же все-таки случилось с Освестри? Он никогда не вел себя так странно.

— Должно быть, какая-то женщина всему этому причиной, — предположил один из молодых людей.

Подобное замечание было встречено дружным смехом, настолько оно было нелепо.

— При чем тут женщины? Разве когда-нибудь Освестри расстраивался по поводу женщин?

— Ему стоит только пошевелить пальцем, как они уже летят в его объятия, как мотыльки на огонь.

— Да, это так! — с завистью вздохнул один из его Друзей. — Черт побери, при его внешности и деньгах он вне всякой конкуренции!

Пока карета везла его по Беркли-стрит и выезжала на Беркли-сквер, герцог все ломал себе голову над решением абсолютно неразрешимой задачи. Мысли, словно тяжелые мельничные жернова, ворочались в его утомленном мозгу.

Один и тот же вопрос возникал вновь и вновь, и ответ на него был тоже только один: его загнали в тупик, и он не знает, как оттуда выбраться!

Он так хмуро взглянул на лакея, отворившего ему дверцу кареты, что тот даже испугался. Его светлость явился домой очень рано, что было весьма необычно, и вся прислуга, находившаяся у герцога на службе уже много лет, сразу же догадалась, что произошло нечто из ряда вон выходящее.

Встреча хозяина дома проходила по давно заведенному ритуалу. Один лакей поддерживал его за локоть при выходе из кареты, другой поспешно постелил алый ковер на мостовую перед подъездом, а дворецкий уже распахнул перед герцогом двери особняка.

Когда его светлость проходил мимо слуг, они низко склоняли перед ним головы, на что он

обычно отвечал приветливой доброжелательной улыбкой.

Сегодня все было по-другому. Герцог с каменным выражением лица проследовал мимо них.

Но едва он преодолел пару ступенек, как отчаянный детский крик заставил его вздрогнуть и оглянуться.

Из глубины темной площади появилась женщина, которая преградила герцогу путь, вцепившись в него дрожащими руками, с возгласом:

— Спасите! Спасите меня!

Она выглядела такой испуганной, что герцог застыл в изумлении. Ее личико показалось ему очень юным, а глаза — огромными и округлившимися от ужаса.

— Спасите! Помогите! — повторяла она. — За мной... гонятся!

Дворецкий решительно шагнул вперед и оторвал женщину от герцога.

— Хватит, милая, хватит! Иди своей дорогой и не путайся здесь под ногами. Подобным особам тут не место!

В это же время другой лакей, помоложе, подхватил женщину сзади.

— Не беспокойтесь, ваша светлость! Мы с ней разберемся, — сказал дворецкий.

Мужчины крепко держали женщину за руки, но, когда она поняла, что ее собираются оставить одну на темной площади, у нее вырвался истошный вопль:

— Пожалуйста!.. Пожалуйста! Я в отчаянии! Мне сказали, что это экипаж лорда Джулиуса Вестри... Но это была ложь! Меня обманули!

К этому моменту дворецкий и лакей уже успели оттащить женщину на несколько шагов в темноту.

Упоминание имени его брата заставило герцога остановиться. Он оглянулся:

— Повторите, что вы сейчас сказали.

— Помогите! Пожалуйста... помогите мне! Женщина захлебывалась в рыданиях.

— Оставьте ее, — приказал герцог слугам.

Те тотчас же отпустили женщину.

Избавившись от их цепкой хватки, она сразу же вновь подбежала к герцогу и уставилась на него глазами, полными слез:

— Они схватят меня, клянусь вам! Помогите, умоляю! Герцог обвел взглядом темное пространство площади. Ему показалось, что в дальнем ее конце притаились две неясные фигуры. Они явно пребывали в нерешительности, не зная, продолжать ли им преследование своей жертвы, увидев, что она ускользает от них.

Дом герцога был известен всему Лондону, а обилие слуг и суматоха, возникшая у подъезда, их,

разумеется, смутили.

— Вы только что назвали одно имя, — сказал герцог. — Повторите его, пожалуйста, — Лорд... Джулиус Вестри... сказал мне, что у него есть для меня... место.

Герцог пытался понять, говорит ли женщина правду или лжет. Самым правильным было спокойно разобраться в возникшей ситуации. Поэтому он сказал:

— Предлагаю вам пройти в дом и подробно рассказать мне, что с вами произошло.

Женщина робко оглянулась, заметила поджидающих ее вдалеке мужчин, дрожь вновь охватила ее, и она поспешила проскользнуть вслед за герцогом в холл.

Он скинул на руки лакею плащ, отдал цилиндр и трость и, не глядя на женщину, решительным шагом пересек просторный холл. Женщина неотступно следовала за ним, видя в нем единственную защиту и от таинственных преследователей, и от не менее пугающих суровых лакеев.

Слуги всем своим видом показывали, что они не одобряют ее поведение, но, конечно, не позволяли себе ничего произнести вслух. Дворецкий молча открыл перед его светлостью дверь в библиотеку и впустил туда и женщину, так бесцеремонно нарушившую покой столь солидного дома.

Окна библиотеки выходили в сад, но сейчас, в ночное время, они были плотно прикрыты шторами. Эта огромная комната производила внушительное впечатление и размерами, и обстановкой. Ровное пламя свечей поблескивало на золотых корешках бесчисленных книг, которыми были уставлены полки. Вдоль стен располагались великолепные чиппендейловские книжные шкафы с наиболее ценными экземплярами, потолок покрывала изысканная роспись, в центре комнаты занимал свое место письменный стол, а по обеим сторонам камина стояли глубокие, обитые кожей кресла с высокими подголовниками.

Герцог подошел к камину, облокотился о мраморную полку и стал внимательно изучать свою неожиданную посетительницу.

Перед ним было существо маленького роста, очень юное и, как он с удивлением отметил, не лишенное привлекательности. Ее бледное, нежное личико украшали огромные глаза — не обычного голубого, а серого, как зимнее море у берегов Англии, цвета. Ее волосы были спрятаны под простенькой, немодной шляпкой, и только одна прядь выбивалась из-под нее — светлая, как спелый колосок.

Она глядела на герцога встревоженно, дрожь сотрясала ее тело, а на лице по-прежнему было выражение ужаса.

— Подойдите ближе и, пожалуйста, сядьте, — спокойно произнес он.

Его мягкое обращение несколько приободрило ее, она приблизилась грациозной походкой к одному из кресел, уселась на самый краешек и сложила руки на коленях.

Платье ее было тоже старомодно, сшито явно из дешевой материи, но свидетельствовало о хорошем вкусе хозяйки. По ее произношению герцог понял, что она образованна, а в манерах ее ощущались благородство происхождения и воспитанность.

Он прошел в угол библиотеки, где был столик с напитками.

— Я думаю, что после пережитых неприятных минут вам нужно чем-то подкрепиться. Что вы предпочитаете — шампанское или лимонад?

— Я... бы хотела... стакан лимонада, пожалуйста. Если вы так добры...

Наполняя бокал, герцог подумал, что впервые в своей жизни предложил право выбора напитка посетительнице этой комнаты. Раньше он никогда этого не делал по отношению к своим многочисленным гостям. Он решал все сам, хорошо зная их вкусы.

Но от этой девушки веяло такой невинной простотой и молодостью, что предложить ей что-то другое, кроме лимонада, было бы просто нетактично. Он легко мог поверить, что она в жизни еще никогда не попробовала ни капли вина.

— Большое вам... спасибо... — тихо сказала она, когда герцог протянул ей бокал.

Конечно, она все еще пребывала в состоянии испуга, но ему нравилось, что она мужественно пытается совладать с собой. Герцог подумал, что она будет меньше его бояться, если он займет место на стуле напротив нее, а не будет возвышаться над нею, если останется стоять.

— Ну, а теперь все-таки расскажите, что вас так взволновало? И какое отношение к этому имеет лорд Джулиус?

Девушка осторожно поставила бокал на широкий подлокотник кресла и снова сложила руки на коленях, пальцы ее нервно подрагивали, но она боролась с собой, и речь ее уже звучала довольно связно.

— Мне кажется, что вначале... я должна извиниться, сэр, за то, что позволила себе быть... такой навязчивой. Единственное, что меня оправдывает... это мой испуг. Я ни о чем не могла думать... кроме как скорее убежать подальше от экипажа, который встретил меня у постоянного двора в Ислингтоне.

Герцог знал, что в Ислингтоне как раз останавливаются почтовые кареты, прибывающие с севера.

— Я рад, что хоть чем-то смог помочь вам, — ободрил он ее. — Но все-таки вы лучше расскажите мне все подробней. За свою безопасность здесь, в моем доме, вы можете не беспокоиться.

Прежде чем начать говорить, девушка набрала в легкие воздух.

— А вы не думаете, что они могут меня поджидать... там, снаружи?

— Кто «они»?

— Эти двое мужчин. Один из них кучер, а второй... я так полагаю, он слуга... того заведения, куда меня привезли.

— Какого заведения? — удивился он.

— Я точно не знаю, но адрес такой: номер двадцать семь на Хэй-хилл.

Герцог постарался ничем не обнаружить, что его поразило ее заявление.

— Вы уверены, что вас привезли именно туда?

— Когда лорд... Джулиус мне писал, то в письме было сказано, что карета встретит меня в Ислингтоне. Но он скрыл от меня то... куда меня привезут. Только когда я прочитала тот листок, я догадалась... и, конечно, меня это очень испугало.

Герцог слегка улыбнулся:

— Все это звучит весьма загадочно. Может быть, мы начнем все сначала? Но первым делом скажите мне ваше имя.

— Меня зовут... Юдела Хейворт.

— И где вы проживаете, мисс Хейворт?

— Неподалеку от Хантингтона. Мой отец был викарием в Литл-Стортоне.

— Вы сказали был? Его нет в живых? Юдела кивнула.

— Он... скончался три недели тому назад. Ее голос дрогнул, она готова была расплакаться, но справилась с собой и продолжила достаточно решительно:

— Именно после его кончины я поняла, что должна найти себе... хоть какую-нибудь работу. Вот тогда я встретила лорда Элдриджа.

— Как вы с ним встретились?

Юдела на мгновение прикрыла глаза, вспоминая то утро, когда она сорвала почти все цветы в садике при доме священника, собираясь отнести их на кладбище.

Ее отец так любил цветы, и она подумала, что, может быть, он и ее мать посмотрят с небес вниз на землю и увидят, как красиво она убрала цветами их могилы. Розы на любимом кусте мамы еще едва начали распускаться, но она все-таки сорвала их, посчитав, что если поставить их в воду, то бутоны раскроются, и там, на могиле, возникнет алый цветочный ковер.

Это был цвет, напоминающий о счастливых днях, которые ушли безвозвратно после того, как умерла мама, а вскоре безжалостная смерть забрала и отца.

С охапкой цветов в руках она шла по пыльной дороге, ведущей от дома священника к кладбищу, когда впереди показались два всадника.

Прежде всего ее внимание привлекли их лошади, ибо они были великолепны, а ее покойный батюшка обожал этих благородных животных и научил дочь разбираться в их достоинствах. Он также передал ей свое умение ездить верхом.

Юдела, конечно, ни разу в жизни не садилась на такую породистую лошадь. Поэтому она залюбовалась лошадьми, а всадники ее не интересовали. Только когда они приблизились, она узнала в одном из них местного молодого сквайра лорда Элдриджа, о котором покойный священник отзывался весьма нелестно.

Однако она почтительно приветствовала его реверансом, а он в свою очередь придержал лошадь, остановился и завел разговор:

— Доброе утро, мисс Хейворт. Я только недавно, по возвращении из Лондона, узнал о кончине вашего уважаемого родителя. Меня опечалило это известие.

— Да, милорд... все произошло так внезапно ..

— Мой управляющий настаивает, чтобы я поспешил с назначением нового vicария, но мне не хочется торопить вас и просить покинуть дом приходского священника, пока вы сами не будете готовы это сделать.

— Благодарю за доброту, ваше сиятельство. Я как раз нахожусь сейчас в затруднении, не зная, куда мне податься.

— Надеюсь, у вас есть какие-нибудь родственники, — предположил милорд.

Ему уже наскучила эта беседа.

Молодой сквайр имел ярчайше-багровый, истинно английский, цвет лица, но не от долгого пребывания на свежем воздухе, а по причине частых и обильных возлияний. Он сильно огорчил своего папашу тем, что был выпровожден с позором из Оксфорда, зато прославился умением мгновенно растранижировать любое количество денег, попавших ему в руки.

Освободившись от отцовской опеки и унаследовав титул вместе с поместьем, он принялся устраивать в Элдридж-парке такие оргии, что порядочные поселяне были ошеломлены и рассказывали друг другу о них только испуганным шепотом.

Никто не удивлялся, в том числе и Юдела, тому, что почетное огороженное место в церкви, принадлежащее милорду, постоянно пустовало во время воскресных церковных служб.

Но сейчас ей показалось, что лорд Элдридж был добр к ней, проявил заботу, и она искренне призналась ему:

— У меня нет никаких близких родственников, милорд, но я обязательно где-нибудь постараюсь устроиться и уеду отсюда, как только соберу все вещи, оставшиеся после родителей, и продам мебель.

— Ну, тогда все в порядке, — рассеянно произнес лорд Элдридж.

Он натянул поводья лошади, собираясь продолжить путь, но тут вдруг подал голос его спутник:

— Представь меня, пожалуйста, своей знакомой, Эдвард. Вполне вероятно, что я смогу помочь этой милой юной леди.

Лорд Элдридж бросил на него удивленный взгляд и пожал плечами.

— Что ж, мисс Хейворт, разрешите вам представить лорда Джулиуса Вестри, который, жаждет с вами познакомиться.

Юдела вновь сделала реверанс, а лорд Джулиус, к изумлению своего друга, спешил и, ведя лошадь на поводу, вплотную приблизился к девушке.

— Я случайно услышал, мисс Хейворт, что вы вынуждены искать себе работу. У вас уже есть что-нибудь на примете?

— К сожалению, нет, милорд. Я даже не знаю, чем могу заняться. Разве только стать гувернанткой? Я очень люблю детей.

— Вы выглядите слишком юной для того, чтобы заниматься подобным делом, — не преминул

отметить лорд Джулиус. — Сколько вам лет?

— Восемнадцать, милорд.

При первом же взгляде на своего собеседника Юдела почувствовала, что он ей чем-то неприятен.

Он был высок и широкоплеч, но его глаза были слишком близко посажены к переносице, что придавало его лицу какое-то хищное жесткое выражение, несмотря на то, что он был внешне весьма привлекательным мужчиной.

— Мне кажется, что я в состоянии помочь вам. Не связывайте себя никакими обязательствами до тех пор, пока не получите от меня известий.

Он буквально обшаривал ее взглядом, и она не без робости призналась себе, что его интересует скорее не ее лицо, а фигура. Внезапно Юдела почувствовала, что ее наряд, который она вынуждена была носить уже не первый год и который прошел бесчисленные стирки, стал слишком для нее тесен. И что лорд Джулиус это заметил. Подобная мысль тут же заставила Юделу покраснеть.

— Благодарю вас, милорд, — все же пробормотала она в смущении.

— Ждите моего письма, — сказал он, и это прозвучало почти как приказ.

Юдела снова сделала прощальный реверанс поочередно каждому из джентльменов, Лишь когда они удалились, она вдруг ощутила, какое неясное беспокойство пробудила в ее душе эта встреча. Она не могла объяснить, почему ей хотелось тут же прижать к груди свои рассыпающиеся цветы и бежать, бежать от этих весьма вежливых джентльменов без оглядки.

Следуя указаниям лорда Джулиуса ждать от него известий, Юдела не писала сама никаких писем, как собиралась раньше, не давала объявлений и не обращалась в бюро по найму, которое, как она знала, существовало в Хантингтоне.

Была еще одна причина, по которой она поступала именно так. Ведь ей было нечего предложить будущим нанимателям, у нее не было никаких рекомендаций и особо полезных навыков и талантов.

Юдела прекрасно знала, что перед девушкой ее положения и воспитания открыты только два поприща — стать гувернанткой или компаньонкой. Но тревожное чувство подсказывало ей, что для первого из этих двух занятий она не приспособлена, потому что слишком молода — тут лорд Джулиус абсолютно прав.

«Я могу присматривать только за очень маленькими детьми», — с грустью призналась себе Юдела.

Рассматривая свое отражение в зеркале, она тоскливо подумала, что как было бы хорошо, если бы она выглядела хоть чуточку постарше.

Будущее ее пугало.

Но она испугалась бы еще больше, если б услышала, что сказал лорд Джулиус, вскочив в седло и отъехав от нее на некоторое расстояние.

— Неужели я мог ожидать, Эдвард, — обратился он к лорду Элдриджу, — что обнаружу такую красотку в этой богом забытой деревне?

— Да, она хорошенькая, — согласился Элдридж.

— Хорошенькая — это не то слово! — воскликнул лорд Джулиус. — Если ее одеть по моде — а мамаша Кроули знает в этом толк, — то она произведет сенсацию своим появлением.

— Ах, вот что у тебя на уме! — не удержался от возгласа лорд Элдридж.

— Конечно, именно это Я всегда занят поисками подходящего материала, но не так часто выпадает на мою долю подобная удача. Я уверен, что сегодня мне крупно повезло, ведь эта девушка — сущий клад.

Несколько минут они ехали молча. Потом лорд Элдридж нарушил тишину:

— Черт побери, мне даже немного жаль эту крошку! Но, наверное, для нее не существует иного выхода.

Глава 2

Юдела слегка пригубила лимонад и осторожно поставила бокал на подлокотник.

— Итак, вы ждали письма от лорда Джулиуса? Не правда ли, весьма странно, что вы рассчитывали получить место от человека, с которым встретились лишь однажды и то мимоходом? — поинтересовался герцог.

Юдела смущенно опустила голову и робко произнесла:

— Честно говоря, сэр, я не рассчитывала, что он вспомнит обо мне. И все-таки пыталась найти себе работу где-то в нашей округе.

— И каковы были ваши успехи? — осведомился он.

— Я узнала, что одна леди в соседней деревне нуждается в гувернантке для своих двух маленьких сыновей. Я отправилась к ней.

— И что было дальше?

— Она сказала, что я выгляжу слишком молодо. Но не сочтите это за мою нескромность, но мне показалось, что ей не понравилась... моя внешность.

Герцог подумал, что это весьма близко к истине. Ни одна женщина не захочет нанять гувернантку с такой внешностью, как у девушки, сидящей напротив него.

— А потом, я так полагаю, вы получили письмо от лорда Джулиуса?

— Да, сэр. Оно пришло три дня тому назад. Лорд Джулиус велел мне сесть в дилижанс, который прибывает в Лондон в половине седьмого на почтовую станцию Ислингтон. Он писал, что там, у трактира «Двуглавый лебедь», меня будет ожидать кучер с экипажем. К несчастью, по дороге случилась поломка, и дилижанс опоздал почти на полчаса.

— Но экипаж все-таки ждал вас?

— Как только дилижанс прибыл на станцию, ко мне подошел какой-то мужчина и спросил — не я ли мисс Хейворт?

— Вы так и не знали, куда вас повезут?

— Лорд Джулиус написал, что у него есть для меня превосходная вакансия, что я буду счастлива на новом месте, а работа мне придется по душе.

Герцог хранил молчание, поэтому Юдела, сделав паузу, продолжила свой рассказ:

— Я подумала... что он проявил ко мне такую доброту, потому что был дружен с нашим сквайром и мог знать кое-что обо мне и... о моих родителях. Они... были достойными людьми.

Голос ее срывался. Герцог догадывался, каких усилий стоило девушке восстанавливать в памяти, да еще и пересказывать недавние события, которые с ней произошли.

Чтобы удержаться от слез, она гордо вскинула подбородок.

— Итак, вы сели в экипаж. — Герцог решил облегчить ей задачу. — И что же возбудило в вас подозрения? Чьи-то слова или какая-нибудь деталь? Что-то вас напугало?

— Вот это.

Юдела опустила руку в сумочку, шнурок которой обвивал ее запястье. Подобные ридикюли были в моде в прошлом десятилетии. Герцог был уверен, что эта вещица не куплена, а сделана собственными руками.

В молчании Юдела шарила в ридикюле. На свет появился сначала платочек, потом маленький кошелек с мелочью, а затем, смущенно опустив глаза, девушка достала сложенный вдвое листок грубой бумаги.

Приподнявшись, она протянула его герцогу и, как бы обессилев, вновь опустилась на прежнее место.

Герцог сразу же понял, что это один из тех небрежно отпечатанных рекламных листков, которые в большом количестве подсовываются его приятелям и всем прочим завсегдатаям аристократических клубов.

Несомненно, точно такие же листки адресовывались и ему.

Но, слава богу, его секретарь вполне резонно не показывал их своему хозяину, зная, что он не проявит к ним никакого интереса.

Его губы брезгливо скривились, когда он прочел:

«Миссис Кроули счастлива приветствовать своих глубокоуважаемых посетителей и рада сообщить им, что недавно ее коллекция пополнилась целой плеядой доставленных из Франции непревзойденных красавиц, страстных и соблазнительных, способных на уловки, еще не известные даже самым искушенным знатокам.

Для удовлетворения специфических вкусов наиболее изысканных клиентов миссис Кроули собрала для своего заведения букет свежих цветов, на которых еще не успела высохнуть утренняя роса...»

— Как это попало вам в руки? — спросил герцог, поморщившись от омерзения.

— Я нашла... эту бумагу в экипаже... между подушками сиденья. Не знаю, что пробудило меня прочесть ее... Может быть, я все-таки подумала, что поступаю глупо, не спросив, куда меня везут, и поэтому решила, что на бумаге вдруг окажется адрес.

— А на письме лорда Джулиуса не было обратного адреса? — поинтересовался он.

— Там был адрес клуба. Кажется, он называется «Уайт-клуб».

Герцог сурово поджал губы. Гнев его нарастал с каждым мгновением, как только он начал догадываться, откуда у его братца в последнее время вдруг завелись деньги, причем в довольно изрядном количестве.

Теперь он знал причину, по которой на лице у леди Марлен появилась язвительная усмешка, когда он отказался из родственных чувств выслушивать от нее сплетни о своем брате.

С тех пор как к нему перешел титул герцога Освестри и состояние отца, его брат Джулиус стал настоящей занозой в его теле и доставлял кучу неприятностей. С одной стороны, он возмущался якобы незаслуженным положением старшего брата как главы семьи, а с другой — бесстыдно пользовался его великодушием и преданностью семейным интересам.

Герцог бесчисленное количество раз платил за Джулиуса долги, но, несмотря на то, что тот каждый раз давал обещания в будущем умерить свои аппетиты, он снова приходил к герцогу и кланчил деньги.

Часто герцогу приходилось выручать его из весьма скользких ситуаций, в которые Джулиус попадал, словно делал это нарочно. Он знал, что старший брат дорожит семейной честью, и надеялся, что никогда не оставит в беде непутевого родственника.

Но герцог даже представить себе не мог, чтобы кто-то, носящий имя Вестри, сможет пасть так низко, что станет поставщиком живого товара для публичного дома.

Больше всего его расстраивало то, что правда об этом тщательно скрывалась его друзьями, хотя она давно была известна. Разумеется, им было весьма неудобно поведать старшему брату о позорных поступках младшего. Теперь герцог понял, почему друзья частенько обменивались предупредительными взглядами и смущенно замолкали, когда в разговоре всплывало имя миссис Кроули. Беседы на подобную тему частенько велись между мужчинами после клубных обедов, но в присутствии герцога они всегда почему-то резко обрывались.

Появление на столичном небосклоне каждого нового «веселого заведения» встречалось обычно с восторгом охочими до острых ощущений молодыми людьми и горячо и подробно обсуждалось в их кругу, но вокруг публичного дома миссис Кроули существовал некий странный заговор молчания, хотя он открылся всего три месяца назад. Так, во всяком случае, казалось герцогу.

Теперь же он понял, почему друзья и знакомые так старательно избегали разговоров на эту тему, если герцог находился поблизости.

Всем было известно, что красотки, обслуживающие аристократию в таких фешенебельных заведениях, приносят своим хозяевам немалый доход.

Его самого никогда не тянуло туда. Но все же несколько раз герцог посещал их в компании

друзей. Особенно если, кроме женского общества, там еще можно было поразвлечься за зеленым карточным столом и сыграть по-крупному.

Роскошная обстановка, подбор и оплата персонала требовали, особенно на начальной стадии, больших вложений от организаторов. Нетрудно было догадаться, что Джулиус, приняв участие в таком деле, сулящем будущую прибыль, был вынужден обратиться к ростовщикам, а те охотно снабдили его нужной суммой, приняв его заверения в том, что в скором времени титул и фамильное состояние перейдут к нему.

Какие же подлые мысли вынашивал Джулиус по отношению к старшему брату? Сейчас герцог прикладывал немалые усилия, чтобы в присутствии этой девушки переполнявший его гнев не выплеснулся наружу.

И все-таки она почувствовала, что здесь что-то не так, и заметила, как исказилось яростью лицо герцога.

Ее голосок прозвучал совсем робко:

— Я чем-то рассердила вас... или расстроила? Простите меня. Я этого не хотела.

— Да, я рассержен, — постарался как можно суше произнести герцог. — Меня возмутило то, как подло поступили с невинной, честной девушкой, заманив ее в Лондон, в притон разврата.

— Я тоже сразу подумала, что это... одно из тех нехороших мест, о которых папа рассказывал деревенским девушкам, чтобы предупредить, какие опасности их подстерегают в городе.

— А зачем он это делал? — поинтересовался герцог.

— Потому что в нашей округе уже были подобные случаи. Некоторые девушки уезжали в Лондон, чтобы наняться на обещанную работу в богатые дома, где бы они могли заработать больше, чем в деревне...

— И ваш отец как-то следил за их дальнейшей судьбой? — не удержался от вопроса герцог.

— Да, конечно. Он был очень обязательный и настойчивый человек. И заботился о каждом из своих прихожан. Ему удалось узнать, что в некоторых случаях девушек, прибывших в Лондон, встречают на почтовой станции какие-то нехорошие женщины и предлагают подвезти их в экипаже. А потом девушки бесследно пропадают.

— И вы думаете, что такое могло произойти и с вами? — спросил герцог.

— Как я могла предугадать... даже вообразить себе... осмелиться подумать, что близкий друг лорда Элдриджа связан с такими преступными делами. Когда я заглянула в эту листовку, то очень испугалась.

— И правильно сделали. Что было дальше?

Юдела набрала воздух в легкие и мужественно продолжила:

— Когда экипаж остановился... — тут силы покинули ее, и она замолкла.

— Легко могу вообразить, какие чувства вы испытали, очутившись возле дома двадцать семь на Хэй-хилл. Что прежде всего бросилось вам в глаза?

— ..Он был ярко освещен, а двери распахнуты настежь... И еще я увидела нескольких джентльменов в высоких цилиндрах и в темных плащах, которые с громким смехом входили туда... А внутри играла музыка.

— И так вы заподозрили, что это именно то место, которое описано в рекламном листке!

— Я не знала, что мне делать... Тут к экипажу подошел слуга и начал ругать кучера за то, что тот подъехал к дому не с той стороны. Он обозвал кучера дураком. «Вези ее к черному ходу, болван!»— так он приказал. И был очень сердит.

Страшные воспоминания заставили Юделу снова замолкнуть.

— Ну-ну, продолжайте, — настаивал герцог.

— Я была уверена... абсолютно уверена, что это., не обычный жилой дом, а... гадкое, неприличное место...

— И как вы поступили?

— Я открыла дверцу экипажа с другой стороны и выпрыгнула на мостовую. Я бежала по улице, а они гнались за мной... Слуга кричал мне вслед... Я знала, что они догонят меня... Но я бежала, бежала... изо всех сил, пока не увидела... вас!

Тут у нее перехватило дыхание, но она справилась с собой и произнесла:

— Спасибо! Я благодарна вам... за спасение! Она схватила платочек и прижала к глазам. Герцог подумал, что для девушки, впервые приехавшей в столицу из деревни, она вела себя на удивление храбро. Другая бы не пережила подобных ужасов и впала бы в истерику.

До него доходили слухи, что женщины, содержащие публичные дома, как богатые, так и дешевые, взяли за обычай подкарауливать молоденьких деревенских девчонок на почтовых станциях. Они заманивали их в кареты обещаниями выгодной и приличной работы, а потом опаивали и одурманивали их, держали в заключении и даже пытали, пока несчастные жертвы не оставляли всякую мысль о бегстве.

Юдела могла разделить их судьбу, но ей повезло.

Впрочем, в этом немалую роль сыграли ее решительность и мужество. Сколько сил и духа проявила эта на вид слабая беспомощная девушка!

Герцог не мог не восхищаться ею. Ему доставляло удовольствие любоваться чертами ее нежного личика и влажными от слез серыми глазами.

Его бессовестный братец, несомненно, мог бы здорово заработать на привлекательной внешности этого невинного создания, если бы благополучно доставил ее в цепкие лапы миссис Кроули. Было в ней столько невинности, чистоты и свежести, что она выглядела даже моложе своих восемнадцати лет. И обаяние ее было опасно соблазнительно, особенно для порочных натур. Она обладала врожденной грацией движений, которую можно было наблюдать, наверное, только среди танцовщиц «Ковент-Гарден». А черты ее лица выдавали врожденную деликатность и утонченность, как и ее изящные ручки. Заглянув в глубину ее огромных глаз, с трогательной доверчивостью глядящих на мир, герцог подумал, что участь, уготованная ей злодеем Джулиусом, означала для такой девушки только смерть, и никакого другого исхода. Неужели его братец этого не понял с первого взгляда? Неужели его взор был настолько

ослеплен корыстью?

В то же время герцог понимал, что ее чистота может вызвать желание воспользоваться ею у тех людей, которые будут окружать девушку в жестоком и черством мире, где ей придется зарабатывать себе на жизнь.

Как бы прочитав его мысли, Юдела произнесла тихо и робко:

— Я бы не хотела вам больше досаждать, сэръ, и отнимать ваше время. Но... мне необходимо где-то провести ночь... А все мои вещи... остались там, в экипаже.

— Я найду место, где вы сможете переночевать. Но что вы будете делать завтра? Вы об этом подумали?

Она слегка развела руками. В этом жесте было столько трогательной беспомощности.

— Наверное, мне придется вернуться домой, в Литл-Стортон. Конечно, я не могу больше оставаться в родительском доме, ведь там будет жить новый викарий. Но я надеюсь, что кто-нибудь из соседей-фермеров приютит меня хотя бы на время, пока я не найду... какое-нибудь другое пристанище.

— У вас есть хоть какие-то деньги? — спросил герцог. Она опустила взгляд, разглядывая свои пальчики, которые вновь задрожали. Краска залила ее щеки.

— Вы должны говорить мне одну правду, мисс Хейворт. Я смогу помочь вам только в случае, если буду знать обо всех ваших трудностях.

Юдела долго колебалась, прежде чем произнести следующую фразу:

— Я бы не хотела злоупотреблять вашей добротой и взваливать на плечи незнакомого человека все свои горести. Герцог усмехнулся:

— Будет гораздо лучше и удобнее для меня и для вас, если вы сочтете меня не знакомым человеком, а скорее вашим спасителем. И еще раз повторяю, мне легче будет помочь вам, если я буду знать о вас всю правду.

— Хорошо.

Она вздохнула, как бы отменяя прочь сомнения, которые терзали ее.

— Я расскажу вам все без утайки. Мой отец задолжал многим за время болезни. Когда он умер, я продала всю нашу мебель соседям. Я думаю, что они уплатили мне за нее даже больше, чем она стоила, потому что любили моего отца и... очень уважали нашу семью. И все-таки к концу, когда я рассчиталась с долгами, у меня на руках осталось... очень мало.

— Сколько? — без стеснения поинтересовался герцог.

— Всего... девять фунтов.

— Но вы еще уплатили из них за поездку в Лондон?

— Да.

— Так какая сумма теперь у вас на руках? — допытывался он.

— Боюсь, всего лишь шесть фунтов.

— И это все, что вы имеете?

— К сожалению, да. Папа был болен несколько месяцев, а лекарства и еда, которую рекомендовал доктор... обошлись довольно дорого.

Юдела осмелилась взглянуть герцогу в глаза. У нее был извиняющийся вид.

Герцог догадался, что ей очень хочется объяснить ему, как экономно она вела хозяйство во время болезни отца до самой его кончины. Что она никакая не мотовка, а тратила деньги лишь на самые необходимые вещи.

Он не выдержал взгляда этих печальных, извиняющихся глаз, резко встал и прошел в угол комнаты, чтобы налить себе еще шампанского, которое охлаждалось в серебряном ведерке со льдом.

Герцог заметил, что бокал с лимонадом Юделы так и остался почти не тронутым. Вероятно, она стеснялась показать, что ее мучает жажда. Разумеется, девушка не решится попросить еще о любой другой любезности.

— Вы не голодны? Вам бы не хотелось перекусить?

— Нет-нет... Благодарю вас, — торопливо сказала она. — Я съела хлеб с сыром на почтовой станции, где меняли лошадей. Там подавали и полный обед для тех пассажиров... которые... могли себе это позволить. Но хлеб с сыром — для меня этого было достаточно.

— Вы никому не доставите никакого беспокойства, если попросите принести вам сейчас что-нибудь съестное.

— Но я не должна... Я не имею права и дальше пользоваться вашим гостеприимством.

Герцог заметил, что она окинула комнату, где они находились, обеспокоенным взглядом. Наверняка ей впервые за время их беседы пришла в голову мысль, что она находится в незнакомом доме наедине с мужчиной, про которого она ничего не знает.

С бокалом шампанского в руке герцог подошел к камину и занял свое любимое место, стоя спиной к каминной решетке. В эти теплые июньские ночи огонь не разводили, а камин был полон цветов, доставленных из поместья Освестри в Кенте. Герцог только сейчас обратил внимание, что от них исходит тончайший свежий аромат, который ассоциировался у него с юной девушкой, находящейся с ним рядом в библиотеке, и с ее наивной, хоть и страшной, повестью о беде, постигшей ее.

Он с сочувствием отметил, как напряженно и встревоженно она сидит на самом краешке глубокого кресла, готовая вскочить немедленно при малейшем неосторожном жесте или слове с его стороны и тогда, конечно, навсегда исчезнуть из его жизни.

— У меня есть что вам предложить, — осторожно начал герцог. — Но прежде всего я хочу вас заверить, что вы можете остаться в этом доме на ночь и моя экономка о вас позаботится.

— Остаться здесь? — Изумлению Юделы не было границ.

— Дом полон прислуги, и вам нечего бояться. Вы не останетесь без патронессы, причем самой

благожелательной и уважаемой, так что все правила приличия будут соблюдены. Моя бабушка, вдовствующая герцогиня Освестри, как раз сегодня вернулась из поместья и ночует здесь, в доме.

Юдела ахнула, правда, едва слышно.

— Вы хотите сказать, что вы... герцог?

— Да. Я герцог Освестри.

— Мне кажется, что я о вас... слышала... Ну да, конечно, я должна была догадаться.

— Догадаться? О чем? — поинтересовался герцог.

— Вы выглядите так внушительно, ведете себя так благородно, что, конечно, мне надо было сразу догадаться, что вы или герцог, или особа королевской крови.

Герцог рассмеялся. Он чувствовал, что Юдела говорит это совершенно искренне. И ни в коем случае не хочет ему польстить. Она была похожа на ребенка, который произносит вслух то, что он думает. Из бесчисленного количества комплиментов, выслушанных им за свою жизнь, этот, пожалуй, доставил ему больше всего удовольствия.

— Благодарю вас, — сказал он, — но я обязан также сообщить вам, к сожалению, что лорд Джулиус Вестри — мой родной брат. Младший брат, поэтому и носит фамилию Вестри, как и остальная родня.

Возглас Юделы, который услышал из ее уст герцог, был уже не возгласом удивления или восхищения. В нем прозвучал неподдельный ужас.

Она непроизвольно поднялась с кресла. Герцог посчитал нужным сразу же пресечь ее попытку к бегству. Он заговорил, стараясь выглядеть как можно более дружелюбным и мягкосердечным:

— Я хочу попросить у вас прощения за чудовищный поступок, совершенный моим братом. И прошу мне поверить, что я несу ответственность за каждое произнесенное мною слово. Я готов помочь вам всем, чем смогу, и вознаградить за то, что вы выстрадали.

Как ему хотелось, чтобы его слова дошли до ее сердца и она действительно прониклась к нему доверием. Все, о чем она думала, словно бы отражалось в ее серых глазах, которые, увеличившись в размерах, казались непомерно большими на ее милом маленьком личике.

Он едва услышал то, что шептали ее губы:

— Неужели это правда?

— Не сомневайтесь, что я глубоко стыжусь за непростительное поведение лорда Джулиуса. Такому унижению, к несчастью, он подвергает меня далеко не впервые.

Юдела не знала, как и что ответить герцогу. Она молча опустилась в кресло, заняв прежнее место на самом краешке сиденья.

Воцарилось молчание.

Юдела первой осмелилась нарушить его:

— Вы уверены, что не будет выглядеть таким непростительным поступком с моей стороны, если я попрошу все-таки у вас убежища на эту ночь? Я не хотела бы причинять вам затруднения.

— Ни о каких затруднениях не может быть и речи, — тут же ответил герцог.

Он позвонил, и дверь библиотеки мгновенно отворилась.

— Сообщите миссис Филд, — обратился герцог к слуге, — что мисс Хейворт будет ночевать сегодня здесь и что багаж нашей гостьи, к несчастью, пропал по дороге в Лондон.

— Будет исполнено, ваша светлость.

— Еще скажите миссис Филд, что я вскоре пошлю за ней, чтобы она проводила мисс Хейворт в приготовленную для нее комнату.

Когда слуга прикрыл за собой дверь, Юдела с облегчением произнесла:

— Как я вам благодарна, сэръ!

— Теперь, пожалуйста, выслушайте предложение, которое я намерен вам сделать. Только будьте очень внимательны. Вы готовы?

— Да... конечно.

— Мне трудно подобрать подходящие слова... — начал он задумчиво. — Как бы мне лучше вам объяснить, что я стараюсь помочь не только вам, но и себе самому. Вероятно, вам это покажется несколько странным...

— Я бы очень хотела помочь вам. Было бы так чудесно, если б хоть чем-то я смогла бы отплатить вам за вашу доброту.

— Думаю, что я все-таки нахожусь благодаря своему братцу в большом долгу перед вами, чем вы передо мной. И не будем забывать, что когда вы завтра покинете этот дом, то окажетесь, если можно так выразиться, в полной пустоте. Вам некуда идти и не к кому обратиться. И давайте честно признаемся, что у вас нет никаких перспектив найти в ближайшем будущем благопристойное занятие и место, где бы вы могли заработать даже хотя бы на хлеб с кусочком сыра. Не так ли?

— Я постоянно перебираю в уме и оцениваю свои скромные способности и таланты и не нахожу ничего такого, что могло бы заинтересовать нанимателей, — с горечью согласилась девушка.

— Уверен, что большинство моих знакомых испытали бы то же ощущение, если б им вдруг пришлось собственным трудом зарабатывать себе на жизнь, — попытался ободрить ее герцог.

— Конечно, сейчас, к сожалению, все это выглядит так нелепо... то, что папа настоял, чтобы я получила образование. Теперь оно мне ни к чему... А мама обучила меня игре на фортепьяно... Правда, моего умения недостаточно, чтобы это стало моей профессией.

— Вряд ли концертная площадка или театральная сцена с их окружением и с соответственным образом жизни — среда, подходящая для вас, — сдержанно отозвался герцог.

— Я могу хорошо готовить, — доверительно сообщила герцогу Юдела. — Я научилась

приготовлять особо любимые папой кушанья, которые были не под силу нашей кухарке миссис Гиббс. Но я предполагаю, что никто не согласится нанять меня в качестве повара.

— Я как-то не очень представляю вас стоящей на кухне у плиты.

— Но раз я не могу быть гувернанткой или... прислугой, на что мне тогда можно рассчитывать?

Герцог догадывался, что зловещий вариант решения всех проблем, уготованный для Юделы лордом Джулиусом, вновь всплыл в памяти девушки. Опять ее пронизал страх, пальчики задрожали мелкой дрожью, она сжала их, удерживаясь от подступающих рыданий. Герцог произнес успокаивающе;

— Я собираюсь вам предложить нечто совершенно другое.

Юдела прислушалась к его негромкому, спокойному голосу, а он нарочно сделал паузу, как бы подыскивая нужные слова, а на самом деле с целью обострить ее внимание к тому, что сейчас будет им сказано.

— Я попал в затруднительное положение, о котором в данный момент предпочел бы не распространяться. Я уверен, что мне очень бы помогло, если бы я дал понять всем окружающим, а в особенности одной весьма неприятной личности, что для меня невозможно сочетаться с этой особой браком.

Юдела выглядела несколько удивленной, но не произнесла ни слова, и герцог беспрепятственно продолжил:

— Меня внезапно осенило, когда вы, в свою очередь, искренне поведали о ваших затруднительных обстоятельствах, что если б на некоторое время вы согласились притвориться, что мы с вами обручены, то и ваши, и мои проблемы таким путем были бы решены.

Когда он увидел, как расширились ее глаза, то поспешно добавил:

— Хочу сразу предупредить вас, что речь идет не о женитьбе. Я не намерен жениться, во всяком случае, в обозримом будущем. Но если я объявлю о своей помолвке и заставлю окружающих поверить в серьезность моих обязательств, то это, как я уже сказал, избавит меня от трудностей, и я с честью выйду из создавшегося положения.

— Вы считаете, что это действительно вам поможет?

— Я очень на это рассчитываю.

— Тогда, конечно, я сделаю все, о чем вы попросите, ваша светлость. Но неужели ваши друзья поверят, что вы могли обручиться с такой... такой, как я?

Подобное простодушие не могло не вызвать у герцога невольной улыбки.

— Вам достаточно поглядеть на себя в зеркало, мисс Хейворт, — или лучше я буду называть вас Юдела, чтобы все сомнения ваши рассеялись и вы убедились бы в том, что любой мужчина захочет тотчас же на вас жениться.

— Но я же такая не... знатная. И не выгляжу так красиво, как... ваши знакомые леди.

Тут же в ее памяти всплыли смутные образы женщин, тех, что она видела на рисунках в

«Журнале для дам», который изредка покупала ее мама, а также вспомнила гостей в Элдридж-хаузе, когда покойная матушка нынешнего сквайра приглашала ее с родителями на свои чаепития.

Ей казалось, что эти женщины, где бы она их ни видела — в церкви или на приемах в помещицьем доме, — всегда носят зимой соболя и окутаны в атлас и пестрые роскошные наряды из тафты летом, так что выглядят пришельцами из иного мира.

Контраст между нею — скромно одетой — и этими ангелоподобными существами был очевиден. Тем более что ее простенькое, застиранное платьице тут же напомнило ей, что она совсем не к месту в богато убранной библиотеке этого дома.

Герцогу ничего не стоило догадаться, о чем думает эта несчастная, испуганная девушка.

— Я обещаю вам, что если вы согласитесь быть представленной в большом свете в качестве моей будущей жены, то будете иметь все наряды, соответствующие той роли, которую вам придется играть в задуманном нами спектакле.

— Неужели вы... говорите серьезно? — Робость и нерешительность Юделы были безумно трогательны.

— Я так думаю, что на те шесть фунтов, которые, по вашим заверениям, у вас остались в сумочке, вы не сможете прилично одеться для светских приемов.

Это последнее заявление герцога заставило Юделу замолчать. Она еще раз окинула взглядом великолепную обстановку комнаты, где находилась, потом ее глаза обратились на собеседника. Она оценила и то, во что он был одет.

Герцог же наблюдал за ней с усмешкой. Ему очень нравился ее профиль на фоне позолоченных книжных корешков на полках и фас, когда она обращала свое личико к нему.

«Как же она хороша! — мысленно восхищался ею герцог. — Пожалуй, ни у кого не возникнет сомнения, что я выбрал себе невесту по вкусу».

Мысль о том, что все-таки это не действительность, а лишь ловкая игра, задуманная им, породила в его душе некое раскаяние.

Он тут же отменил все сомнения и поспешил продолжить деловую беседу:

— Чем вам не нравится мое предложение?

— Разве я могу вам в чем-то возразить? Просто я думаю, ваша светлость, что будет не очень прилично, если вы оплатите мои наряды. Может быть, мы договоримся так, что... вы одолжите мне немного денег? Обещаю вам, что я не буду мотовкой... и когда я получу какую-нибудь работу, то я верну вам мой долг из своего жалованья.

На какой-то момент герцог подумал, что она шутит или, что еще хуже, издевается над ним. Он еще не встречал женщины, к какому бы общественному слою она ни принадлежала, которая бы не была готова истратить целое состояние на тряпки, узнав, насколько богат мужчина, — с кем она имеет дело.

Как только та или иная дама чувствовала расположение к себе герцога, тут же ему предъявлялись счета за драгоценности, меха и шелка.

— Я боюсь, что вы не до конца меня поняли, Юдела. Если вы согласитесь взять на себя обязанность сыграть роль моей невесты, то вам будет определено жалование, соответствующее этой роли. А также к вашим услугам будет костюмерная, как у любой актрисы в театре. Вы же искали место, чтобы заработать себе на жизнь? Вот я и нанимаю вас. Правда, не знаю, на какой срок. Но в период вашего пребывания в этой роли вы не будете нуждаться ни в одежде, ни в пище, ни в крыше над головой. А по завершении спектакля, когда мы расстанемся, я обязуюсь выплатить вам тысячу фунтов. Эта сумма вас устраивает?

— Тысяча... фунтов?

Она даже не могла назвать эту немыслимую для нее сумму на одном дыхании. Повторив вслед за герцогом эту цифру, Юдела тут же вскрикнула:

— Конечно, нет! Я никогда не возьму от вас подобные деньги!

— Вот этот вопрос мы с вами даже не будем обсуждать. Я никогда не говорю о деньгах с женщинами. Какую я назвал сумму, такую вы и получите. Ни фартинга больше и не меньше.

Он чуть помедлил, потом добавил:

— Впрочем, я уверен, что когда вы побудете в роли моей невесты несколько месяцев или хотя бы недель, то вам эта сумма покажется смехотворно маленькой и вы захотите увеличить ее.

— Как вы можете даже вообразить хоть на миг, что я могу быть... такой неблагодарной? Ну, пожалуйста, ваша светлость, если уж вы действительно собираетесь мне в конце вручить такую громадную сумму, то позвольте мне самой оплачивать мои платья, а потом вычтите их стоимость из будущего гонорара.

— Уж разрешите мне, уважаемая леди, вести дела так, как я привык. Кстати, этот пункт я хотел бы внести в наш письменный договор отдельной строкой.

Едва он произнес это, как сразу же обрадовался собственной идее. Его так часто в прошлом дурачили, обманывали, а потом шантажировали, что герцог хотел в этом случае застраховаться на будущее.

— Я собираюсь во всех деталях записать все свои требования к вам, а также мои обязательства, чтобы в отношениях между нами царил полная ясность. Я хочу быть уверен, что на большее вы никогда не будете претендовать.

Герцог сделал несколько шагов по комнате.

— Когда мы завершим наше общее дело и вы отправитесь в самостоятельное странствие по жизни, мы станем вновь абсолютно чужими людьми, финансово независимыми друг от друга. Я не потерплю, чтобы вы вдруг опять начали выпрашивать у меня деньги.

— Боже мой! Как вы могли подумать, что я способна на такое?..

Юдела была слишком изумлена, чтобы обидеться на подобное недоверие к ней. Сомнения не покидали ее.

— Ваше предложение действительно серьезно?

— Я серьезен, как никогда!

— Вы не затеяли всю эту историю только для того, чтобы иметь предлог помочь мне? Я не согласна на подачку от кого бы то ни было.

— Уверю вас, что я очень эгоистичная личность и всегда в первую очередь думаю о себе, а не о ком-либо еще.

Ее изумленный взгляд, казалось, прожигал его душу насквозь.

— А если я вас... подведу? Если у меня ничего не получится?

— Думаю, что этого не произойдет.

— Вы же понимаете, что я... неопытна, ваша светлость. Я в жизни не встречала человека, подобного вам... То есть, простите... вашего положения, я хотела сказать.

Герцогу эти ее возражения были уже не внове. Он уже собрался их опровергнуть, как Юдела вдруг торопливо вновь заговорила:

— Когда еще покойный лорд и леди Элдридж были живы, меня с родителями обычно приглашали на чаепития в саду, а иногда даже и на ужины. Кроме этих уважаемых людей, я в жизни не встречала больше знатных особ. Потому что папа отказывался от приглашений нового лорда Элдриджа, не одобряя его поведения.

Тут Юдела вспомнила, что родной брат герцога принадлежал к кругу знакомых этого самого неодобряемого ее покойным батюшкой лорда. Эта мысль снова привела ее в смущение, щеки ее зарделись.

Герцог залюбовался девичьим румянцем.

Стараясь скрыть свое смущение, Юдела быстро проговорила:

— Я обязательно наделаю множество ошибок, и вам будет за меня стыдно.

— Уверен, что ошибок будет не так уж много, потому что я постоянно буду находиться рядом с вами. Ваши опасения напрасны, Юдела. К тому же после объявления о помолвке и нескольких обязательных визитов, а также появлений в свете мы сможем удалиться в загородное поместье.

Глаза Юделы просияли:

— Как это было бы чудесно!

Герцог, однако, подумал, что отступление в сельскую местность от натиска леди Марлен, когда та оправится после первого шока, узнав о его помолвке, было бы ошибкой. Врага надо встречать лицом к лицу. Поспешный отъезд герцога с невестой в деревню мог бы вызвать подозрения и у зловещей леди, и среди светской публики. Он был уверен, что леди Марлен так легко не сдастся. Она не пожалеет усилий, чтобы докопаться до истины. Поэтому перспектива быстрого исчезновения герцога из столицы представлялась весьма сомнительной. Но, чтобы не расстраивать Юделу, герцог решил сейчас не говорить об этом.

Главное, что он выбил почву из-под ног самого грозного противника, скандального и мстительного брата леди Марлен. Граф Стенвик уже не сможет громогласно кричать об обязательствах герцога по отношению к его сестре, если в свете станет известно, что герцог

помолвлен.

Сколько бы грязи и желчи ни излили на герцога его противники, они будут посрамлены, ибо все будут убеждены, что их поступками движет только слепая ревность к хорошенькой невесте. Тем более что в последние три месяца герцог не завел новой любовницы и, по наблюдению весьма надежных и обученных всем хитростям журналистской профессии репортеров бульварной газетенки «Бомонд», не встречался наедине с леди Марлен, великодушно уступив свое место в ее постели недостойному сопернику лорду Нейсби.

Естественно, что ребенок, который, по несчастью, вдруг обнаружился в очаровательном, округлом животике любвеобильной леди Марлен, будет приписан к неисчислимому количеству рожденных при участии этого проходимца детишек, не ведающих, что их папочка — дурак и подлец, да еще к тому же не платящий карточные долги.

Герцог не был до конца убежден, что идея, осенившая его, так уж гениальна, но неискушенность девушки, сидящей перед ним, позволяла надеяться на благополучный исход задуманной им интриги.

Прошлый опыт общения с женским полом доставил ему лишь огорчения. Как только эти особы приобретают вожделенные наряды, так тотчас же выпускают коготки, и вырвать добычу из их нежных ручек не сможет даже легендарный Самсон, лишившийся пышной, модной в те времена прически по вине подлой Далилы.

Обычно после двух-трех недель любовного безумства наступает момент отрезвления, когда ты вдруг видишь, что на твоём плече покоится не очаровательная головка слабого создания, а зубастая пасть доисторического динозавра, готового пожрать немедленно все твоё состояние.

Проведя в объятиях женщины некий положенный срок, герцог, как и его друзья по клубу, старался вычеркнуть из памяти даже имена этих чудовищных гарпий с лентами на шляпках, с глубокими вырезами на платьях, выставляющих напоказ свои округлости, и с шепотком, который ласкал слух в первую любовную ночь, а потом становился уже невыносимым.

Такое его открытие, как провинциальный «цветок» — простодушная и бескорыстная девушка, какой показалась ему Юдела, конечно, уподобится камню, упавшему в бочку со стоячей водой. Круги мгновенно разбегутся во все стороны, престиж герцога как соблазнителя невинных созданий еще более укрепитя в обществе, а леди Марлен ничего не останется делать, как только кусать себе локти.

Он поздравил себя с тем, что нашел выход из тупика, в который его загнали злобные недруги, а также способ разрешения всех проблем бедной сиротки, дочки покойного праведного vicария.

«Я действительно не так глуп, как думал о себе раньше», — с удовлетворением отметил он и занял место за письменным столом.

Герцог достал из ящика лист дорогой бумаги, украшенной сверху герцогским гербом, и открыл кожаный футляр с письменными принадлежностями, на котором золотыми буквами был выгравирован девиз его благородного и древнего рода. Массивная бронзовая чернильница была подготовлена для написания важных документов. Он обмакнул в нее перо.

Юдела не отрываясь следила за его действиями. Его профиль на фоне пламени свечей казался ей удивительно мужественным и красивым. Никогда ни в одном девичьем сне не могла она себе вообразить, что будет находиться в одной комнате с таким обаятельным благородным мужчиной, да еще обладателем герцогского титула.

Хотя не прошло, наверное, и часа с момента, как она попала в этот дом, но уже воспоминания о подлом лорде Джулиусе, заманившем ее в Лондон, канули в небытие. Как удивительно сложилась ее судьба, как милостив к ней был господь, что именно его светлость герцог Освестри спас ее от насильников и не позволил ей ступить на путь греха!

Но теперь Юдела согласилась на предложение, которое ни в каком сне не могло присниться ей. Разве она могла вообразить себе, что будет играть роль невесты человека, такого знатного и красивого, который сейчас трудится над составлением договора, склонившись над письменным столом. Еще недавно он был для нее лишь просто спасителем, укрывшим ее от преследователей в своей уютной библиотеке. Юдела ни на что не надеялась, кроме как на минутный приют, а дальше ее вновь ждала пустынная улица, полная неизвестности и неведомой опасности.

А что теперь? Теперь ее ждала таинственная, пугающая и в то же время заманчивая жизнь и надежная защита, хотя бы на время, от всех невзгод. Конечно, она могла сомневаться в искренности его слов. Но герцог казался ей именно таким джентльменом, о которых ее покойный отец всегда отзывался с уважением.

«Да, папа поверил бы ему», — твердила Юдела самой себе, хотя сомнения все же одолевали ее. Уж слишком фантастичным было предложение герцога. Тот факт, что он не только готов оплачивать ее наряды, но даже после завершения сделки собирается вручить ей немислимую сумму денег, уже настораживал девушку.

Может быть, он потребует от нее еще каких-нибудь услуг? Несмотря на то, что всю свою юность Юдела провела в деревне, среди бедных простых людей, она была абсолютно невинна. Конечно, она знала, что молодые девушки иногда попадают в трудное положение из-за того, что позволяют себе вольности с мужчинами и из-за этого на свет появляются дети, не имеющие законного отца. Таких несчастных детишек благопристойные люди клеймят нехорошими словами, а их матери становятся париями в обществе.

Слово «грех», разумеется, несло в себе пугающий смысл, но конкретно в чем проявляется греховность, ей было неизвестно. Только мужчины, посещающие заведения, подобные тому, куда намеревался определить Юделу лорд Джулиус, могли просветить ее на этот счет. Она знала, что джентльмены платят за получаемые ими удовольствия. Уже одно это, с ее точки зрения, было верхом безнравственности. Как можно оплачивать или брать деньги за любовь, за чувство, дарованное нам всевышним, которое должно отдавать только искренне любимому человеку без всякого помысла о личной выгоде.

Самое удивительное было то, что, погрузившись в эти философские размышления, она наблюдала, как странный, властный и достойный всяческого уважения мужчина, склонившись над столом, кусает губы, старательно сочиняя документ, который касается их общей судьбы.

Юдела вдруг почувствовала, как сильно она устала, и испытала неодолимое желание задремать, устроившись в этом уютном кресле. Прошлую ночь она лишь сомкнула глаза на пару часов после того, как убрала все вещи в родительском доме, прежде чем расстаться с ним навсегда.

На рассвете она уже бежала, неся свои немногочисленные пожитки, к перекрестку дорог, где должен был проехать попутный почтовый дилижанс, следующий в Лондон.

Изо всех сил она боролась со сном и желанием прилечь, но, к счастью, герцог закончил свою работу над документом и позвал ее:

— Подойдите сюда, Юдела.

Она с трудом приподнялась и приблизилась к столу.

— Я хочу, чтобы вы внимательно прочитали то, что я здесь написал, — сказал он строго. — А когда ознакомитесь с текстом, пожалуйста, подпишитесь.

Он протянул ей лист бумаги, аккуратно исписанный каллиграфическим и удивительно твердым почерком. Именно так должен был писать, по ее мнению, знатный господин. Не какие-нибудь там закорючки и завитки, а такие ровные, четкие строки, где каждая буква вызывает уважение.

— Читайте вслух! — распорядился он.

Юдела подчинилась. Голос ее был тих и слегка охрип от усталости, но все равно оставался нежным и мелодичным. Она прочла:

— «Я, Юдела Хейворт, согласна выступить в роли невесты его светлости герцога Рэндольфа Освестри на протяжении того времени, которое потребуется ему для осуществления его планов. Я никому не признаюсь, что это лишь фиктивное обручение, соответствующее желанию его светлости герцога и моему собственному, но обещаю вести себя сообразно всем правилам светских приличий, которые накладывает на меня это положение. Любые приказания и советы его светлости я клянусь исполнять ради успешного завершения нашего общего дела.

После того как истечет назначенный его светлостью определенный срок, я согласна принять в качестве вознаграждения сумму в одну тысячу фунтов стерлингов. Все платья, а также другие наряды и украшения, предоставленные его светлостью герцогом Освестри, останутся в моей полной собственности после истечения срока договора. Я обязана покинуть жилище герцога немедленно и без каких-либо претензий. Данное соглашение я подписала в трезвом уме и памяти, по собственному желанию в десятый день Июня 1820 года, в чем и расписываюсь собственным именем».

К концу чтения Юделе почти отказал голос. Она перешла на шепот. И также шепотом она спросила:

— Вы уверены, ваша светлость, что обязались мне впоследствии отдать такую невообразимую сумму?

— Я хочу, чтобы вы жили в достатке и благополучии в течение нескольких лет после того, как мы расстанемся, — заявил герцог.

— Что значит несколько лет? Мне этих денег хватит на всю жизнь. Представляете, что мой папа получал жалованье в три сотни фунтов в год и всегда говорил, что это очень щедрая оплата за его труды.

— Тем более. Я уверен, что та тысяча фунтов, которую я вам вручу, обеспечит вас на все то время, пока вы будете искать себе достойного супруга и сделаете ваш выбор без всякого внешнего давления и зависимости от обстоятельств. Пусть на ваш выбор будущего жениха не окажут воздействия денежные затруднения.

Тут герцог позволил себе слегка улыбнуться.

— Но это выглядит таким богатством, которого я недостойна, — еле слышно произнесла Юдела.

— Повторяю, что я не намерен обсуждать с вами принятые мною решения, тем более торговаться насчет каких-то жалких цифр, — резко оборвал ее герцог. — Если у вас нет больше никаких замечаний по сути дела, я прошу вас подписать этот документ, который будет храниться в безопасном месте, известном только нам обоим и больше никому. И я хочу, чтобы никто, кроме нас, не знал о заключенном нами секретном соглашении.

Говоря это, он, конечно, думал о возможных спорах и разногласиях, которые могли возникнуть между ним и этим невинным простодушным созданием после истечения срока договора. Наряды и драгоценности, надетые на эту нежную шейку, вполне могут резко изменить характер ее обладательницы. Он, к несчастью, был свидетелем многих подобных и печально для него оборачивающихся метаморфоз, происходящих с особами женского пола. Но дурные предчувствия рассеивались и уступали место сладостному предвкушению момента, когда он представит Юделу большому свету и насладится ошеломительным успехом, который она произведет там. С особенным удовольствием герцог вообразил себе выражение лица леди Марлен, ее округлившиеся в изумлении глаза и несвойственную ей растерянность, которую она испытает при виде ангелоподобной провинциальной красавицы.

Ему бы хотелось надавать леди Марлен пощечин, но его положение мужчины и джентльмена не позволяло ему сделать этого. Однако герцог понимал, что его появление с юной невестой, трогательно опирающейся на его руку, будет для светской львицы самой унижительной карой за ее подлые интриги.

«Как же я умен и находчив!» — восхищался собой герцог, протягивая перо Юделе, которая все не решалась взять его в свою изящную ручку.

Он пододвинул ей стул, чтобы она с удобством могла совершить столь торжественный акт подписания документа. Наконец перо опустилось на бумагу, и герцог увидел, что в углу листа появилась ее подпись. Его растрогал ее девичий, такой округлый бисерный почерк, выражающий одновременно и нежность души, и твердость характера. Он забрал у нее бумагу, спрятал документ в ящик бюро, который тут же тщательно запер на ключ.

Проделав это, герцог сразу же позвонил в колокольчик.

— Надеюсь, вы отлично выспитесь и хорошо отдохнете у меня в доме, Юдела. Завтра вы встретитесь с моей бабушкой, и она пригласит портних, чтобы снять с вас мерку. Вы понимаете, что я не могу себе позволить представить вас на публику до тех пор, пока вы не будете соответствующим образом экипированы.

Герцог ласково ей улыбнулся и добавил с целью рассеять ее последние сомнения и страхи:

— Вы будете главной героиней в спектакле, который мы с вами скоро разыграем. Я так же, как и вы, волнуюсь, но, когда пройдет первый трепет от появления на публике, дальше все пойдет само собой.

— Я сделаю все... все-все, чтобы вы остались мною довольны, ваша светлость.

— А мне доставит удовольствие, если вам понравится роль, которую предстоит сыграть.

Ее взгляд был так трогательно серьезен, в нем ощущалась такая ответственность за порученное дело, что сам герцог, как автор пьесы и постановщик будущего спектакля,

почувствовал, что мурашки пробежали у него по спине, словно у дебютанта на театральных подмостках.

Ему придется разделять всю ответственность с ней, а какую непривычную и тяжкую ношу он возложил на ее слабенькие плечи — лгать наперекор своему правдивому характеру, притворяться и лукавить, когда вся ее прямолинейная натура этому противится.

За свою достаточно насыщенную различного рода любовными связями жизнь ему ни разу не приходилось испытывать на себе столь требовательный к ответной искренности взгляд женских глаз. В них была не только строгость серого зимнего моря, которая с первого мгновения их знакомства его словно заворожила, но и удивительная открытость.

Все, о чем бы ни подумала Юдела, тотчас отражалось в ее глазах. Любой вступивший с ней в беседу, проходимец ли он или порядочный человек, сразу поймет, что здесь у него есть шанс сыграть в игру без проигрыша.

— А вы, вы поможете мне? — спросила Юдела.

— Всем, чем только смогу, — заверил ее герцог.

Дверь в библиотеку приотворилась, и на пороге появилась домоправительница. Герцог понял, что его звонок поднял ее с постели. Это была женщина лет шестидесяти, чья седина и внушительный вид позволяли ей держать всю прислугу в беспрекословном повиновении. Молоденькие горничные ходили перед ней на цыпочках. В то же время герцог ценил ее, зная, как трудно найти в Лондоне личность, способную содержать дом знатного лорда в полном порядке и поставить плотину на пути утекающих неизвестно куда денег.

Такая домоправительница стояла целого состояния. Герцог ее ценил, уважал и иногда даже несколько робел перед ней.

Пожилая домоправительница приветствовала своего хозяина:

— Добрый вечер, ваша светлость.

— Добрый вечер, миссис Филд. Я сожалею, что потревожил вас в такой поздний час, но мне бы хотелось, чтобы вы проявили заботу о мисс Хейворт, которая только что приехала в Лондон и пережила по пути неприятные приключения, лишившие ее всего багажа.

— Я очень сочувствую вам, мисс.

Приветствие домоправительницы, обращенное к гостье, было несколько более формальным, чем к хозяину дома. Однако желание лорда для нее было законом, поэтому герцог мог быть абсолютно спокоен, что все его распоряжения будут выполнены.

— Спокойной ночи, Юдела. Я надеюсь, что после всего пережитого вами ваш сон будет крепок и все тревоги к утру забудутся.

— Я постараюсь... забыть обо всем... ваша светлость. Юдела приподнялась с кресла и, вся дрожа, сделала вежливый реверанс, прощаясь с хозяином дома. Ее губы прошептали то, что услышал лишь герцог и никак не могла услышать суровая домоправительница:

— От всего сердца... от всей души моей благодарю... Господь послал мне вас... во спасение...

Юдела с трудом разомкнула слипшиеся веки. Ей показалось, что она проспала целую вечность. Разбудил ее яркий луч солнца. Кто-то во время ее сна раздвинул поутру тяжелые занавеси, закрывавшие окна спальни.

Несколько мгновений после пробуждения ей было нелегко прийти в себя. Она не могла вспомнить, где находится, и эта мысль повергла ее в трепет.

Было ли это чувство вызвано воспоминаниями о недавно пережитых ею страхах или возбуждением, которое заронил в ее душу знатный господин, обратившись к ней с весьма странной просьбой, все равно ей было не по себе.

Еще вчера она в панике бежала от жуткого притона, куда ее пытался заманить бесчестный лорд Джулиус, а теперь она без всякого сопротивления согласилась провести ночь у незнакомого мужчины в его доме да еще надеть на себя перед сном неизвестно чью ночную сорочку. Доброта герцога и его заверения, что какая-то пожилая дама будет ее опекать, все-таки не рассеяли страхи Юделы.

Что, если вдовствующая герцогиня подумает, что ее внук, обладающий такой блестящей внешностью, попался в сети хитроумной девчонки из провинции? Она помнила, что герцог все время повторял во вчерашней беседе, что нуждается в ее помощи, а не занимается благотворительностью.

Эта мысль в какой-то степени утешала ее. «Если я ему могу помочь, то я сделаю все, что от меня зависит, — твердила Юдела. — И я когда-нибудь возьму ему все затраты на мои наряды».

Юдела твердо придерживалась мнения, что девушке не годится получать от джентльмена какие-либо подарки, а тем более разрешить ему оплачивать свой гардероб. Но в то же время она задавала себе вопрос: что ей еще оставалось делать? Роль невесты, предложенная герцогом, вероятно, оставалась единственной возможностью для нее как-то выжить и не умереть с голоду на улице.

Но как она будет выглядеть рядом с таким представительным мужчиной, как герцог Освестри? Светская публика, о которой она имела лишь смутное представление, разумеется, сразу разоблачит в ней самозванку, и на ее долю достанутся ехидные смешки, колкие словечки и перешептывания за спиной. Разве она сможет вынести подобное унижение?

Ей казалось, что ее пробуждение от сна длится бесконечно долго, а на самом деле заняло несколько секунд. Открыв глаза пошире, она увидела горничную, раздвигающую занавеси и открывающую окна для проветривания спальни.

Чудесный ароматный июньский воздух заполнил комнату. Заметив, что госпожа проснулась, служанка тотчас же подвинула к ее постели столик, на котором красовался поднос с аппетитным завтраком. На серебряном кофейнике Юдела различила герцогский герб; нож и вилки казались слишком тяжелыми, потому что были сделаны из золота, а маленькие бутербродики с ветчиной и тонко нарезанными яйцами так же, как и подрумяненные горячие тосты, возбуждали аппетит.

Оглядев комнату, Юдела поняла, что ни в каком самом волшебном сне она не смогла бы представить себе более роскошную и в то же время уютную спальню. Но на переживания не оставалось времени. Почти сутки голодной жизни заставили ее обратиться к завтраку.

Наслаждаясь очередным кусочком золотистой, сочащейся соком груши, Юдела вздрогнула, когда дверь в спальню приотворилась и в темном проеме возникла строгая фигура миссис Филд.

— Надеюсь, у вас был хороший сон в эту ночь, мисс?

— Да, разумеется. Спасибо вам, — откликнулась Юдела. — Я чувствовала себя очень усталой, а теперь хорошо отдохнула.

— Надеюсь, что вы восстановили свои силы после приключений, пережитых за последнюю ночь? Я так поняла, мисс, что вы подверглись нападению на дороге и лишились своего багажа.

Юдела не знала, что ответить, и поэтому промолчала. Домоправительница же продолжила дружелюбным, но в то же время весьма наставительным тоном:

— Я отгладила ваше платье, мисс, но боюсь, что оно слишком плотное и жаркое для сегодняшней погоды. И вообще для этого летнего сезона. Но мне нечего предложить вам взамен.

— Пожалуйста, не беспокойтесь об этом, я обойдусь и Своим платьем. Благодарю за ночную рубашку, которую вы мне одолжили на эту ночь. Она так красива и удобна.

— Это не моя рубашка, а собственность ее светлости вдовствующей герцогини, — поджав губы заявила миссис Филд. — Я думаю, что прошивка из китового уса на талии по старой моде не доставила вам, мисс, неудобств.

Юдела только сейчас почувствовала, какой действительно жесткий был корсаж у этого старомодного ночного одеяния.

Миссис Филд между тем продолжила:

— Анни готовит вам ванну, мисс. А когда вы оденетесь, то, пожалуйста, спуститесь в библиотеку, где его светлость будет ожидать вас.

— Его светлость? — не удержалась от испуганного возгласа Юдела.

— Вам незачем торопиться, мисс. Его светлость сейчас совершает верховую прогулку и вернется домой через полчаса.

— Конечно, я сейчас встаю.

Юдела занервничала и резко приподнялась в постели, чуть не опрокинув поднос с завтраком.

Когда она приняла ванну и напялила на себя свое отглаженное, но столь заношенное и жаркое для летнего дня платье, удручающие мысли вновь овладели ею. Со страхом она подумала, что герцог желает видеть ее только для того, чтобы сказать ей, что он передумал. Ей было известно из рассказов деревенских девушек о том, что благородные джентльмены склонны давать громкие обещания после сытного обеда, сопровождаемого изрядным количеством вина и бренди, о чем, прояснив свой разум, часто выражают сожаление.

Герцог вчера ночью, наверное, был не очень трезв — это подтверждало мрачное настроение, и, конечно, он теперь сожалеет обо всем, что наговорил и записал в документе.

» Если он намерен отказаться от своего предложения, что же мне тогда делать? — терзалась

страшными мыслями Юдела. — Куда я денусь, если он выставит меня на улицу?»

Он был так добр вчера, так галантен и безупречно вежлив, что дом Освестри показался ей самым надежным и уютным убежищем. Как страшно будет, если ее выкинут, отсюда в самое ближайшее время, как постороннюю, никому не нужную случайную вещь.

Юдела представила себя идущей по улице страшного, незнакомого ей города Лондона, не зная, к кому обратиться с вопросом, и без всякой надежды на сочувственное слово.

Одно лишь поддерживало в ней уверенность в себе, что ее шести фунтов хватит на обратную дорогу в Литл-Стортон и даже на скудный обед по пути, тем более что она солидно подкрепилась завтраком в герцогском доме.

Может быть, когда появится в деревне новый викарий, она как-то договорится с ним, чтобы он предоставил ей на некоторое время кров в жилище ее покойных родителей, пока соседи не согласятся воспользоваться ее услугами в качестве помощницы по хозяйству или уходу за детьми.

Разумеется, что обращаться с просьбой к этим бедным людям было для нее весьма унижительной перспективой, но другого выхода просто не было. К тому же она опасалась, что Эддридж рассердится на нее за то, что она подвела его приятеля, лорда Джулиуса, и начнет чинить ей всяческие препоны.

» Что мне делать? Как мне быть?«— нервно повторяла она, спускаясь по лестнице, пересекая мраморный холл, направляясь в библиотеку. Юдела молила господ, чтобы он внушил герцогу мысль позволить ей хоть ненадолго остаться в этом уютном доме, пусть даже прибежищем ее будет какой-нибудь уголок на чердаке.

Лакей отворил перед ней дверь в библиотеку, заявив громким голосом:

— Его светлость только недавно возвратился, мисс, и сейчас завтракает. Вам ведено подождать его светлость в библиотеке.

— Благодарю вас, — робко отозвалась Юдела.

Она прошла в комнату и уселась на свое прежнее, уже обжитое место на краешке кожаного кресла. Сейчас шторы на окнах были уже подняты, солнечный свет заливал библиотеку, за окнами шелестели листвой дерева старинного и ухоженного сада.

Свежая прохладная зелень, пронизанная солнечными лучами, напомнила ей об уютном садике ее мамы, который она покинула на рассвете вчерашнего дня, надеясь, что в столице ее ждет благопристойное существование. Как быстро развеялись ее иллюзии, как недолго она тешила себя надеждами на чудо, и вот теперь чувствует себя так, словно ждет смертного приговора.

» Если б я могла повернуть время вспять!«— взмолилась Юдела. Сколько людей до нее в течение веков жаждали сделать то же самое! И все это было напрасно...

Она заглянула в глубокое чрево камина, где увядали вчерашние цветы. Ей стало их жаль, грусть овладела Юделой, но ее печальные размышления нарушил легкий звук отворяемой двери.

Юдела нервно вскочила и увидела герцога, который решительным шагом направлялся к ней.

Он был одет в костюм для верховой езды, бриджи обтягивали его мускулистые ноги, короткая куртка сидела на его широких, сильных плечах как влитая, обувь была начищена до такого блеска, что отбрасывала во все стороны солнечные зайчики. Выглядел он не менее внушительно, чем прошлой ночью.

Юдела с тревогой заглянула ему в лицо, ожидая, что он тотчас же заявит о том, что его предложение, сделанное накануне, было ошибкой и он больше не нуждается в ее услугах.

Его приветственная улыбка ничуть не ободрила Юделу.

— Надеюсь, вы хорошо выспались, мисс?

Юдела, с трудом сдерживая дрожь, сделала реверанс.

— Да, ваша светлость, благодарю вас.

— Я хотел как можно скорее встретиться с вами, но не — решался нарушить ваш сон. Однако нам необходимо было увидеться до того, как вы встретитесь с некоторыми Другими людьми в моем доме, и прежде, чем мы обсудим некоторые детали нашего договора, заключенного вчера вечером.

— Я все помню... — поспешила заверить герцога Юдела.

Она все еще пребывала в уверенности, что герцог передумал и намерен отказаться от своих планов.

— Первым делом возникнет интерес, — продолжил как ни в чем не бывало герцог, — к обстоятельствам нашей встречи. Где и как мы познакомились.

Он прошелся взад-вперед по библиотеке.

— Я придумал следующую версию: часто мне приходилось гостить в графстве Хантингтоншир. Разумеется, я не пользовался гостеприимством лорда Элдриджа, но граф Хантингтон — мой близкий приятель.

Юдела не проронила ни слова. Ей нечего было сказать. Она с трепетом ждала решения своей судьбы и смотрела на герцога, а ее округлившиеся, расширенные от страха и печали глаза, казалось, заняли половину лица.

— Думаю, что этот предлог покажется всем вполне уместным. Я распространю слух, что мы встретились уже год назад, когда праздновалась семнадцатая годовщина со дня вашего рождения. И уже в тот день я увлекся вами. Но вы тогда были слишком молоды для замужества.

Герцог помедлил, тщательно подбирая выражения.

— Как только я узнал о безвременной кончине вашего отца и о том, что вы остались сиротой, то сразу же решил взять на себя заботу о вашей дальнейшей судьбе и предложить вам свою руку и сердце. Как вы считаете — такое объяснение будет убедительно для окружающих?

— Да-да... Конечно, ваша светлость.

Слова герцога вдохнули в нее новую жизнь, словно волшебный напиток. Юдела не вникала в смысл его речи. Главное для нее было в том, что он не отказался от своего обещания и не

прогонит ее тотчас на улицу. От герцога не укрылось ее странное волнение. Он поинтересовался:

— Что вас так беспокоит? Как только я вошел в комнату, сразу заметил, что вы чем-то сильно озабочены.

— Я опасалась, что вы передумаете и выгоните... нет-нет, — поправилась она, — попросите меня удалиться.

— Я никогда не меняю решений, которые уже принял. Страх девушки немного раздражал герцога.

— Я всегда верен своему слову, — сказал он довольно холодно.

— Простите меня, — поспешно пробормотала Юдела. — События прошлой ночи были так неожиданны и... так невероятны, что я не поверила, будто они в самом деле свершились. Вы спасли меня и обещали мне свое покровительство... Разве это не чудо?

— Забудьте об этом. И запомните навсегда, что чудес не бывает. Все, что ни совершается, делается в чьих-либо интересах. В данном случае — в моих сугубо личных интересах. Я уже приказал слугам и дворецкому вычеркнуть из памяти печальный вчерашний инцидент. Если они позволят хоть словом обмолвиться о том, что произошло вчера, то будут немедленно уволены из моего дома с самой отрицательной характеристикой.

Его голос был так суров в данный момент, что Юдела вздрогнула. Она поняла, что герцог может быть и добрым, но и безжалостным господином.

— Я должен сказать вам то, о чем размышлял достаточно долго, прежде чем встретиться с вами здесь поутру. Две-три очень важные детали мы с вами еще не успели обговорить.

Он прошел в глубь библиотеки и занял то же самое место на стуле напротив глубокого кресла, которое он занимал в начале их ночного разговора.

— Сидите, сидите, не вставайте, пожалуйста. Я хочу видеть ваше лицо. Так слушайте меня! Во-первых, я должен знать, как звали вашего батюшку, его полное имя, а также имена других членов вашей семьи.

— Моего отца звали Генри Лайонел Хейворт. Он родился в Нортамберленде, где проживала вся его семья. Отец его был известен местным жителям как Помещик Хейворт.

— Я так чувствую, что за этим прозвищем скрывается некоторое пренебрежение. У этого сквайра не очень хорошо шли дела?

— Как вы догадались, ваша светлость? Он действительно задолжал очень много, потому что земли его не были плодородны. Поэтому мой папа и два его брата ничего не получили в наследство.

— И вам нет смысла обращаться за помощью к родственникам после кончины вашего отца? — уточнил герцог.

— Вы очень проницательны, милорд. Мой папа был младшим из братьев, и ему совсем ничего не досталось из наследства. Я знаю, что братья его тоже скончались, и, так как мы жили в отдалении и не общались с ними долгие годы, я никогда не встречалась с их супругами и

прочими родственниками.

На полированной дубовой поверхности письменного стола перед герцогом лежал лист чистой бумаги, на котором он смог начертать пока лишь только одно имя — недавно усопшего отца Юделы. По-видимому, у нее не оставалось больше никого из родных в этом холодном огромном мире. Но, может быть, оставалась еще надежда...

Герцог поинтересовался:

— А каково происхождение вашей покойной матери? Как ее звали в девичестве?

— Элизабет Массинджер. Ее отец — генерал-майор сэра Александр Массинджер.

Герцог старательно записал довольно сложную фамилию матери Юделы и ее дедушки, перечитал их, а потом поднял на нее взгляд в некотором удивлении.

— Если я не ошибся, вы упомянули имя генерала, который так прославился своими военными успехами в Индии?

— Да, это мой дедушка, — кивнула она. — Но я виделась с ним только однажды.

— Почему?

— Он очень рассердился, когда мама отказалась выйти замуж за человека, как он говорил, » из его полка «. Уде»— душки был намечен для нее жених, его фаворит, но она влюбилась в моего папу.

— К сожалению, ваш дедушка поступил не очень великодушно, — посочувствовал герцог.

— Да, наверное, вы правы. Но я не смею его осуждать, Он выделил маме ежегодное пособие, а когда мне исполнилось девять лет, он пригласил нас с мамой к себе, чтобы попрощаться перед отплытием в Индию.

Тут перед мысленным взором Юделы всплыли детские воспоминания. Какими роскошными показались ей лондонский отель и апартаменты дедушки, где ее мама и она сама, еще маленькая девочка, провели не больше получаса.

Ей запомнилось то, что мама, к ее удивлению, не поцеловала внушительного генерал-майора, а только присела перед ним в реверансе. Но и он был весьма сдержан и сразу же произнес резко:

— Я послал за тобой, Элизабет, чтобы пригласить тебя в путешествие... Чтобы ты поделила мою судьбу, верного служителя Британской короны в далекой Индии. Король назначил меня губернатором Мадраса, и я нуждаюсь в гостеприимной хозяйке дома, чтобы устраивать приемы для живущих там англичан и местных раджей.

Юдела вспомнила, какая странная улыбка появилась вдруг на лице ее матери. В ней была грусть и в то же время непоколебимая гордость. Маленькой девочке вдруг показалось тогда, что ее не очень богатая мать, а она уже об этом догадывалась, стоит на ступеньку выше своего знатного родителя.

— Я, конечно, польщена и даже растрогана твоим предложением, папа. Но я не могу расстаться со своим супругом, а также с Юделой.

— Юделу — какое идиотское имя ты выбрала для своего ребенка — ты можешь забрать с собой.

— А мужа?

— Если ты думаешь, что я прощу тебе твою ошибку, то заблуждаешься. Он для меня был и навсегда останется совершенно чужим человеком.

Юделе пришло на память то напряженное молчание, которое воцарилось в роскошной комнате лондонского отеля после произнесенных ее матерью слов.

Седой старик в элегантной военной форме вдруг опустил голову, а мама, не дождавшись от него ответа, заговорила ласково, но твердо:

— Мне хотелось бы находиться с тобой рядом, папа, и разделять все трудности военной и правительственной службы. И как бы мне хотелось повидать Индию. Поверь мне, что нет более заманчивого предложения для меня, чем то, которое ты мне сделал, но я вынуждена тебе отказать. Хочется верить, что ты меня поймешь. А если нет — то бог тебе судья. Ты — человек долга, но я, твоя дочь, тоже несую свои обязанности, и не только по чувству долга, но и по любви.

— Ты будешь жить в такой роскоши, — прервал ее речь генерал-майор. — Мое будущее положение губернатора провинции сродни королевскому. Подумай, что ты теряешь, отказываясь ехать со мной.

Тогда, много лет назад, маленькая Юдела робко прижималась к матери и чувствовала, как часто бьется от волнения сердце молодой женщины.

— Все так замечательно, папа, — произнесла мать Юделы, не удержавшись от печального вздоха, — но есть две вещи, которые никакая Индия и даже ты не сможешь мне обеспечить.

— Какие же? — резко спросил он и тут же осекся, догадываясь, что хочет сказать ему дочь.

— Да-да, папа. Ты же все понимаешь и без моего объяснения. Мы близки по характеру. Любовь и счастье — вот что не найду я в далекой Индии, — тихо произнесла она.

Они пробыли в этом отеле недолго. Все остальное время дедушка был молчалив и надменно-холоден. И с дочерью, и с внучкой.

Поэтому она не была очень уж удивлена, когда через пять лет он скончался и к матери пришло извещение от адвокатов, что ей причитается из всего наследства только пособие, которое выплачивалось ей и раньше. Со смертью матери год тому назад этот источник средств, опять же по извещению адвокатов, прекратился, и Юдела жила с тяжело больным отцом только на его скромное жалованье.

Все это она искренне поведала герцогу. Он слушал ее внимательно, но без особого интереса. Единственное, что привлекло его внимание в ее рассказе, — это упоминание имени дедушки — знаменитого генерал-майора.

Казалось, для него эта фамилия очень много значила, и его лицо на мгновение осветилось улыбкой.

— Что ж, для начала это уже неплохо. Объявление о нашей помолвке появится в завтрашнем утреннем выпуске «Газетт». А теперь я хочу представить вас моей бабушке.

— А ей... не покажется странным, что мы обручились так неожиданно, без всякой подготовки?

— Разумеется, она будет удивлена. Но изумление — это чувство, которое заставляет быстрее бежать по жилам кровь пожилых людей. К тому же большинство бабушек мечтают о том, чтобы их внуки как можно скорее женились и произвели на свет правнуков, пока они еще не отошли в мир иной. Поэтому радости ее не будет предела.

Саркастическая интонация герцога слегка смутила Юделу. Ей показалось, что молодой мужчина не должен так иронически говорить о пожилой женщине, тем более о вдовствующей герцогине. Но она тотчас же одернула себя. Разве она вправе обсуждать его дела, мысли, поступки? Он обладает гораздо большим жизненным опытом, чем она. Наверное, десятки женщин пытались женить его на себе, и уж он имеет право распоряжаться собственной судьбой. Наоборот, не он, а она поставит его в затруднительное положение своей неопытностью, когда начнет играть роль его невесты.

Считая разговор оконченным, герцог отложил перо и бумагу, на которой он запечатлел имена родственников Юделы, и молча направился к двери. Она, как послушная овечка, последовала за ним. Они поднялись наверх, прошли по коридору, и герцог постучался в самую дальнюю из дверей. Юдела не услышала, чтобы кто-то ему ответил, но герцог решительно вошел в комнату. Ей ничего не оставалось делать, как последовать вслед за ним. Она очутилась в помещении, которое, судя по описаниям в женских журналах, называлось будуар. Там было столько цветов, и срезанных свежих роз в вазах, и растений в горшках, что скорее это напоминало не жилую комнату, а оранжерею. Яркое летнее солнце заливало это помещение бодрящим золотистым светом, и в лучах его нежилась в низком уютном кресле седая, со свежим лицом, почти не тронутым морщинами, красивая пожилая женщина.

— Доброе утро, Рэндольф! Какой приятный сюрприз! — произнесла вдовствующая герцогиня, встречая любимого внука.

Он поднес ее руку к губам для поцелуя.

— Я навестил вас раньше обычного часа, бабушка, и решился на этот поступок только потому, что здесь со мною моя Юдела.

— Юдела?! — переспросила герцогиня, опасаясь, что ослышалась.

Она слегка прищурилась и наконец узрела, что в дверях стоит совершенно незнакомое, плохо одетое существо.

Девушка с робостью приветствовала хозяйку комнаты, а герцог представил ее:

— Перед вами, бабушка, Юдела Хейворт. Завтра с утра в газете появится объявление о моей помолвке с нашей гостьей.

Вдовствующая герцогиня не смогла сдержать возгласа удивления.

— Твоей помолвки?! Мой дорогой мальчик, почему же ты не известил меня об этом событии раньше?

— Только по той причине, что Юдела появилась здесь совершенно неожиданно глубокой ночью, пережив по дороге множество неприятных приключений. Все ее путешествие сопровождалось сплошными недоразумениями. Во-первых, мне не доставили ее письмо, где она сообщала мне о своем прибытии в Лондон, а во-вторых, из-за происшествия с каретой она

добралась сюда, к нам в дом, только когда вы, бабушка, уже изволили отойти ко сну.

— Бедное дитя! Как вы, должно быть, устали! — воскликнула добрая герцогиня. — Но я не могу до сих пор поверить, что вы действительно обручены с моим внуком.

Пожилая женщина искоса бросила на герцога взгляд, словно желая прочесть в его глазах, что это истинная правда, а не розыгрыш с его стороны.

Он ответил ей, не сумев скрыть лукавую усмешку:

— Вы же столько времени потратили на уговоры, заставляя меня жениться, и почти ежедневно так терзали меня, что, мне кажется, вы теперь должны быть наверху блаженства от того, что я наконец-то снизошел к вашим мольбам. Скажите правду, вы же обрадовались, бабушка, этому событию?

— Рада? Это не то слово. Счастье просто переполняет меня, — призналась пожилая леди. У нее неожиданно оказался весьма громкий голос. — Но почему я никогда не слышала от тебя об этой девушке ни слова, Рэндольф? Жаль, что мы не познакомились раньше с этим милым созданием и я не имею никаких сведений о ее семье.

— Ее дед — генерал-майор Александр Массинджер, о котором, я уверен, вы, разумеется, слышали.

— О, конечно! — восторгалась герцогиня. — Герой Махратских битв! Герцог Веллингтон как раз несколько месяцев назад говорил о нем, когда предавался воспоминаниям о днях, проведенных им в Индии.

— Какая же у вас замечательная память, бабушка, — улыбнулся герцог. — Особенно на имена.

— Но такое знаменитое имя нетрудно запомнить. Лицо герцогини озарилось благожелательной улыбкой, и она обратилась к Юделе:

— Подойдите, дитя мое, и расскажите, как вам удалось захватить в плен моего неукротимого внука, который годами клялся, что никогда не свяжет себя узами брака, в то время как мы чуть ли не на коленях умоляли его всей семьей согласиться на этот поступок.

Покраснев от смущения, Юдела приблизилась к креслу, на котором возлежала герцогиня. От старой женщины не укрылось изящество ее походки.

— А вы действительно очаровательны, — с одобрением произнесла она. — Я могу понять, почему вы добились успеха там, где все другие потерпели поражение.

— Благодарю вас, ваша светлость, — тихо проговорила Юдела.

Ей казалось, что она совершает подлость, обманывая такую симпатичную пожилую леди. Мгновенно угадав, какие мысли тревожат девушку, герцог поспешно заговорил:

— Теперь, бабушка, мы нуждаемся в вашей помощи. Предстоит проделать огромную работу.

— Какую же? — поинтересовалась герцогиня.

— Так как Юдела носила траур по своему покойному батюшке в течение нескольких месяцев, она совершенно не занималась своим гардеробом. А кроме того, из-за несчастного случая с экипажем на дороге по пути в Лондон у нее нет сейчас никаких нарядов, кроме того, в котором

она предстала сейчас перед вами, — пояснил герцог.

Герцогиня сразу же преисполнилась сочувствия:

— Ах, вот почему моя горничная доложила мне, что миссис Филд среди ночи вдруг позаимствовала одну из моих ночных рубашек. Это показалось мне очень странным, — покачала головой вдовствующая герцогиня.

— Я глубоко признательна вам, мадам, — произнесла Юдела.

Герцог тут же вмешался:

— Я бы попросил вас, бабушка, оказать нам услугу. Пожалуйста, немедленно пошлите за вашими портнихами, швеями, шляпницей, парикмахером и прочими людьми, которые вам знакомы лучше, чем мне. У Юделы должно быть все необходимое к тому времени, когда объявление о нашей помолвке появится в «Газетт».

— А когда это случится?

— Завтра. В утреннем выпуске.

— И ты надеешься, что я смогу обеспечить твою невесту полным приданым за такое короткое время? — воскликнула герцогиня.

— По-моему, вы уже принялись за дело, снабдив Юделу своей ночной рубашкой, — улыбнулся герцог. Герцогиня рассмеялась.

— Рэндольф, ты просто невозможен. А вернее, такой же, как всегда. Ты в состоянии сдвинуть горы с места, когда тебе этого захочется, но не думай, что другие на это тоже способны.

— С тех пор как я узнал ваш характер, бабушка, я убедился в том, что вы обладаете точно таким же даром. Для вас не существует никаких препятствий при достижении поставленной цели. Эту черту я унаследовал именно от вас. Поэтому я абсолютно уверен, что, когда завтра сюда к нам в дом нахлынут визитеры с поздравлениями, Юдела предстанет перед ними в лучшем виде.

— Если ты этого хочешь, — заявила герцогиня деловым тоном, — тогда сейчас же вызови ко мне своего секретаря мистера Хемфри. Еще ты должен предоставить в мое распоряжение дворецкого и всех грумов, чтобы они уже через десять минут носились по Лондону, выполняя мои поручения.

— Весь штат прислуги будет в вашем подчинении, мадам, — со смехом сказал герцог. — И я заранее благодарю вас, дорогая бабушка.

Он наклонился, чтобы поцеловать ее руку, а потом, одарив Юделу лучезарной улыбкой, поспешно удалился из комнаты.

Больше всего девушке хотелось броситься вслед за ним и упросить его не оставлять ее одну. Она была испугана. Не так, как только что в библиотеке, но все же страх не оставлял ее.

Как мог герцог заявлять так уверенно о завтрашних визитах? И как может совершиться такое чудо, что она ровно через двадцать четыре часа обретет подходящий наряд для того, чтобы принимать гостей, которые, конечно же, с любопытством будут разглядывать невесту герцога

Осветстри, явившуюся неизвестно из какой глуши.

Все эти мысли были настолько ужасны, что Юдела напрочь забыла, где находится. Вдруг ее взгляд встретился с глазами старой герцогини, у которой в зрачках вспыхнули лукавые искорки.

— Есть только одна вещь на свете, которая доставляет мне удовольствие большее, чем бокал ледяного шампанского. Догадайтесь, дитя мое, что это за вещь. Но не буду мучить вас и признаюсь сама — я обожаю тратить деньги.

В этом я похожа на наших солдат — у них всегда пустой карман и в то же время огромное желание купить все, что они видят. Так как у меня нет своих денег, я надеюсь, что мой внук позаботится о том, чтобы оплатить ваш гардероб.

Юдела печально вздохнула:

— Мне кажется, это будет не правильно, мадам. Моя мама, будь она жива, никогда бы не одобрила подобные действия со стороны джентльмена. Девушка не имеет нрава принимать столь ценные подарки. Но, я должна признаться... у меня совсем нет денег.

— Вас это не должно беспокоить, когда в нашем распоряжении банковский счет моего внука Рэндольфа! — с энтузиазмом воскликнула пожилая леди.

— Я бы не хотела, чтобы было истрачено... больше, чем это необходимо, — поторопилась произнести Юдела.

— Ерунда! — воскликнула герцогиня. — После всей шумихи вокруг Рэндольфа о том, что он не может остановить выбор на какой-нибудь из лондонских красавиц, вы должны, дитя мое, затмить их всех! Иначе никто не поверит, что вы действительно завоевали его сердце.

Юдела с трепетом подумала, что на этот раз герцогиня была очень близка к истине. Вероятно, она уже заподозрила, что помолвка ее внука не более чем спектакль, разыгранный неизвестно с какой таинственной целью. Да, чтобы задумка герцога удалась, Юдела должна произвести на всех сногсшибательное впечатление. Конечно, она пообещала герцогу стараться изо всех сил. Но хватит ли у нее мужества и таланта сыграть роль перед недоверчивой, придирчивой публикой. Может быть, никакой, даже самый роскошный, гардероб ей в этом и не поможет.

Можно было только удивиться, как мгновенно портные, швеи, закройщики, обувщики и шляпницы откликнулись на зов старой герцогини и заполнили Освестри-хауз.

Бонд-стрит, где были сосредоточены все мастерские и модные лавки, располагалась неподалеку, но даже и в этом случае их стремительное появление в доме можно было объяснить только уважением к богатству и репутации герцога как щедрого заказчика и постоянного клиента.

Когда вдовствующая герцогиня выступила перед толпой мастеров и мастериц с разъяснением их почетной миссии, на всех лицах заиграла улыбка, и на Юделу обрушился град поздравлений. Радостная готовность помочь и тотчас же заняться делом, проявленная этой мастеровой братией, еще более смутила девушку и усугубила ее чувство вины за обман, в котором она согласилась участвовать. Юдела напрасно напоминала себе, что поступает подобным образом ради благополучия доброго и благородного господина, выручившего ее из беды, и что, если б не герцог, она сама оказалась бы в данный момент совсем в ином положении, на грани полного отчаяния.

Она пыталась восстановить в памяти наставления покойного отца, который предупреждал деревенских девушек об опасностях и искушениях, ожидающих бедняжек в Лондоне. Честно говоря, ей не дозволялось присутствовать на беседах vicария с прихожанами, отправлявшимися служить в городской дом лорда Эддриджа или в дома его друзей и знакомых. О чем там говорилось, она узнавала только из обмена репликами между родителями за ужином. Ей запомнилось, как отец сказал матери:

— Я придерживаюсь мнения, что Бетти Гейри не очень умна, но зато слишком бойка и хороша собой, чтобы отпускать ее в Лондон.

— Я знаю, что леди Эддридж предложила ей работу у своей кузины, графини Датчет. Это вполне приличное семейство. Ты зря так тревожишься, — вступилась матушка.

— Надеюсь, кухарка или домоправительница, к которой Бетти попадет в подчинение, не будет спускать с нее глаз. Только вчера мне рассказали о большом количестве деревенских девушек, бесследно пропавших в Лондоне. Причем многие исчезли сразу же по прибытии в город, даже не появившись в домах, где их ждали.

Отец произнес это весьма озабоченным тоном.

— Я думаю, тебе известно про заведения, в которых их держат затворницами? — добавил он мрачно.

— Как все это страшно, — согласилась миссис Хейворт, — но ты ничего не поделаешь с подобной напастью. Проблем хватает и здесь, у нас в деревне. Так что, пожалуйста, не обременяй себя лишними заботами.

— Если б столица раскошелилась на большее число полицейских, там не творились бы подобные ужасы.

Поток его рассуждений уже трудно было остановить. Он оседлал своего любимого конька.

— В наше время ни одна молодая женщина не может пройти в одиночестве и двух шагов без опаски по городской улице, к какому бы общественному классу она ни принадлежала. А уж такая хорошенькая особа, как Бетти Гейри, непременно попадет в беду.

По мнению Юделы, отец был совершенно прав. Она была убеждена, что любую девушку поджидают опасности не только на улицах Лондона, но и даже на лужайке вне стен ее родительского дома.

Сейчас только окна и стены уютного особняка герцога отделяли Юделу от ужасов лондонских улиц, и если бы она покинула этот надежный приют, то что ожидало бы ее вне этого дома?

«Если б я не успела выскочить тогда из экипажа, — размышляла Юдела, — то оказалась бы в жутком притоне прикованной к стене».

Дрожь пробрала ее, и это не укрылось от внимательного взгляда герцогини.

— Тебе холодно, девочка? — спросила пожилая дама, которая отнеслась к девушке со всей теплотой и сердечностью.

— Нет, — поспешила ответить Юдела.

Просто, как говорили люди в нашем поместье, призрак накрыл тенью мою могилу.

— Какой ужас! — воскликнула герцогиня и тут же рассмеялась. — Как суеверны сельские жители! Но ты должна отбросить все дурные предчувствия и быть счастлива. Разве не так?

— Конечно, мадам.

— Вот-вот. Улыбайся, и пусть твое хорошенькое личико сияет, как солнышко. Я не могу выразить, как я счастлива, что мой внук женится. Я опасалась, что после разрыва со своей прежней невестой он навсегда останется холостяком и будет тверд как скала, не откликаясь на все наши мольбы.

— А почему, расстроилась его свадьба? — спросила Юдела.

— Я думаю, что он будет недоволен, если я открою тебе всю правду. Пусть Рэндольф сам расскажет тебе о прежних своих сердечных ранах. По-моему, он притворяется, что эти раны давно залечены. Но девушка, в которую он был влюблен, обращалась с ним очень нехорошо, а он был молод и слишком впечатлителен в то время... поэтому рубец на его сердце остался навсегда.

Говоря это, герцогиня не была печальна, а, наоборот, улыбалась.

— Но, к счастью, я ошиблась. Его сердечная боль утихла. Он нашел наконец то, что искал. Как только Рэндольф женится на тебе, то вся семья будет благодарить господу за то, что он даровал нам такую радость. Уже завтра ты сама убедишься в этом, Юдела.

Примеряя платье, выбирая материю, белье, шляпки, перчатки и украшения, Юдела удивлялась, откуда старая герцогиня вдруг обрела энергию.

Они обе проводили вместе долгие часы на ногах, но пожилая леди еще успевала написать и отправить множество приглашений на надушенных карточках, которые должны были разнести весть о помолвке ее внука по всему Лондону.

— Наши близкие родичи придут в ярость, если узнают об этом событии только из «Газетт». Я должна опередить прессу хотя бы на час-другой. Это вопрос престижа.

Герцог весь день не появлялся в доме, и Юдела разделила обед со старой герцогиней в ее будуаре.

Когда последний портной откланялся, то Юдела поняла, что силы полностью оставили ее. Она упала: на софу, вытянув ноги, которые больше не держали ее.

Герцогиня, улыбнувшись, сказала:

— Это приятная усталость, моя девочка. Тебе надо привыкать к подобным испытаниям. Такова судьба женщины. Конечно, это был волнующий и очень утомительный день, но я как будто скинула десяток лет со своих плеч. Признаюсь, я тоже немножечко устала. Поэтому вам с Рэндольфом придется отобедать вдвоем, а я ограничусь лишь тем, что мне принесут сюда наверх на подносе. Я собираюсь улечься в постель.

— Пожалуйста, не покидайте нас, мадам! — горячо попросила Юдела.

Ей казалось, что остаться наедине с герцогом будет слишком тяжким испытанием для нее.

Наверное, и ему тоже не понравится находиться за столом в ее обществе и лицезреть во время обеда свою фиктивную невесту.

— Не притворяйся, что тебе не хочется остаться с ним наедине, — лукаво произнесла герцогиня. — Ты боишься, что он найдет тебя чересчур бледной и усталой? Конечно, выбор гардероба — нелегкое дело. Прими добрый совет: спустись в спальню и полежи несколько минут, вытянув ноги, мое дитя. А потом вставай и надевай на себя платье, которое меньше всего нуждается в доработке. Я думаю, что Рэндольф не заметит мелких недоделок. Но прежде все же поднимись вверх ко мне, чтоб я проверила, все ли в порядке, и смогла тобой полюбоваться, — попросила она.

— Как вы добры ко мне, мадам. Ни в каком сне не могло мне пригрезиться, что я буду иметь столько роскошных нарядов.

— Я скажу моему внуку, что ты не зря потратила время, общаясь со мной, и осталась довольна.

— У меня нет слов, чтобы выразить вам свою благодарность, бабушка. — Впервые Юдела осмелилась обратиться так к вдовствующей герцогине.

Следуя разумному совету старой леди, Юдела, вернувшись в свою комнату, прилегла на кровать. Зная, что ничей посторонний взгляд не наблюдает за ней, она приподняла юбку выше колен, охлаждая разгоряченное и измученное бесчисленными примерками тело.

Больше всего ее беспокоило, сможет ли она достаточно убедительно изобразить на людях любовь, которую она якобы испытывает к герцогу, а он к ней.

Бедная старая герцогиня с такой радостью поверила, что ее внук наконец приплыл в заветную тихую гавань, а эти простые люди — портные и швеи, — с каким энтузиазмом они принялись за работу! Разве она вправе обмануть их ожидания?

Облачившись в новое платье, Юдела взглянула на себя в зеркало и с удивлением обнаружила, что не выглядит уже такой жалкой, какой она появилась впервые в доме герцога Освестри. Дорогое белое платье подчеркивало ее молодость, но в то же время показалось ей настолько красивым, что Юделе захотелось никогда не снимать его. Как будто она была окутана белоснежным осенним облаком. Такие облака часто проплывали в голубом небе над родительским домом, и она любовалась ими. Теперь же Юдела сама была похожа на небесное создание.

Горничная тщательно и долго расчесывала ее волосы, пока они не заблестели в лучах солнца, заглянувшего в окно. Большое зеркало позволило Юделе разглядеть всю себя с ног до головы. Она удивилась тому, насколько совершенна ее фигура. И это не потому, что ее так преобразило новое белое платье, тут помог еще и маленький корсет, который, как ей сказали, был только что доставлен из Парижа. Корсет сделал ее стройную талию еще более тонкой и позволил ей ощутить свою природную грацию.

Запомнив наизусть все свои обязанности, Юдела первым делом отправилась показать себя старой герцогине, чтобы та проверила, нет ли каких-либо упущений в ее наряде. Но как только она вошла в будуар, где среди цветов возлежала ее благодетельница, то она обнаружила, что рядом с бабушкой стоит и разглядывает пришлицу ее внук, сам герцог Освестри. Вдовствующая герцогиня издала восторженный возглас, а герцог промолчал, хотя явно был поражен тем, что предстало перед его взором.

— Ну что, Рэндольф, ты теперь убедился, что я волшебница и за полдня сотворила чудо. По-

моему, Юдела выглядит именно так, как ты того хотел.

— Я с детства знал, что вы, бабушка, колдунья. Сегодня вы убедили меня в этом еще раз. Я просто поражен могуществом вашей магии.

Юдела от робости и от того, что герцог так внимательно и оценивающе осматривает ее, лишилась дара речи, но все-таки ей надо было что-то сказать.

— Вы... вы все так добры ко мне, и я вам безмерно благодарна.

Ее сбивчивая речь произвела на герцогиню не очень приятное впечатление.

— Было бы, конечно, хорошо, если бы у нас в распоряжении имелось больше времени, чтобы подготовить Юделу к знакомству с членами нашей семьи, — сказала она в раздумье. — Однако мне кажется, что все поймут, по какой причине Амур так метко попал стрелой в твое сердце, Рэндольф.

— Я всегда восхищался тем, как элегантно вы можете облечь в слова любую мысль, дорогая бабушка. В данном случае ваше красивое высказывание полностью соответствует истине. Действительно, Амур знал, что делает, когда метился в меня.

Юделу несколько обидела его насмешливая интонация. Она подумала, что необходимо предупредить его, чтобы он воздерживался от подобной иронии, иначе его друзья сразу же заподозрят, что он их дурачит с этим скоропалительным обручением. И тут ей пришло на ум, что она была очень глупа, не учитывая того, что первым, кто разоблачит их интригу, будет лорд Джулиус, который знает всю подноготную этой истории. Конечно, ей нужно немедленно поделиться своими опасениями с герцогом. Как только они расстались с бабушкой и очутились вдвоем на лестнице, Юдела тут же обратилась к нему:

— Вы позволите, ваша светлость, сказать вам несколько слов?

— Конечно, я рад слышать ваш нежный голосок. Но обед, по-моему, уже накрыт в столовой внизу.

— Это не займет много времени.

Она колебалась. Может быть, стоило подождать до конца трапезы. Но в то же время ее беспокойство нарастало и невозможно было не высказать герцогу тот ужас, который охватывал ее при мысли о встрече с его родным братом.

Герцог провел ее в салон, который был еще большим по размеру, чем библиотека, и показался ей еще роскошнее. Портреты, висящие на стенах, сказали ей, как древен род Вестри, но она окинула их взглядом без особого интереса, потому что все ее внимание было сосредоточено на том, как герцог отнесется к ее словам.

Он явно старался помочь ей начать этот трудный разговор.

— Я догадываюсь, что вы чем-то озабочены. Не скрывайте от меня ничего.

— Все дело заключается в вашем брате... Лорд Джулиус — он же все про меня знает. Как только он увидит нас, то сразу поймет, что наше обручение лишь... спектакль... Я ведь приехала в Лондон только потому, что он пригласил меня сюда.

Если она думала, что ошеломит этим высказыванием герцога, то ошиблась. Он ответил ей хладнокровно:

— Конечно, я об этом сразу же подумал. Если он начнет задавать вам какие-то вопросы, я тут же пресеку все эти попытки. Отвечать на вопросы буду я. Главное — придерживаться того, что, когда он познакомился с вами, мы уже были давно влюблены друг в друга, но вы были слишком молоды, чтобы выйти за меня замуж.

У Юделы потеплело на душе. Герцог между тем продолжал:

— Вы жили спокойно у себя в деревне со своими родителями и готовились к нашему будущему бракосочетанию. И я в свою очередь готовил себя к этому знаменательному событию, о котором намерен объявить завтра утром всему свету.

Юдела перевела дыхание, ее глаза вновь обрели прежний блеск.

— Как же вы умны. Вы необычайно умны, ваша светлость.

— Я и надеялся, что вы оцените мою находчивость в сложных обстоятельствах. Но давайте продумаем еще некоторые подробности. Например, то, что, когда ваш отец скончался, вы срочно известили меня письмом о постигшем вас несчастье и попросили о помощи.

— Нет-нет, — возразила Юдела, — я думаю, что надо представить это в другом свете. Я не решалась обращаться к вам за помощью некоторое время, чтобы не навязывать вам себя. Может быть, лучше сказать всем, что я старалась как-то справиться со своими трудностями самостоятельно. Ведь слишком много женщин, как мне сообщила ваша уважаемая бабушка, старались занять вас в мужья.

Герцог расхохотался.

— Замечательно! Вы этим еще и повысите свой престиж. Бедная сиротка старалась выжить самостоятельно в жестоком мире.

Его похвалу Юдела приняла с сомнением. Уж слишком циничен был его тон. Но все-таки она сказала:

— Я думаю, что даже в вашем окружении оценят женщину, которая выходит замуж по любви, а не для того, чтобы ухватить частичку богатства своего супруга. Или отдаться ему, как пленница. Я бы никогда не стала удерживать человека и ограничивать его свободу, если он сам не захочет надеть на себя брачные узы.

— Значит, вы все-таки не оставили надежды выйти когда-нибудь замуж по любви? Несмотря на то, что Лондон показал вам в тот вечер свое уродливое развратное лицо? — поинтересовался герцог.

— Я постоянно буду жить с этой надеждой. Но никогда не использую никаких подлых методов, чтобы привязать к себе любимого человека. Любовь — это то, что должно даваться... но не браться. Любовь должна быть спонтанна, дарована свыше. Она должна идти от сердца, а не от разума, Герцог выглядел весьма озадаченным:

— И кто же вам внушил все это?

— Мне никто не внушал мысли о любви... Родители вообще не говорили со мной на эту тему.

Но инстинктивно я почувствовала, что мыслю правильно... А то, что я видела, наблюдала в жизни, подтвердило мои мысли.

Последнее ее высказывание возбудило в герцоге любопытство.

— А что такого интересного вы наблюдали в своей деревушке? Неужели в этой глуши процветает истинная любовь?

Уже не в первый раз Юделу задела за живое его ирония. Но сейчас она почему-то не смутилась.

— Пусть это не покажется вам странным, ваша светлость, но у простых людей тоже имеется и сердце, и душа. Мои родители преданно любили друг друга всю жизнь. А также многие наши соседи, бедные фермеры, которых вы, наверное, считаете людьми второго сорта, на самом деле способны на сильные чувства.

Она сама удивилась той горячности, с которой вдруг разразилась подобной речью. Ее слегка испугало продолжительное молчание герцога. Он не был разгневан, но явно слова Юделы не очень-то ему пришлись по нраву.

— Простите, ваша светлость. Я не должна была высказываться подобным образом перед вами. С моей стороны это бестактно.

— Я не хочу, чтобы вы извинялись передо мной, — мягко прервал ее герцог. — Я думаю, что нам придется провести вместе достаточно времени, и, конечно, будет лучше, если мы будем говорить друг другу правду и высказывать искренне то, что мы думаем, а не ограничиваться пустой болтовней. Может быть, потому что я слишком мало знаю о вас, меня несколько удивили ваши чувства и ваша горячность, с которой вы их высказали.

— Почему же?

— Потому что ваши рассуждения о любви настолько глубоки и серьезны, что я не ожидал услышать подобные мудрые мысли от юного существа. Вашему возрасту свойственна большая наивность.

Юдела улыбнулась.

— Мой папа однажды сказал, что женщины начинают размышлять о любви буквально с момента своего рождения. Ну а мужчины... они думают, что это свойственно только женщинам, пока сами не влюбятся.

Герцог рассмеялся.

— Я чувствую, что ваш отец, Юдела, был большой умник и философ.

— Мне всегда казалось, что изучение человеческих характеров было его истинным увлечением.

— И поэтому он стал служителем церкви?

— Настоящая причина крылась не в призвании, а в материальных обстоятельствах. Он хотел избавить свою и так многодетную и бедствующую семью от забот о судьбе одного из младших сыновей. Его родители и братья жили очень скудно в Нортамберленде, хотя вокруг них было

много свободного пространства. И эта свобода и дикие пустоши как-то повлияли на характер моего отца. Вы знаете, он был отличным спортсменом! Его даже прозвали у нас в окрестностях Преподобный Охотник.

— И, значит, вас тоже приобщили к спорту? Вы тоже любите физические упражнения?

— Я всегда ездила на охоту с папой, пока мы имели возможность содержать лошадей. Кстати, папа основал крикетную команду в нашей деревне. Мы стали чемпионами в соревновании между несколькими графствами.

— Превосходно! Чем больше я узнаю про вас, тем больше преисполняюсь восхищения. Но, возвращаясь к началу нашего разговора, я хотел бы узнать, что еще ваш замечательный отец рассказывал о любви?

— Он обычно говорил, что если мужчина хороший спортсмен, к какому бы классу общества он ни принадлежал, то из него обязательно получится отличный муж.

— А если он никудышный спортсмен? — поинтересовался герцог, которого забавлял этот разговор.

— Тогда он сделает свою супругу несчастной, будет скучным занудой или, не дай бог, пьяницей и свое достояние пустит по ветру, потому что он прирожденный неудачник.

Герцога развеселило замечание Юделы.

— Как бы я хотел побеседовать с вашим покойным отцом, Юдела.

— Он был очень остроумным человеком и умел радоваться жизни... до тех пор, пока не скончалась моя матушка. С тех пор... многое изменилось.

Сдавленное рыдание послышалось в голосе Юделы. Герцог потянулся к ней, чтобы как-то нежно утешить ее, но тут дворецкий громогласно объявил, что обед подан, и интимность их беседы была нарушена.

За трапезой, боясь, что ее молчание будет тяготить герцога, Юдела неустанно восхваляла картины, украшавшие стены обеденного зала, лошадей, которых она украдкой разглядела через окна особняка, пока на нее примеряли наряды, а также книги, увиденные ею в библиотеке. Богатство этого собрания редких изданий привело ее в восторг.

— Вы много читаете, ваша светлость? — спросила она. — Для меня не было большего удовольствия в жизни, чем чтение книг.

— И чем же вы больше всего увлекались?

— Историей и поэзией. Папа вслух читал мне поэмы Пиндара на языке оригинала.

Брови герцога поползли вверх.

— На древнегреческом?

— Конечно, ведь Пиндар — греческий поэт.

— Да вы, как я вижу, весьма образованны.

— Я тоже так думала раньше, но чем больше читаешь, тем больше понимаешь, насколько знания неисчерпаемы. Есть область знания, в которой я абсолютно невежественна.

— Какая же?

— Ваш мир. Общество, в котором выращиваетесь. Я, конечно, слышала кое-что о нравах в высшем свете и читала о нем в газетах и журналах. Этот мир кажется мне таким же нереальным, как простым людям Древнего Рима, наверное, казался мир сенаторов, полководцев и императоров.

— И вы сравниваете фривольность эпохи Регентства в нашем королевстве с оргиями и безнравственностью времени Тиберия Нерона?

Подобный вопрос он мог задать приятелям в Уайт-клубе после изысканного ужина и, несомненно, получил бы уклончивый или шуточный ответ.

Юдела, в противоположность его друзьям, была вполне серьезна:

— Я так думаю, что в каждый период истории человечества есть люди, которые имеют возможность наслаждаться жизнью и часто делают это даже во вред себе, и те, которые обречены на нищету и голод. Зависть порождает справедливую злобу, и наступает пора, когда верхи и низы меняются местами, но ведь от этого не происходит ничего хорошего, только проливается много крови. Так было, если мы взглянем в прошлые века, и так, к сожалению, будет, если мы осмелимся заглянуть в будущее.

Герцог некоторое время молча обдумывал то, что услышал от Юделы, и пришел к заключению, что она права.

— Интересно, какой же приговор вынесет история нашему поколению?

— Я так считаю, что он будет справедлив. Время, когда одни богатые и влиятельные, а другие даже не знают, что такое радости жизни, должно кончиться очень скоро. Помните о тех, кто сейчас страдает от бедности, кто сражался на полях сражений, а теперь вернулся обратно домой без всякого вознаграждения и вынужден браться за любое дело, чтобы только избежать нищеты.

Герцогу, выслушавшему ее рассуждения, от удивления уже кусок не лез в горло.

— Таких взглядов придерживался ваш отец или это ваше личное мнение? — поинтересовался он.

— Я изложила вам свои мысли, но мы часто разговаривали с отцом на эти темы.

— Неужели такие взгляды на общественную жизнь появились у вас благодаря тому, что вы, Юдела, воспитывались в церковной среде?

— Нет, конечно, нет, — поспешила возразить Юдела. — Церковь служит правительству, а правительство служит вам. Церковь заботится о несчастных, обделенных судьбой гораздо в меньшей степени, чем о вас — баловнях удачи по рождению. Меня больше интересуют не рассуждения о боге и милосердии, а действия, приносящие реальные результаты.

— Что вы подразумеваете под конструктивными действиями? — уже осторожно полюбопытствовал герцог.

Ему показалось весьма странным, что такое юное и очаровательное создание, как Юдела, рассуждает о предметах, ей явно недоступных, и повторяет выражения, которые он слышал только от ярких реформаторов вроде Вильдерфорса.

Ему не нравились люди, любящие все преувеличивать, громко кричать о социальном неравенстве и конфликтах, а особенно их фанатичное желание все переделать в такой удобной и приятной для него стране, как Англия.

Ну уж, конечно, никогда в жизни ему не приходилось беседовать на подобные темы с женщинами, которых он приглашал к себе на ужин.

Теперь, пока он ожидал ответа Юделы на заданный им довольно резким тоном вопрос, герцог подумал, что в какой-то степени не он хозяин положения, а она, вполне возможно, дурачит его.

Ее мягкий мелодичный голосок, ее наивная, трогательная внешность находились в резком противоречии с тем, что она произносила.

— Я считаю, что новые реформы, принятые парламентом, должны быть прежде всего направлены на то, чтобы деньги, выделяемые на социальные нужды, достались местным властям и попали в руки именно нуждающихся в них, а не жуликам и проходимцам различной масти, будь они даже благородного происхождения.

Она сделала паузу, ожидая от герцога ответа, но, так как он молчал, пребывая в полной растерянности, Юдела продолжила:

— Так называемые работные дома, размещенные по графствам, — это не что иное, как жуткие места, предназначенные для умерщвления слабых и больных мужчин и женщин, не способных самостоятельно заработать себе на жизнь. Их держат там в заключении, как преступников. Они не вольны уйти оттуда, а если б даже и убежали, то все равно им негде укрыться, и они вынуждены вернуться туда, откуда убежали. Их положение ничем не отличается от положения каторжников, приговоренных за убийство.

— Но все же там у них имеется крыша над головой и кусок хлеба, — попробовал возразить герцог.

Он не понимал, почему ему хочется спорить с нею, хотя в глубине души герцог признавал ее правоту.

— Человеческому существу, в котором заронена искра божья, мало крыши над головой и жалкой пищи. Мы, люди, нуждаемся в понимании и любви.

— Вот наконец мы вернулись обратно к любви, — с облегчением вздохнул герцог. — Как вы собираетесь одарить любовью всех живущих в этом мире?

— Они сами себя обеспечат любовью, если у них будет на это возможность, — не замедлила с ответом Юдела. — Да будет вам известно, ваша светлость, что семьи по всей стране разрушаются потому, что нет средств, чтобы нормально кормить и содержать жену и детей. А когда кормилец получает увечье на работе или его забирают на войну, то тогда вообще для семьи наступает крах.

Молчание герцога она восприняла как согласие с ее более чем убедительными доводами.

— Я чувствую, что вам понятно, о чем я сейчас говорю. Вы могли бы произнести речь на эту

тему в палате лордов и разъяснить власть имущим, что они не имеют никакого представления о том, как живет простой народ.

— А почему вы думаете, что я так уж отличаюсь от этих невежественных власть имущих?

Герцог с трудом обрел свою прежнюю иронию.

— Потому что вы были добры ко мне, ваша светлость. Потому что я уверена, что вы человек добрый по характеру. — Юдела тут же нашлась с ответом. — И потому что я убедилась, что вы умны, и мне нет нужды рассказывать вам о том, что вы и сами видите вокруг себя. Вы не слепой, и то, что творится рядом с вашим уютным, отгороженным от внешнего мира особняком, вряд ли укрылось от зоркого взгляда благородного герцога Освестри.

Герцог перебрал в памяти всех своих знакомых женщин. Ни одной из них, обладающей внешностью, сравнимой с внешностью Юделы, и в голову не могло прийти завести беседу на политические темы, тем более во время интимного ужина.

Опасаясь, что его растерянность отразится на лице, герцог собрал свою волю и заявил неоправданно громким голосом:

— Ваша речь произвела на меня впечатление. Я даже почувствовал себя не в своей тарелке.

— Почему же? — произнесла Юдела, не теряя прежней своей запальчивости.

— Потому что с нас и так уже достаточно крестоносцев, досаждающих правительству и требующих из бюджета денег на социальную помощь, которых у правительства нет.

Вместо ответа Юдела демонстративно перевела взгляд на золотые канделябры, в которых таяли свечи, освещавшие стол, на золотой орнамент севрской посуды и ваз, наполненных мускатным виноградом, сочными персиками и грушами вроде тех, что были поданы ей на завтрак.

Она подумала, хватит ли ей мужества — или задора — вот так, сидя за роскошно накрытым столом, напомнить герцогу, чьим трудом обеспечено его блаженное существование в этом мире.

От прямого упрека она уклонилась, а лишь произнесла с притворной робостью:

— Мне говорили, что принц-регент потратил четверть бюджета королевства на сооружение купальни в Брайтоне и еще четверть собирается ухлопать на охотничий домик под названием Карлтон-хауз.

— Позвольте мне предупредить вас, что выражение «ухлопать» не принадлежит к лексикону дочери лояльного к нашей нынешней власти викария, а тем более оно никак не может сорваться с языка моей так называемой невесты, если мы не хотим вызвать подозрения насчет искренности наших намерений.

— А теперь скажите мне честно, положив руку на сердце, разве вы против того, чтоб наша монархия выглядела достойно перед глазами других европейских властителей и разве наш принц-регент не войдет в историю как щедрый покровитель смелых архитекторов, создатель определенной моды, ну, и как персонаж нескольких фривольных романов, которые будут написаны в будущем нашими потомками?

Юдела была благодарна герцогу хотя бы за то, что он не прервал ее на полуслове, а позволил высказать свою мысль до конца. Ободренная его вежливым вниманием, она продолжила, как бы извиняясь за проявленную ею горячность, неуместную за обеденным столом.

— Я только хотела сказать, что деньги, израсходованные принцем на поддержание престижа королевской семьи, могли бы спасти от голода и унижения тех, кто уже не в состоянии самостоятельно справиться с бедой... Например, помочь солдатам, искалеченным в сражениях во Франции, или морякам, уволенным без всякого пособия после сокращения нашего флота на одну треть.

Как могло это невинное создание догадаться, что именно на эту тему герцог произнес в палате лордов самую темпераментную из своих речей и весьма ею гордился?

Его искренне жгла обида за людей своего поколения, героев битвы при Ватерлоо, победивших величайшего полководца и тирана в современной истории, корсиканское чудовище Наполеона Бонапарта. Как только смолкли торжественные фанфары, армию тотчас распустили, якобы ради экономии государственных средств, причем эта процедура была проделана с неприличной поспешностью. И те, кто так храбро сражался и пролил кровь, мгновенно были забыты.

Но обсуждать подобные проблемы с женщиной, да к тому же еще и хорошенькой, — это герцогу было в диковинку. Предшествующие его пассии интересовались исключительно собственной персоной, а не судьбами каких-то там ветеранов.

Глядя на разгоряченную только что произошедшей дискуссией Юделу, он дивился тому, сколько знаний о современной действительности вмещает эта изящная девичья головка, как остра на язык его будущая подставная невеста, и немного встревожился при мысли — не поступил ли он опрометчиво, разбудив дотоле спящий вулкан.

Слуги, убрав со стола, оставили их наедине.

Герцог, согревая в ладонях бокал с золотистым бренди, почувствовал себя несколько увереннее и даже смог изобразить на лице некое подобие улыбки.

— Ваша горячая речь меня весьма встревожила.

— Почему же?

О боже! Все, что она только что наговорила, было продиктовано страхом, что ее немедленно вышвырнут прочь из уютного особняка, если она будет нема как рыба в обществе герцога за столом. Ведь даже беспомощный заяц стучит лапками и фыркает, когда охотничьи собаки милорда загнали его в тупик. А теперь весь этот произведенный ею шум оказался бесполезным, и она выставила себя в глупом виде.

Мучительная пауза надолго затянулась. Юдела была ни жива ни мертва.

— Вы спросили, почему я озабочен вашей судьбой? Я вам отвечу: мне показалось, что после того, как наше совместное увлекательное приключение подойдет к концу, мне будет весьма затруднительно подыскать вам подходящего супруга.

Ее глаза стали величиной с тарелки, которые слуги только что убрали со стола.

— Почему вы так подумали?

— Потому что мужчинам не нравятся умные женщины, а тем более их раздражает, когда они читают им лекции за обеденным столом.

Юдела не могла сдержать огорченного восклицания:

— О, пожалуйста! Я совсем не хотела читать вам лекции и чему-либо вас учить, ваша светлость.

Она искренне раскаивалась в своем поведении.

— ..Вы лишь спросили моего мнения о некоторых проблемах, которые мы обсуждали с моим отцом. Я обещаю, что больше никогда не коснусь подобных тем.

— Ну почему же? Раз уж нам придется пробыть какое-то время вместе, то мы о многом должны поговорить. Я должен знать круг ваших интересов. Единственное, что меня озадачило, — это образ мыслей женщины, обладающей такой привлекательной внешностью. Меня это забавляет и интересует, но я уверен, что большинство соискателей вашей руки не оценят этих качеств и будут весьма смущены.

— Вы так странно выразились, ваша светлость. Как будто вы собираетесь меня выдавать замуж, — удивилась Юдела.

— Конечно. А в противном случае какое будущее открывается перед вами после того, как срок нашего договора истечет?

— Пожалуйста... будьте добры «. Не занимайте свой ум этими проблемами.

— Уж простите, но я никак не могу не думать об этом. Почему вы запрещаете мне размышлять о вашей будущей судьбе?

— По двум причинам. Во-первых, я не хочу, чтобы кто-то решал за меня вопрос о моем замужестве, во-вторых, я никогда не выйду замуж за человека из высшего света.

— О котором вы пока не имеете ни малейшего представления, — вставил герцог.

— Того, что я читала в газетах и слышала в моем тихом местечке, которое вы, может быть, презираете, но... оно зовется Литл-Стортон... мне достаточно.

— Неужели даже в Литл-Стортоне знают всю подноготную об обществе, в котором я вращаюсь? Господи помилуй, а я-то думал, что моя частная жизнь тщательно скрыта от досужих глаз.

Он заразительно рассмеялся, и Юдела тоже не выдержала и улыбнулась.

— А вы думали, что это не так, ваша светлость? В любом глухом уголке Англии и Шотландии знают, что творится в аристократических клубах и на балах принца-регента. Слуги нашего помещика лорда Элдриджа сопровождали своего господина в Лондон, а возвратившись оттуда, распространяли сплетни. Крепкое пиво в местном трактире развязывало им языки.

Ирония и удивление одновременно отразились на лице герцога. Юдела между тем вонзала попавшую в цель стрелу еще глубже.

— Из поколения в поколение дети и внуки слуг и служанок, семейства Элдриджей посещали Лондон, ну а потом, конечно, делились своими впечатлениями с родственниками и соседями.

При воспоминании о том, что она слышала в детстве, Юдела не удержалась от улыбки.

— Внучатая племянница брата дворецкого лорда Эддриджа была в услужении у первой дамы Ее Величества в Букингемском дворце. А ее супруг был лакеем у лорда при дверях Его Величества.

Герцог откинул голову на спинку высокого стула и расхохотался:

— Вот теперь я понимаю, почему ни один секрет не может сохраниться от шпионов иностранных держав. Наше государство открыто всей Европе только благодаря болтливым слугам.

— Могу вас заверить, что любое событие, произошедшее на Сент-Джеймс-стрит, через двадцать четыре часа становится известным всей Англии.

— Да... Мне это как-то раньше не приходило в голову. Вы мне открыли глаза на многие таинственные происшествия, над которыми я раньше ломал голову.

Он тут же вспомнил, что в некоторых неприятных происшествиях, случившихся с ним, он зря винил болтливых любовниц или нескромных приятелей. Прислуга, которую он, как и все люди его круга, привык не замечать, считая чем-то вроде мебели, оказывается, самая влиятельная сила в создании общественного мнения.

Теперь герцог подумал, что надо воздерживаться от сердитых возгласов, перебранок с родственниками и друзьями в присутствии горничных и дворецкого, ибо у горничной есть муж или любовник — лакей или конюх, а у дворецкого жена или любовница, прачка или кухарка, а у кухарки есть любовник — шеф-повар... и эта цепочка тянется бесконечно. И любое произнесенное им слово тут же разнесется по всему Лондону, словно по светотелеграфу — новейшему изобретению эпохи Регентства.

Юдела как бы прочитала его мысли.

— Папа однажды сказал мне, что не только ваш ближайший друг и стены вашей спальни имеют уши, но и мальчишка, чистящий ваши сапоги. И он еще опаснее, потому что у него есть и большой рот.

То, что она заставила герцога от души посмеяться к концу обеда, было для нее, как ей показалось, величайшим достижением. Он не прогнал ее, и она не была ему в тягость. Наоборот, ей удалось развлечь его.

Прежде чем пожелать ей доброй ночи, герцог произнес:

— Я провел с вами удивительно приятный вечер, Юдела. Не ожидал, что общение с вами так меня развлечет.

— А я обещаю вам, ваша светлость, в свою очередь в дальнейшем не пытаться переделывать ваш характер и внушать вам мысли о реформах в нашем обществе.

— Я рад, что вы пришли к такому же мнению, какого придерживаюсь и я. Все реформы бесполезны, а негодяев невозможно направить на праведный путь. И все же я с удовольствием выслушал ваши идеи о современном положении в обществе, и, поверьте мне, я готов процитировать вас в моей речи в палате лордов, когда мне дадут слово для выступления.

— Я очень польщена, ваша светлость, — еле слышно произнесла Юдела. — Но, может быть, мне не следовало затрагивать в разговоре с вами эту тему. Я подумала, что... в какой-то степени досадила вам.

— Когда мы с вами наедине, то вы можете искренне высказывать все, что вы думаете. Если бы вы молчали за обедом, или хихикали, или восторгались кушаньями или убранством моих покоев, я бы тут же начал зевать в вашем присутствии.

— Вот поэтому я и позволила себе некоторую вольность в речах, — призналась Юдела.

— Я оценил вашу смелость. И заверяю вас, что следующий наш совместный ужин я буду ждать с нетерпением. Я не могу предугадать, на какую тему мы с вами вновь заведем разговор, но обещаю не пропустить из него ни слова.

Они в унисон рассмеялись. Им было так легко вместе. Казалось бы, все проблемы растаяли и будущее стало кристально ясным.

Первой опомнилась Юдела:

— Я обещаю... вам, что буду очень... осторожной.

— Не сомневаюсь, — сказал герцог. Она сделала шаг к двери своей спальни и вдруг задержалась на пороге.

— Вы тоже отправляетесь спать, ваша светлость? Герцог отрицательно покачал головой.

— Не забудьте, что это моя последняя ночь холостяцкой жизни.

Юдела понимала, что он ее дразнит, но не обиделась:

— В качестве свободного мужчины вы имеете столько возможностей развлекаться. И, наверное, у вас такой богатый выбор женщин, ваша светлость. Любого роста, любой комплекции и любого цвета волос...

— Ваша стрела попала в цель. Конечно, к моим услугам целый букет красавиц, но вся беда в том, что очень скоро наступает разочарование, а потом и скука.

Юдела вспомнила, что бабушка герцога говорила о своем внуке как о самом известном соблазнителе женщин во всем Лондоне и о том, как он резко и безжалостно расставался со своими любовницами. И вообще о его циничном отношении к представительницам женского пола.

У нее внезапно вырвалось:

— Но ведь когда-то вы найдете ту девушку, которая... согреет... вашу душу и сердце. Нет, наверное, я не так выразилась...

Герцог на какой-то момент окаменел, а потом нахмурился.

— Почему вы затеяли этот разговор? — резко спросил он. В его тоне был гнев, который безумно напугал ее.

— О, простите меня...

И Юдела скрылась за дверью.

» Какую же глупость я произнесла? Как я могла совершить такую ошибку? Какое я имела право вторгаться в его душу? — подумала в смятении Юдела. — Он был так мил со мной весь вечер, а я все испортила... Но почему в тот момент, когда я задала ему вопрос о любви, он выглядел таким испуганным?«

Этой ночью Юдела долго не могла заснуть.

Глава 4

Герцог прошел в библиотеку, уселся в свое любимое кресло и наслаждался покоем и мыслью о том, как гениально он разрешил все проблемы. Ситуация складывалась лучше, чем он даже предполагал.

Вдовствующая герцогиня настаивала на том, что объявление о помолвке в «Газетт» и других газетах должно появиться лишь после малого приема на дому всех ближайших родственников.

За такое собрание в узком кругу Рэндольф мог не беспокоиться — здесь он был хозяином и правил бал, — но чем выше ему придется подниматься с Юделой по ступенькам общественной лестницы, тем больше сплетен и подозрений вызовет его таинственная и скрытая ранее от светских пересудов помолвка с девицей из провинции. Как же убедить друзей и недругов, что он вдруг был поражен стрелой Амура и влюбился без памяти?

Одна надежда на Юделу, что она блистательно сыграет роль в задуманном им спектакле. А если нет?

Герцог с ужасом представил, какой скандал может учинить братец когда-то обожаемой им леди Марлен, если герцога Освестри уличат в шулерстве даже не за карточным столом, а в обмане гордой и независимой британской прессы.

Тут ему наступит конец. Очень мало зарабатывающие и поэтому вечно голодные журналисты растерзают его плоть и обглодают косточки, так что бабушке, вдовствующей герцогине, нечего будет и захоронить в фамильном склепе.

Однако, когда он увидел Юделу, готовую к предстоящему приему, его тревога немного рассеялась. Одетая в белоснежное, строгого покроя платье, она выглядела хотя и чересчур юной, но обворожительной.

Опытный глаз герцога сразу же уловил тонкости, к которым прибегла старая герцогиня. Она обладала безупречным вкусом и мастерством скульптора, который, одним взмахом руки убрал незначительные шероховатости, способен создать истинное произведение искусства.

Никакие портные, парикмахеры и модистки не могли сравниться с герцогиней, если она хотела продемонстрировать свою способность преобразить женщину.

Волосы Юделы были убраны в самую модную прическу, и лишь тонкий налет пудры украшал ее восхитительно гладкую юную кожу. Легкое касание розовой помады заставило засверкать ее соблазнительные сочные губки.

Герцог тотчас же убедился, что Юдела очарует его простодушных родственников, а они уже разнесут слух по всему Лондону, что глава семьи наконец-то нашел свой идеал. Еще до

наступления вечера все все будут знать.

Герцог провел с Юделой нечто вроде репетиции перед малым приемом, чтобы она знала, как отвечать на возможные каверзные вопросы.

— Вас будут обстреливать из пушек, словно наши позиции при Ватерлоо, и легче всего сжать свои милые губки и ждать, когда я отвечу на все эти вопросы. Пусть вы покажетесь им глупенькой, но зато хорошенькой.

— С этим я, пожалуй, справлюсь, ваша светлость, — уверенно ответила Юдела. — Роль глупой девушки мне сыграть легче всего.

Юдела произнесла эту фразу так серьезно, что герцог недоверчиво взглянул на нее, не понимая, неужели она не обиделась на его слова.

Но, по всей видимости, Юдела действительно была готова на все ради исполнения поставленной перед ней задачи. Ему стало немного неловко, потому что он чем-то ненароком унизил ее. Поэтому герцог добавил, извиняясь:

— После нашей беседы вчера вечером я все собирался выразить вам свое восхищение. Как умно вы рассуждаете! К счастью, мои родственники при этом не присутствовали. Ваши идеи не очень бы им понравились.

Сейчас они тоже были наедине. Это были редкие минуты, когда прислуга, занятая приготовлениями к приему, оставила их с глазу на глаз. Воспользовавшись этим редким счастливым моментом, Юдела сдавленным голосом задала волнующий ее вопрос:

— Если лорд Джулиус... появится здесь... Что мне тогда делать?

— Я готов поставить любую сумму, заключая пари, что его ноги здесь не будет. Но если он все-таки осмелится ступить за порог, то я беру его на себя. Вам не о чем беспокоиться.

— Ну а все-таки... если он заговорит со мной? Как мне поступить?

— Никак! — отрезал герцог со всей твердостью. — Я уже продумал всю эту ситуацию, Юдела, и решил, что мы должны изобразить полное непонимание, если он вдруг начнет предъявлять какие-то претензии на знакомство с вами. Вы никогда с ним не встречались, а уж тем более не путешествовали по ночному Лондону в его экипаже.

— Значит, я с ним незнакома? — недоуменно переспросила Юдела.

— Нет! — Герцог был тверд в своем заявлении. — И я думаю, что как бы он ни был испорчен, но все-таки какие-то мозги в его голове сохранились, а также чувство стыда. И поэтому он будет держать свой рот на замке, узнав, что мы с вами обручены.

Юдела с недоверием отнеслась к заявлению герцога. Лорд Джулиус по-прежнему казался ей самым страшным противником. Но так как спорить с его светлостью было бессмысленно, она промолчала.

По мере того как дворецкий объявлял фамилии прибывающих гостей и огромная зала, занимающая половину первого этажа герцогского особняка, заполнялась элегантно публикой, волнение Юделы нарастало. Она со страхом ожидала появления среди гостей лорда

Джулиуса. Герцог никак не убедил ее, что этот негодяй ей не угрожает.

Одно лишь спасало ее от полной растерянности. А именно то, что герцог стоял рядом с ней и его мощное, сильное тело почти касалось хрупкого плеча Юделы. Она верила, что он способен защитить ее от любой опасности.

Юдела отвлеклась на мгновение от разглядывания прибывающих гостей и углубилась в собственные мысли.

«Как странно, что прошло совсем немного времени, и я из скромно одетой бедной девочки, несущей цветы на могилу своих родителей и не имеющей никаких надежд на благополучную жизнь — вот этим и хотел воспользоваться корыстный лорд Джулиус, — теперь превратилась в хозяйку великосветского приема».

Взгляд ее невольно обратился к огромному зеркалу, отражавшему саму Юделу и все это празднество.

«Вряд ли лорд Джулиус узнает меня», — успокоила себя Юдела.

Да и ее покойные родители с трудом могли бы узнать свою скромную дочку в этой блестящей красавице.

Еще перед тем как вдовствующая герцогиня начала заказывать портным наряды для нее, Юдела робко возразила:

— Мне кажется, мадам, что мои цвета это в основном черный и серый. Они идут мне больше, чем яркие. К тому же я ношу траур.

Но, сказав это, она тут же испугалась. Разумеется, герцог, увидев ее одетой как серая мышка, тут же откажется от идеи фиктивного обручения и выставит ее на улицу, дав ей пару фунтов на ближайшие расходы. Эту страшную мысль подтвердило и нахмуренное лицо вдовствующей герцогини, когда старая леди услышала заявление Юделы.

— Нет-нет, — поспешила отказаться от своей крамольной идеи достаточно разумная девушка. — Я думаю, что папа не осудит меня на том свете, если я надену что-нибудь яркое.

— Да? — Герцогиня подняла вверх брови, изображая вежливое удивление. — Ведь твой папаша был викарий?

— Да, конечно. Но он был не обычный священник, и вы знаете, мадам, он говорил, что христиане должны больше заботиться о живых, чем о тех, кто уже ушли в мир иной. О них позаботится наш господь.

— Весьма умное высказывание, — заметила герцогиня. — Я тоже разделяю подобное мнение. На мой взгляд, длительное ношение траура бессмысленно и только омрачает жизнь.

На ее губах появилась ироническая улыбка. Причиной этому было то, что она вспомнила, как однажды выразился ее любимый внук: «Вдовы, потерявшие своих мужей на полях сражений, могут одеваться во все черное, но не становятся от этого менее соблазнительными для тех, кто уцелел».

Герцогиня, желая просветить девушку, процитировала эти понравившиеся ей слова герцога вслух. Юдела, конечно, не знала, что герцогиня подразумевала под этим возмутительное

поведение леди Марлен по отношению к своему пострадавшему на войне супругу, который умер вследствие полученных им тяжких ранений.

Пожилая леди очень боялась, что красота леди Марлен сведет с ума ее внука и он решится на безумный, с ее точки зрения, поступок, а именно — женится на этой аморальной особе.

Никакими словами она не могла выразить чувство облегчения, которое испытала в тот момент, когда внук представил ей свою невесту, приехавшую из провинции. Как очаровательна и невинна была эта девочка!

В глубине души, однако, она сомневалась, сможет ли Юдела сделать герцога счастливым, а главное — положить конец его бесчисленным любовным приключениям.

Герцог был бы очень удивлен и, разумеется, расстроен, если бы знал, что большинство его родственников, включая и бабушку, полностью посвящены во все его галантные интриги, стоит лишь ему положить глаз на какую-нибудь светскую даму.

Он даже не представлял себе, например, что его бабушке несколько часов тому назад было доложено горничной, которой в свою очередь сообщил новость дворецкий, а дворецкому — кучер, что его светлости доставлено письмо от миссис Элси Шаннон.

Оно лежало на том самом месте рабочего стола герцога, где мистером Хемфри — секретарем его светлости — обычно складывались послания, о которых никто не должен был знать, кроме самого герцога. В этих вопросах мистер Хемфри разбирался до тонкостей, однако никакие меры предосторожности, предпринимаемые им, не могли остановить слухи, расползающиеся по дому.

Когда герцог вошел в комнату и увидел лежащий на положенном месте конверт, то с ужасом подумал, что это леди Марлен напомнила ему о своем существовании. Пересилив желание повернуться и уйти, он приблизился к письменному столу, издали посмотрел на конверт, вытянув шею, и, обнаружив, что адрес написан другим почерком, с облегчением перевел дух. Он уселся возле стола с улыбкой на лице и взялся за свой золотой ножик для разрезания конвертов с изящной, инкрустированной бриллиантами рукояткой.

Когда он развернул письмо и пробежал глазами первые строчки, то любой, кто видел бы его в эти мгновения, догадался бы, что содержание этого послания привело герцога в большое изумление. Читая письмо, герцог не верил своим глазам.

Как все-таки миссис Шаннон выгодно отличалась по характеру от мерзкой леди Марлен. Если она даже и взвилась от злости, прочтя о помолвке герцога в газете, то была достаточно умна, чтобы не показать этого. Вместо упреков она тепло поздравила герцога и пожелала ему всяческого счастья. Только в постскриптуме содержался некий тонкий намек:

«...Я понимаю, как ты занят сейчас, Рэндольф, и не буду, конечно, отрывать тебя даже на краткое время от твоей возлюбленной невесты, но если у тебя все-таки найдется одна свободная минутка, то я была бы счастлива поздравить тебя лично. И еще раз высказать то, что навсегда останется в моей душе, а именно — самое дружеское участие и мою любовь к тебе...»

Герцог откинулся на спинку стула и решил, что он, конечно, выкроит хоть несколько минут, чтобы встретиться с миссис Элси Шаннон.

После разрыва с леди Марлен эта дама в глазах герцога приобрела еще большую привлекательность. Она была не менее красива, но главное, что она обладала качествами, которые герцогу были несравненно больше по душе.

В список ее достоинств можно было занести умение владеть собой, не такой ненасытный любовный темперамент — что тоже устраивало герцога в настоящее время, но самое важное, что у нее был муж.

Герцог дал себе клятву, что никогда, ни в коем случае не будет больше связываться с особой женского пола, единственной целью которой было бы завлечь его под венец.

Полковник Шаннон — солидного возраста джентльмен, намного старше своей супруги — был к тому же преуспевающим владельцем конюшен, где содержались призовые лошади. Он недолюбливал Лондон и предпочитал проводить время в Нью-Маркете или в других отдаленных городах, где проходили скачки и его лошадки завоевывали призы. Он щедро предоставлял своей супруге деньги и давал столько свободы, что ей завидовали все прочие жены из светского общества, мужья которых не были столь великодушны.

Элси Шаннон блистала в свете уже несколько лет. Она была почти ровесницей герцога и так же опытна в общении с мужским полом, как герцог с женским. Она стала очень нравиться герцогу и заняла определенное место в его жизни с того самого момента, как леди Марлен довела его до Такой точки кипения, что он мысленно заявил себе, что женщины надоели ему до смерти, все до единой.

«Я должен был догадаться, что Элси поведет себя вполне благопристойно», — подумал он, отпирая ящичек, ключ от которого существовал в единственном экземпляре и с которым герцог обычно не расставался.

Спрятав письмо, Рэндольф принялся размышлять, сможет ли он потратить час времени, прежде чем начать переодеваться к ужину и заглянуть в Уайт-клуб с целью узнать, как отнеслись друзья к объявлению о его помолвке.

Но тут дверь библиотеки приоткрылась, и дворецкий провозгласил:

— Лорд Джулиус Вестри, ваша светлость Герцог медленно повернул голову, нарочно затягивая этот процесс, чтобы дать себе время привести мысли в порядок. Как же ему был противен собственный братец! И, хотя он предвидел эту встречу, в нем теплилась надежда, что подобное событие не произойдет именно в этот вечер.

Лорд Джулиус подошел прямо к письменному столу и весьма агрессивно уставился на старшего брата.

— Я пришел, — сказал он, — как ты мог, наверное, дога — 1 даться, чтобы забрать то, что принадлежит мне, то, что ты по ошибке подобрал на улице позапрошлой ночью. Герцог изобразил на лице удивление.

— Не знаю, о чем ты говоришь!

— Прекрасно знаешь! — грубо перебил его лорд Джулиус. — Лоскуток дешевенького муслина, вывезенного мной из деревни, — вот о каком предмете я веду речь! Этому жалкому созданию мои идиоты-слуги позволили удрать из дома, где ему полагается находиться. Ну а ты не преминул воспользоваться случаем и проявить свойственное тебе рыцарское благородство. Ха-ха!

Он излил этот поток слов на герцога, который по-прежнему молча взирал на брата. Не дождавшись ответа, лорд Джулиус продолжил свою атаку:

— Давай не будем играть с тобой в игры, Рэндольф! Эта женщина — моя! А так как у тебя полно подобных птичек, распевających любовные песни, то она тебе ни к чему. Уверен, что она спрятана где-то в этом «мавзолее».

Герцог с трудом находил более-менее благопристойные слова, с которыми он мог обратиться к брату. Это давалось ему ценой больших усилий.

— Я ожидал твоего визита, Джулиус. Но думал, что ты явился лишь для того, чтобы поздравить меня.

— С чем?

Герцог довольно долго изучающе рассматривал брата, словно ему попалось на глаза омерзительное, но редко встречающееся в природе насекомое.

— Ты что, не видел сегодняшний номер «Газетт»?

— Нет, — последовал ответ брата. — Так получилось, что меня не было в Лондоне. Что же такого важного я упустил?

— Ты упустил, — нарочито спокойно произнес герцог, — одно маленькое объявление на первой странице. Оно касается моей помолвки.

На несколько мгновений воцарилась полная тишина. Затем лорд Джулиус тоном, которому сам удивился, переспросил:

— Как ты сказал? Объявление о твоей помолвке?

— Да. Оно было напечатано в «Газетт». Я был уверен, что какая-нибудь добрая душа уже информировала тебя об этом.

— Так вот почему некоторые знакомые как-то странно сегодня поглядывали на меня, — в растерянности едва слышно пробормотал себе под нос лорд Джулиус.

И тут же, немного придя в себя, он заявил, как бы не поверив в то, что только что услышал:

— Это не может быть правдой. Ты же всегда говорил, что никогда не женишься.

— Я поменял свои взгляды.

— Как ты мог?! Я твой наследник! Ты абсолютно ясно говорил во всеуслышание, причем не только мне, но и всем окружающим, что намерен оставаться холостяком.

— Становясь старше, мы начинаем исправлять прошлые ошибки, — почти весело произнес герцог.

— Ты не мог этого сделать!

Лорд Джулиус, сам того не сознавая, перешел на крик:

— Господи! Он, видите ли, поменял свои взгляды! А что мне прикажешь делать? Ведь я твой

первоочередной наследник.

— Ты лишь один из моих родственников, причем тот, который мне абсолютно не по нраву, который мне осточертел и почти вынудил меня искать себе супругу. В конце концов я сделал то, что все давно ожидали от меня. Все абсолютно — могу тебя заверить, — включая и бабушку, вполне счастливы!

— Еще бы им не радоваться, — взвился лорд Джулиус. — Они всегда ненавидели меня. Их вполне устраивало такое положение, когда тебе принадлежит все, а у меня ни гроша за душой!

— Не думаю, что это справедливое заявление с твоей стороны, — возразил герцог. — За последние пять лет я погасил твои долги чуть ли не дюжину раз. И к тому же ты получаешь вполне приличное содержание.

— У нас с тобой разное понимание смысла слова «приличное», — злобно усмехнувшись, сказал лорд Джулиус. — Кто же эта чертова девица, которую ты вознамерился сделать своей супругой?

Все, что произносилось лордом Джулиусом, напоминало не человеческую речь, а скорее змеиное шипение.

— Она внучка генерал-майора Александра Массинджера, — не обращая внимания на оскорбительный тон Джулиуса, сказал герцог. — О нем ты, должно быть, слышал. В остальном же... она новичок в Лондоне.

Но лорда Джулиуса в его состоянии не интересовали пояснения герцога. Он, не слушая брата, прошел к окну и уставился невидящими глазами на цветущие деревья, украшавшие сад.

— Почему ты так поступил со мной? — простонал он. — Зачем тебе взбрело вдруг в голову поменять свой образ жизни и свои намерения, когда все твердо уверились, что ты передашь титул мне...

— Разумеется, для тебя это большое разочарование, но мне кажется, что каждый мужчина рано или поздно возымеет желание, чтобы у него родился сын, который станет как бы продолжением его самого в этом брэнном мире.

— Ах, вот о чем ты мечтаешь! Ха-ха! С чего это ты вдруг ударился в философию?

Но тут же лорд Джулиус сменил иронический тон на гневный.

— Я этого не допущу! Ты меня слышишь? Я не позволю тебе сделать это! Ты не отберешь у меня титул, который был мне обещан!

Его громкий голос пробудил эхо, которое заметалось по огромной комнате, издевательски повторяя каждое слово, произнесенное Джулиусом.

С гримасой отвращения на лице герцог все-таки попытался урезонить брата:

— Возьми себя в руки, Джулиус! Тебя могут услышать слуги!

— Пусть слушают! Меня это мало заботит.

Волны гнева накатывались на Джулиуса, в душе его разразился настоящий шторм.

— Я уверен, что они все хохочут — веселятся при мысли о том, как ловко обстряпал ты это дельце, лишив меня наследства и выбросив в сточную канаву, где, по твоему мнению, мне самое место.

Герцог вздохнул.

— Что действительно достойно осмеяния, так это твои лживые обвинения, Джулиус. И ты сам это понимаешь. Не хочешь ли ты узнать точно, сколько твоих счетов я оплатил за последнее время?

— Меня не интересуют счета! — чуть не взвизгнул лорд Джулиус. — Я хочу быть герцогом Освестри, и, клянусь богом, я им стану! Пусть даже для этого придется тебя прикончить! Меня ничто не остановит!

Герцог не выдержал и вскочил со стула.

— Лучше уходи, Джулиус! И прекрати строить из себя дурака! — приказал он сурово. — Если ты и дальше будешь ронять подобные словечки, то люди подумают, что ты спятил. Да и я сам уже начинаю думать, что это действительно так.

— А ты бы этому очень обрадовался, не так ли, дорогой мой братец? — прошипел лорд Джулиус с ядовитой ухмылкой. — Как здорово было бы упрятать меня в Бедлам и тем избавиться от докучливого родственника! Но я могу тебе с твердостью обещать, что ты проклянешь тот день, когда решил сыграть со мной подлый трюк и лишить меня законных прав!

Он продолжал выкрикивать уже что-то совсем невнятное. Герцог, не слушая его, пересек комнату и подошел к столику с напитками.

— Не хочешь ли что-нибудь выпить, Джулиус? По-моему, наша дискуссия зашла в тупик и продолжать ее не имеет смысла.

Он наполнил бокал шампанским и понес его через комнату к брату, который снова отвернулся к окну. Если бы герцог видел сейчас выражение лица Джулиуса, то, наверное, сравнил бы его с ликом горгоны, которыми изобиловали фасады средневековых соборов.

Рэндольф протянул брату бокал, но лорд Джулиус, резко развернувшись, выбил его из рук герцога. Бокал упал и разбился, а по ковру стало расплзаться темное пятно от пролитого шампанского.

— Иди ты к дьяволу! — сказал он. — Я надеюсь, что ты и твоя новоявленная невеста в скором времени окажетесь в аду, где вам самое место.

Он зашагал к двери, но на пороге задержался.

— Если ты в скором времени женишься или думаешь, что это случится, — произнес Джулиус, — то вряд ли ты нуждаешься в той муслиновой куколке, которая отдала себя под твое покровительство позапрошлой ночью. Разумеется, после того как ты побаловался с ней, она уже не стоит тех денег, которые я намеревался получить за нее. Но все же я бы хотел забрать ее с собой.

— Не имею ни малейшего представления, о чем ты говоришь, — сказал герцог. — Единственная особа женского пола, которая появилась в моем доме в ту ночь, — это была моя будущая жена мисс Юдела Хейворт.

Изумление, появившееся на лице лорда Джулиуса, невозможно было описать никакими словами. Казалось, что он сейчас взорвется, как вулкан, и извергнет на брата новые потоки оскорблений и угроз. Но внезапно он передумал. Его глаза сузились до маленьких щелочек, которые в сочетании с прямой переносицей образовали нечто вроде креста, а сжатый рот зловещей прямой линией перечеркнул нижнюю половину его лица. Все это вместе представляло такую гримасу, на которую тяжело было смотреть даже такому выдержанному человеку, как герцог.

Раздалось жуткое шипение. Это лорд Джулиус исторгал из себя излишек злобы. Заменяя невысказанные проклятия этим звуком, вырвавшимся у него изо рта, он покинул библиотеку, со всей силой хлопнув за собой дверь.

Некоторое время герцог прислушивался, не веря, что братец действительно ушел. Затем он вернулся к подносу с напитками и налил себе щедрую порцию бренди. С бокалом в руке Рэндольф подошел к окну и остановился на том же самом месте, на котором только что стоял его брат, и принял ту же позу, разглядывая цветущие деревья за окном.

Визит Джулиуса оставил после себя самое тягостное впечатление. Разумеется, он и предполагал, что младший брат воспримет известие о его помолвке с неприязнью, но реакция Джулиуса превзошла все его ожидания. Конечно, угрозы его отдавали фарсом, но в то же время у герцога появилось нехорошее предчувствие, что братец предпримет все возможное, чтобы досадить ему.

То, что лорд Джулиус находится в долговой кабале у ростовщиков, ему давно было известно. Он хорошо зная этих людей. Их жадность, их умение заманивать в свои сети недалеких самонадеянных отпрысков знатных семейств, вроде его младшего брата, их способность, вручив когда-то клиенту скромную толику денег якобы в качестве благодарения, потом требовать с него астрономическую сумму за счет грабительских процентов.

Лорд Джулиус, опрометчиво рассчитывая на будущее наследство, неуклонно катился в долговую пропасть. Герцог старался предотвратить катастрофу, неоднократно выплачивая его долги, но считал, что тем самым обделяет других родственников, которые также нуждались в его помощи, а главное, наносит ущерб поместью Освестри, высасывая из него последние соки. Ведь именно на нем, на герцоге, лежала обязанность сохранить и, по возможности, приумножить фамильное достояние.

Слишком дорого обходился лорд Джулиус семье и самому герцогу, и слишком много огорчений он доставлял своим близким.

Герцог давно знал, что брат страдает от ревности и ему ненавистно собственное положение младшего сына. — Но кому могло прийти в голову, что Джулиус так фанатично цепляется за надежду получить титул герцога Освестри. И мог ли он вообразить, что родной ему человек, в чьих жилах течет та же благородная кровь, поведет себя как последний негодяй. Ни один мало-мальски приличный джентльмен, которому с детства внушали правила хорошего тона и моральные устои, не стал бы заманивать такую девушку, как Юдела, в публичный дом. И вообще заниматься подобным промыслом.

«Что мне делать? — размышлял герцог. — Как заставить Джулиуса вести себя хотя бы в рамках приличия?»

Он догадывался, что его друзья в курсе подозрительной деятельности лорда Джулиуса. И только щадя его чувства, не сообщают ему, кто финансирует заведение миссис Кроули. Даже

сама мысль о том, что кто-то из семьи Вестри разъезжает по деревням и выбирает девушек, чтобы потом их продать в развратные притоны, была ужасающей. Этому надо было немедленно положить конец. Но одно дело принять решение, а другое — придумать, как его выполнить. Герцог был уверен, что миссис Кроули совместно с Джулиусом загребают на торговле живым товаром немалые денежки и, конечно, при этом нарушают какие-то законы.

Но не мог же он донести на своего брата, да и не желал, чтобы скандал выплеснулся наружу, а член семьи Вестри оказался на скамье подсудимых в Олд-Бейли.

«Но ведь наверняка есть какой-то способ наставить его на путь истинный», — в отчаянии думал герцог.

Он старался убедить себя в том, что, когда Джулиус поостынет и примирится с тем фактом, что его брат женится, они смогут спокойно побеседовать, и тогда он предложит ему некоторую сумму денег под залог обещания, что тот исправится и первым делом прекратит всякие сношения с непотребной шайкой из заведения на Хэй-хилл.

Сцена, разыгравшаяся в библиотеке, оставила после себя тяжелый след, и герцог чувствовал себя весьма неважно, словно бы находился на пределе своих нервных и физических сил. Он внезапно подумал, что на этот день с него достаточно общения с родственниками. Ему и так стоило немалых усилий обхаживать дядюшек и тетюшек, а также бесчисленных кузенов и кузин, которые явились на прием. Герцог всегда воспринимал их как скучную однообразную массу, которая не вызвала в нем ничего, кроме унылой тоски. Теперь он почувствовал, что дневная норма им выполнена с лихвой и больше видеть и слышать их он не в состоянии.

После моральной пощечины, которую он получил от Джулиуса, говорить с кем-либо о достоинстве, благородных традициях и фамилии Вестри или вести беседу о значительности самого факта его женитьбы было просто невозможно.

Остаток дня он решил посвятить самому себе. Герцог позвонил в колокольчик и приказал появившемуся тут же слуге разыскать своего секретаря.

Не прошло и нескольких минут, как мистер Хемфри вошел в библиотеку.

— Вы желали меня видеть, ваша светлость? Мистер Хемфри был мужчиной средних лет, весьма примечательной благообразной внешности, но особое достоинство ему придавала серебряная седина. Он служил в том же полку, что и герцог, еще в начале века воевал в испанскую кампанию, но по возрасту уже не смог принять участие в битве при Ватерлоо.

— Да, Хемфри, — сказал герцог. — Я хочу, чтобы вы известили мою бабушку, что я уезжаю по срочному вызову и, к сожалению, лишен удовольствия отобедать сегодня вместе с нею и мисс Хейворт.

— Я извещу об этом ее светлость.

— И пусть Грум отвезет эту записку в дом миссис Шаннон и дождетя от нее ответа.

В ожидании секретаря герцог уже успел набросать несколько слов на листке бумаги и запечатать конверт. Теперь он протянул это послание мистеру Хемфри, который воспринял поручение с невозмутимым видом и произнес при этом:

— Грум отправится немедленно.

— Спасибо, Хемфри. Я предполагаю, что вам известно о недавнем визите лорда Джулиуса.

— Да, мне сказали, что он был здесь, ваша светлость.

— Я также предполагаю, что вы в курсе его бедственного положения и знаете, до чего он довел себя.

По выражению глаз секретаря герцог догадался, что тому все давно известно, гораздо раньше, чем об этом узнал его хозяин. Во взгляде мистера Хемфри были также тревога и сочувствие к герцогу, ибо он воспринимал неприятности, свалившиеся на его хозяина, как свои собственные.

— До меня дошли некоторые весьма нехорошие слухи, ваша светлость, — подтвердил секретарь.

— Нехорошие — мягко сказано, — чуть повысил голос герцог. Но тут же одернул себя. — Что мы предпримем в связи с этими слухами? — спросил он уже спокойно.

— Мне кажется, чтобы остановить их, надо пожертвовать некоторой суммой.

— Я тоже так и подумал.

— Но это обойдется недешево. Миссис Кроули вошла в моду и приобрела влияние в определенных кругах. О каких кругах идет речь, вы понимаете, ваша светлость. Об этом мне досконально известно из достоверных источников.

— Ваши источники всегда были достоверны, — с горечью произнес герцог. — Но имею ли я право обескровить наше поместье ради Джулиуса? Мы оба с вами хорошо знаем, что, сколько Джулиусу ни давай денег, все равно они мгновенно испарятся.

— По моему мнению, ваша светлость, вопрос стоит так — или заткнуть рты, или пустить дело на самотек»В крайнем случае можно, конечно, поторговаться.

Все это было произнесено мистером Хемфри спокойным, ровным голосом, хотя в нем чувствовалась некоторая озабоченность.

Герцог ничего не ответил. Подождав немного, не скажет ли еще что-нибудь хозяин, и догадавшись по длинной паузе, что разговор окончен, мистер Хемфри добавил:

— Я пошлю грума с этим письмом, как вы просили, ваша светлость.

С этими словами он покинул библиотеку.

В это время наверху старая герцогиня, переодевшаяся в уютное домашнее неглиже, беседовала с Юделой.

— Ты пользовалась таким успехом сегодня, моя девочка, — сказала она, — и все поздравляли меня с тем, что Рэндольф нашел наконец себе достойную супругу.

Одарив Юделу доброжелательной улыбкой, она продолжила:

— Мы так беспокоились, так страшились, что он женится на какой-нибудь жуткой особе, с которой невозможно будет даже разговаривать. А еще хуже, если он откажется, как твердил

много раз, от женитьбы вообще.

— Но ведь так много женщин, такое количество знатных леди хотели бы разделить с ним свою судьбу, — произнесла Юдела.

Она чувствовала себя неловко, когда вдовствующая герцогиня разговаривала с ней искренне и с такой добротой. Ей было трудно сдержать себя, чтобы не сказать ей правду, не признаться, как на исповеди, что она и герцог только разыгрывают спектакль и что он на самом деле собирается оставаться холостяком, как они — все родственники — и боялись.

В то же время она знала, что ее обязательства перед человеком, который помог ей, может быть, в самую трудную в ее жизни минуту, должны быть выполнены. Именно поэтому на сердце у нее было так тяжело.

Старая герцогиня с ее добротой и шармом напоминала Юделе покойную матушку. О боже, как хотелось Юделе чистосердечно признаться во всем.

Это было неудивительно, потому что бабушка герцога обладала особым талантом. Она умела находить ласковое и приятное слово для каждого, пусть самого незначительного человека, с которым она общалась. И еще она настолько любила своего внука, что это было ясно не только из произнесенных ею слов, но и по взгляду, которым она смотрела на него, когда он появлялся в поле ее зрения.

Юдела чувствовала, что часть этой любви бабушки к внуку распространяется и на нее, его невесту.

— Я так думаю, — внезапно разоткровенничалась старая герцогиня, — что у каждой женщины есть в жизни только один действительно любимый мужчина. Я любила многих, но так получилось, что самым моим любимым человеком, моим фаворитом стал именно Рэндольф. Он был таким очаровательным малышом, таким хорошеньким и нежным, что буквально забрался в мое сердце с момента, как только он родился.

Она выдержала паузу, вероятно, смолкнув от волнения, а потом продолжила:

— Каждую ночь я молюсь, чтобы господь разрешил мне дожить до той минуты, когда я возьму на руки сынишку Рэндольфа. Вот поэтому я так счастлива, что он собирается жениться.

Юдела стиснула пальцы, боясь, что у нее вырвется роковое признание, которое мгновенно сотрет с лица старой герцогини счастливое выражение. Желая сменить тему разговора, она сказала:

— У вас ведь есть другой внук, ваша светлость? Но... он почему-то не присутствовал на сегодняшнем приеме...

— Я его не приглашала, — сказала герцогиня. — Мне бы не хотелось настраивать тебя против кого-либо из наших родственников, но, к сожалению, старая поговорка оправдывается: «В каждом стаде есть своя паршивая овца».

— Неужели? Вы подразумеваете лорда Джулиуса?

— Боюсь, что да, — ответила герцогиня. — Он всегда был трудным ребенком. Его исключили из нескольких хороших школ, потому что дирекция не хотела держать его там.

— Должно быть, это было очень неприятно и для вас, и для родителей его светлости.

— Он в буквальном смысле разбил их сердца. Я не боюсь признаться, что именно Джулиус был виной их преждевременной кончины, — с горечью произнесла герцогиня. После паузы она добавила:

— Сколько добра сделал ему старший брат. Казалось бы, Джулиус должен быть благодарен. Но он безнадежен, совершенно безнадежен.

Воспоминания о Джулиусе явно расстроили старую герцогиню. Она поспешила перевести разговор в другое русло:

— Завтра я повезу тебя знакомиться с самыми близкими моими друзьями, а потом, как я поняла, Рэндольф намерен совершить поездку в поместье.

— В поместье? — оживилась Юдела.

— Да. В наше поместье, где мы проведем некоторое время. Я считаю ошибкой, что мы так поспешно покидаем Лондон, тем более что большинство твоих нарядов уже готово, но он безумно хочет показать тебе наше родовое гнездо, и я не осмеливаюсь упрекать его за это желание.

— И правильно делаете, мадам. Это будет так замечательно!

— Надеюсь, мы не останемся там надолго, — произнесла герцогиня, — У меня намечено для тебя еще столько важных встреч в Лондоне с нужными людьми. Но ведь, Рэндольф таков — если ему что-то взбредет в голову, то никто не убедит его в обратном.

Юдела и не собиралась переубеждать герцога, поэтому она промолчала.

Ей было так страшно сегодня встречаться с его родственниками. И хотя все они были весьма обходительны и приятны, ее все время тревожила мысль, что вот-вот в зале приемов появится лорд Джулиус.

А если он действительно появится? И что он скажет, увидев ее? Объявит ли он громогласно, что здесь присутствует девица, которую он привез в Лондон ради совсем иных целей? И прав ли был герцог, когда заверял ее, что Джулиус не сможет принести ей никакого вреда? На эти вопросы она не имела ответов.

Самым большим ее желанием было, чтобы ее и лорда Джулиуса разделяло расстояние, настолько значительное, чтобы его хищные руки не дотянулись бы до нее. Юдела надеялась, что в поместье он до нее не доберется и страх перед ним оставит ее.

Герцогиня выразила желание отдохнуть часок перед ужином и посоветовала Юделе сделать то же самое. Юдела покорно отправилась в свою спальню, но по дороге подумала, что после пережитых волнений она будет не в состоянии уснуть, а просто так лежать в постели ей не хотелось. Поэтому она решила что-нибудь почитать. Когда они с герцогом находились в библиотеке, она заметила, что на низком столике возле камина были разложены газеты. Несомненно, герцог выписывал всю свежую прессу. Если ему они в данный момент не нужны, то она могла бы просмотреть их, как делала это когда-то у себя дома, с нетерпением ожидая прихода почтальона. Покойный отец очень интересовался отчетами о парламентских прениях, и дочь унаследовала это его увлечение. Ей так же хотелось, хотя из робости она не признавалась в этом вслух, увидеть объявление о ее помолвке с герцогом, напечатанное в

«Газетт».

Спускаясь по лестнице, Юдела размышляла. «Если я уже буду в библиотеке, то не будет большим грехом, — если я выберу себе книгу для чтения. Уверена, что у герцога имеется последний роман сэра Вальтера Скотта, а может быть, и новый том поэм лорда Байрона».

Они с отцом были фанатичными книголюбями, но после его смерти она твердо решила, что не будет тратить деньги на подобную роскошь. Ей не только надо было уплатить семейные долги, но и сохранить хотя бы небольшую сумму на будущую жизнь.

Очувтившись в холле, Юдела заметила дежурившего там лакея, готового выполнить любое распоряжение хозяев, — Скажите, пожалуйста, его светлость в библиотеке? — осмелилась спросить она.

— Его светлость поднялся наверх, чтобы переодеться, мисс, — ответил лакей. — Я предполагаю, что он будет ужинать вне дома.

Юдела была слегка разочарована. Ей вспомнилось, как приятно прошел предыдущий вечер, когда они были с герцогом наедине и так искренне и тепло разговаривали друг с другом.

Но она тут же одернула себя, напомнив, что не имеет никаких прав навязывать ему свое общество. Раз она должна провести вечер в одиночестве, почему ей не взять себе в компаньоны хорошую книгу?

Поэтому она громко заявила лакею:

— Я собираюсь выбрать себе книгу в библиотеке. Он поспешил распахнуть перед ней дверь. Войдя в комнату, Юдела увидела, как и ожидала, газеты, разложенные на длинном низком столе возле каминной решетки.

Она проглядела «Тайме» и «Морнинг пост», отложила их и направилась к книжным полкам. Предчувствия ее не обманули. Там было все, о чем только можно мечтать заядлому любителю чтения. Романы сэра Вальтера Скотта, переплетенные в роскошную русскую кожу с золотым тиснением, сразу бросились ей в глаза. Она знала, что по всему миру ходит слух, что это любимое чтение самого принца-регента.

Юдела выбрала два новейших романа, которые она не читала, и перешла к полке с поэзией. Там был, конечно, и лорд Байрон, и еще множество сочинений поэтов, любимых ею. С благоговейным трепетом она брала один томик за другим. Ее внимание задержалось на книжке стихов Шелли. Для нее это имя было еще неизвестным.

Она подверглась искушению, жертвой которого всегда становится человек, попавший в сокровищницу. Какую книгу выбрать? Решая эту мучительную задачу, Юдела только и надеялась на то, что ее так называемое обручение с герцогом продлится достаточно долго, чтобы она могла вдоволь насладиться сокровищами этой библиотеки.

«А может быть, у него и в поместье имеется немало книг?» — позволила она себе помечтать. Размышляя об этом, Юдела перелистывала страницы томика сочинений Шелли. Она была так увлечена чтением, что не услышала, как отворилась дверь библиотеки. И только голос лакея привлек ее внимание.

— Я доложу его светлости, что вы ожидаете его в библиотеке, миледи.

Юдела оторвалась от книги и увидела нечто входящее в комнату, что показалось ей волшебным видением. Это была прекрасная женщина, в жизни Юдела не встречалась с подобной красотой, даже во сне.

Очарование сочеталось в этой леди с величием манер. Платье великолепно обрисовывало линии ее соблазнительной фигуры, а шляпка невообразимо яркой расцветки соответствовала огненно-рыжим волосам и сверкающим глазам — все это просто ослепляло.

— Кто вы?

Голос вошедшей женщины был настолько резким, что Юдела почувствовала, будто холодная, острая льдинка воткнулась в ее тело. Она не ожидала от такой очаровательной женщины столь грубого обращения.

Поспешно вернув книгу стихов Шелли на место, Юдела сделала реверанс.

— Я Юдела Хейворт, — произнесла девушка вежливо.

— Значит, это тебя я должна благодарить за то, что ты испортила мою жизнь?

Незнакомка разговаривала с ней на удивление бесцеремонно и резко.

Заметив, что от удивления брови Юделы поползли вверх, она соизволила объяснить:

— Так как, очевидно, вы, милая, не знаете, кто я, то позвольте мне сообщить вам свое имя. Я леди Марлен Келстон И мужчина, которого ты, — при этом фамильярном обращении Юдела вздрогнула, — ты зацапала себе в мужья, обошелся со мной самым подлым, самым мерзким образом.

Юдела была ошеломлена не столько тем, что произносила леди Марлен, а скорее ее жутким тоном. Как мог такой голос соседствовать с подобной красотой? Хотя это было только видение, но Юделе показалось, что лицо леди Марлен вдруг изменилось и превратилось в уродливую маску.

— Я, очень сожалею... — со страхом произнесла Юдела.

Ее безумно испугала эта метаморфоза, произошедшая с красивой женщиной.

— Ты сожалеешь? О чем тебе сожалеть? Наверное, ты считаешь себя очень смысленной, если смогла заарканить его и преуспела там, где столько женщин потерпели поражение. Но поверь мне, что он предаст тебя, как предал всех остальных до этого. И разобьет твое сердце, если ты на самом деле испытываешь к нему хоть какие-то чувства.

Снова Юдела почувствовала, что леди Марлен жестока с ней, как самый суровый палач. Защищаясь от этого напора, она произнесла:

— Я очень... сожалею, но думаю... что, может быть, вам все это... лучше высказать его светлости, а не... мне...

— Он все это выслушает! Уж об этом я позабочусь! — заверила девушку леди Марлен. — И все-таки тебе полезно будет узнать кое-что о человеке, за которого ты собралась выходить замуж. Он не кто иной, как иуда! Подлец из подлецов! Мужчина, который даже не желает взять на себя ответственность за дитя, которое зачал.

Юдела с тоской посмотрела на дверь. Расстояние, отделяющее ее от вожаделенной свободы, было слишком велико, и она опасалась, что красивая, но злобная леди сможет перехватить ее по пути к выходу. В то же время Юдела чувствовала, что выслушивать речи, порочащие герцога, извергаемые из уст этой красавицы, она не имеет никакого права. В конце концов она посторонняя в доме.

Что же ей делать? Спасаться бегством или заткнуть уши? Единственное, что поняла Юдела из жуткого монолога неожиданной визитерши, что герцог не без основания обратился к ней за помощью.

И как только она вспомнила о герцоге, тут же дверь распахнулась, и он собственной персоной появился на пороге библиотеки.

Он уже переоделся в вечерний костюм и выглядел в нем великолепно, но Юделу сейчас больше интересовало выражение его лица. А по лицу его было видно, как он рассержен.

— Что тебе здесь понадобилось, Марлен? — поинтересовался он.

— Я так понимаю, что ты меня не ждал. Значит, я сделала тебе сюрприз?

Ее ирония не подействовала на герцога. Он смотрел на Юделу.

— Бабушка ждет тебя наверху, Юдела.

— Нет-нет. Пусть она останется, — вмешалась леди Марлен. — Ей будет полезно узнать, с каким человеком она намерена связать свою судьбу. Если у нее и есть какие-то высокие идеалы о любви и верности, то чем скорее развеются ее иллюзии, тем будет лучше. Для нее, Юдела, однако, повинувшись герцогу, направилась к двери. Она уже почти достигла долгожданной свободы, о которой мечтала, чтобы не присутствовать при безобразной сцене, но громогласный приказ леди Марлен заставил ее замереть на месте:

— Стой! Тебе же будет лучше, если ты узнаешь правду! В растерянности Юдела посмотрела на герцога.

— Пожалуйста, поднимитесь наверх, — произнес он очень спокойно, но за этим внешне вежливым тоном она угадывала железную волю, которой нельзя было не подчиниться.

Юдела перешагнула через порог и тут же услышала раскатистый, издевательский смех леди Марлен.

— Если ты думаешь, что эта бледная девица сможет тебя развлечь больше десяти минут, то ты, Рэндольф, наверное, спятил!

Юделе показалось, будто леди Марлен хлестнула ее кнутом. Подслушивать было не в ее правилах, поэтому она обратилась в бегство. Сердце ее бешено колотилось в груди, во рту было сухо, все прежние страхи вернулись к ней.

Она не могла и не хотела никого видеть, даже старую герцогиню. Поэтому, поднявшись наверх, Юдела уединилась в своей спальне.

В библиотеке тем временем герцог разглядывал леди Марлен с таким выражением на лице, что все слова, которые она собиралась обрушить на него, застряли у нее в горле.

— Если ты явилась сюда, чтобы устроить здесь сцену, то ты своего добила. Теперь я прошу тебя покинуть этот дом, а если ты не сделаешь этого, я прикажу слугам вышвырнуть тебя.

— Как ты можешь разговаривать со мной подобным образом? — поинтересовалась она.

— Потому что ты ведешь себя, как торговка рыбой на базаре. Посмотрела бы ты на себя со стороны. В каком не приглядном виде ты предстала перед молодой девушкой, которая вряд ли ожидала от светской леди столь неприличных слов и поступков? Изливая свою желчь на нее, ты, конечно, метила в меня. Но могу тебя заверить, что я не намерен выслушивать злобный вздор, который ты несешь.

— А я заставлю тебя его выслушать!

— Сомневаюсь, — ответил герцог. — Так как же мы поступим? Или ты спокойно уйдешь, или я буду вынужден выкинуть тебя отсюда.

— Ты не осмелишься! — Вопль леди Марлен буквально пронзил слух герцога.

— Если ты сейчас же не уйдешь, то я сообщу всей прислуге, что тебе запрещено появляться в этом доме, и объясню бабушке причину, по которой я принял такое решение.

— Старой герцогине?!

— Она взяла на себя опеку над моей будущей супругой. Что ж, если ты, Марлен, грозилашантажировать меня с помощью своих родственничков, то почему я не могу использовать в тех же целях и мою родню?

Произнося это, он понимал, что бросил на стол козырную карту. Любой человек в большом свете знал о высоком общественном положении герцогини. Влияние, которым она пользовалась при жизни мужа, сохранилось и после его кончины.

Так как герцог не был женат, старая герцогиня исполняла при нем роль хозяйки дома на приемах, устраиваемых в загородном поместье, а часто принимала гостей и в столичном особняке. Все признавали, что уважение, которым она пользовалась, было вызвано не только ее богатством и знатностью, но и свойствами ее характера. Она была добра, приветлива, щедра и гостеприимна. К ее советам прислушивались государственные мужи самых различных рангов, вплоть до премьер-министра.

Герцог прекрасно осознавал, что его упоминание о бабушке точно попадет в цель, поэтому, не ожидая ответа от леди Марлен, он молча распахнул перед ней дверь. Леди Марлен замешкалась, и тогда, чтобы поторопить ее, герцог произнес нарочито громко, специально чтобы слышали лакеи, дежурившие в холле:

— Позвольте проводить вас до экипажа. Обещаю непременно передать своей бабушке, что вы хотели почтить ее визитом. Она, несомненно, будет очень огорчена, но так как она сейчас отдыхает, то лишена приятной возможности побеседовать с вами.

Леди Марлен потерпела поражение и сама осознала это. И все-таки, подавая ему руку для прощального поцелуя, она не удержалась, чтобы не прошипеть:

— Мы еще увидимся, Рэндольф, можешь не сомневаться!

Он склонился и коснулся губами ее надушенной перчатки с таким издевательским видом, что

этот обычный галантный жест выглядел оскорбительным.

Леди Марлен вспыхнула и, сердито простучав каблучками по каменным ступеням, нырнула в ожидающую ее карету.

Убедившись, что она действительно умчалась прочь и не собирается вернуться с полдороги, герцог принялся размышлять, стоит ли ему повидать Юделу и извиниться перед ней за недопустимое поведение леди Марлен. Но он тут же сказал себе, что подобный разговор не принесет ничего, кроме неудобства, и для девушки, и для него самого. А потом, ведь это его личное дело! Для Юделы же не существовало никаких поводов расстраиваться из-за визита скандальной особы. Фактически ведь она чужая ему и выполняет роль его невесты за определенное вознаграждение.

Если бы Юдела действительно была увлечена им и на самом деле собиралась бы выйти за него замуж, то тогда, конечно, леди Марлен, оскорбляя герцога, могла нанести душевную рану такому невинному созданию, как дочь провинциального священника.

Но выстрел леди Марлен оказался холостым! Самое главное достижение — герцог заставил ее поверить, что действительно женится. Этого он добивался и получил в результате то, что хотел.

«Я одурачил ее так же, как обвел вокруг пальца всех остальных!»— Герцог усмехнулся про себя и с удовлетворением потер руки.

Когда закрытый экипаж, который он обычно использовал для вечерних выездов, был подан к дверям, один лакей накинул на плечи герцога темный плащ, другой протянул ему цилиндр, а третий подал его трость.

С чувством огромного облегчения герцог отправился в гости к миссис Шаннон, уверенный, что его ждут там с нетерпением, как было сказано в недавно полученном им послании от этой обаятельной женщины.

Глава 5

И все-таки у герцога было не совсем спокойно на душе. Некое подспудное чувство подсказывало ему, что Юдела расстроена нападками леди Марлен. Ему вспоминались ее ошеломленные глаза, когда она, подчиняясь его приказу, покидала библиотеку. И весь путь от Освестри-хауз до особняка миссис Шаннон мысли герцога были заняты только Юделой. Напрасно он твердил себе, что это беспокойство безосновательно и выглядит даже смешно. Его любовные делишки совершенно не касаются Юделы. И какими бы обвинениями ни осыпали его голову женщины, подобные наглой и бесцеремонной леди Марлен, самому герцогу совершенно незачем оправдываться перед Юделой или перед кем-нибудь еще. В конце концов он спас ее от того, что она, несомненно, посчитала бы «участью худшей, чем сама смерть». И ее благодарность к нему должна включать и прощение или хотя бы отсутствие всякой критики его так называемых «грешков».

Однако, к его вящему раздражению, воспоминания о Юделе преследовали его весь вечер. По какой-то странной причине ее трогательное личико вновь и вновь появлялось перед его мысленным взором и не давало ему возможности сосредоточиться на том, что говорила блестящая миссис Шаннон, и на ее щедро рассыпаемых остротах.

Когда совместный ужин подошел к концу, герцог вдруг встал из-за стола.

— Неужели ты должен уходить, милый Рэндольф? — с удивлением спросила Элси Шаннон. — Ты так мало пробыл у меня. Я так надеялась, что мы проведем еще некоторое время вместе, — добавила она, выделив последнее слово.

Он прекрасно понимал, что она подразумевала под словом «вместе», но совершенно неожиданно для себя обнаружил, что в нем отсутствует всякое желание заниматься с ней любовью именно в этот момент.

По пути домой, понимая, что он оставил женщину разочарованной и в какой-то степени униженной, герцог твердил себе, что в его непонятном и недостойном поведении по отношению к такой милой женщине, как Элси Шаннон, повинны все те же Джулиус и леди Марлен.

Но, когда после часа, проведенного за карточной игрой в Уайт-клубе, причем по очень высоким ставкам, он в конце концов добрался до кровати, несчастные растерянные глаза Юделы, о которых он вспомнил, вновь взбудоражили его.

На следующий день герцог убедился, как глубоко ранил Юделу визит леди Марлен. Она даже, как ему показалось, старалась избегать его.

Было странно и совершенно непохоже на него то, что герцог бессознательно пытался разглядеть в ее глазах искорку восхищения, когда он беседовал с ней. Но никакого восхищения не было.

Наоборот, если Юдела и глядела на него, то с робостью, как будто извинялась за то, что поступила как-то не правильно или сделала что-то не так. А ведь накануне личико ее освещалось радостью каждый раз, когда он высказывал ей какой-нибудь комплимент или просто заговаривал с ней.

«Она слишком чувствительна, легкоранима и незащищена, и поэтому ее поведение утомляет. Такие особы являются источником беспокойства», — убеждал он себя, но сам понимал, что это ложь.

Весь путь из Лондона в Кент их разделяла эта неприятная для герцога холодная отчужденность.

Дом Освестри в Кенте представлял собой великолепный образец архитектуры в стиле Палладио. Дед Рэндольфа достроил его в 1750 году, с тех пор его не обновляли. Но в этот день здание, как показалось герцогу, выглядело еще более величественным, чем когда-либо. Свежая листва деревьев представляла великолепный фон для самого строения. Лужайки вокруг дворца выглядели, как изумрудный бархат, а цветы на траве — как рассыпанные по нему драгоценные камни.

Здание своими мощно раскинутыми крыльями с белыми колоннами как бы заключало в объятия чарующую природу.

— Как это прекрасно! Как величественно! — услышал герцог возглас Юделы, но она обращалась к герцогине, а не к нему.

— Я испытываю те же самые чувства, когда возвращаюсь домой. Ведь это поместье я считаю своим домом, — растроганно проговорила герцогиня.

— Мне кажется, что будет неплохо, если я проведу тебя по дому и расскажу его историю, — предложил герцог Юделе.

— Благодарю, — произнесла она натянуто, даже не посмотрев на него.

Когда они разместились в доме, уже близился вечер. Герцог рассчитывал еще до ужина побеседовать с Юделой и показать ей коллекцию живописи, но ему доложили, что она отдыхает после дороги.

Ужин, как ни странно, прошел весьма скучно. Закончив трапезу, герцогиня заявила, что отправляется в свою спальню, а Юдела тотчас же вызвалась сопровождать ее.

По привычке герцог стал убеждать себя, что ее отношение к нему совершенно не должно выводить его из себя и что он испытывает только удивление по поводу подобных поступков со стороны молодой женщины. В своей богатой биографии, изобилующей связями с самыми разными по характеру особами, он не сталкивался со столь явно проявляемым к нему равнодушием. Любая женщина, к которой он проявлял хоть малейший интерес, тут же ясно показывала всем своим видом, как она желает быть с ним вместе, и часто именно это как раз и становилось причиной его охлаждения.

«Черт побери! — говорил он сам себе. — Не знаю, чего она добивается этим, но это ее личное дело. Здесь я свободен, а свобода для меня дороже всего. Я могу развлекаться так, как хочу. В конце концов тут нет публики, перед которой мы должны разыгрывать с ней роли влюбленных голубков».

Однако он слишком поторопился со своими выводами, ибо с самого раннего утра в Освестрихаузе появились бесчисленные соседи, обрушившие на него и на его мнимую невесту водопад поздравлений.

Некоторым из них для этого визита пришлось проделать немалое расстояние, и герцог был вынужден просить их остаться на ленч. И приглашение это было принято гостями с превеликой охотой, потому что все знали, как хорошо угощают в поместье Освестри.

Уже второй раз, хотя и помимо своей воли, Юдела сыграла роль девушки, которая завладела сердцем самого известного холостяка Англии и которая к тому же была в него влюблена.

На протяжении всего дня ее поведение не вызывало никаких сомнений ни у гостей, ни у вдовствующей герцогини, и только герцог, наблюдая за тем, как она холодно отворачивалась от него и какие печальные были у нее глаза, мог почувствовать, что какая-то черная кошка пробежала между ними.

Посетители наконец отправились восвояси, рассыпаясь в комплиментах и щедрому угощению, и очарованию будущей молодой хозяйки. Но новая волна гостей захлестнула загородный дом Освестри ближе к вечеру.

— Я надеялся, что хоть здесь нас оставят в покое. — Герцог не мог скрыть своего дурного настроения от бабушки. Они остались наедине лишь на несколько минут в громадном салоне, который украшали картины и мебель, достойные королевского дворца.

— Я понимаю, дорогой, как надоели тебе все эти визиты, но весь большой свет возбужден известием о твоём обручении, и, разумеется, все наши знакомые очень любопытствуют по поводу нашей маленькой очаровательной Юделы.

— Может, мне поручить плотникам соорудить сцену у нас на лужайке перед домом, и пусть все наши многочисленные друзья приезжают и любуются ею, не заходя в дом, — горько пошутил герцог.

— Я так поняла, что ты хочешь устроить прием в саду, — с восторгом приняла эту идею старая герцогиня.

— Боже упаси! — воскликнул он. — Просто мне надоело бесконечное число раз отвечать на одни и те же вопросы.

— Я уверена, что завтра толпа визитеров поредет, — успокоила его бабушка. — Не так уж много осталось людей, которые не успели навестить нас.

— О, если б ты была права. Я так на это надеюсь, — вздохнул герцог.

Он вышел из роскошного салона и на пороге столкнулся с Юделой, не одарив ее обычной благожелательной улыбкой.

— Чем он так рассержен? — осмелилась спросить девушка у старой дамы.

— Он вовсе не рассержен, — ответила бабушка, — он лишь немного устал. Но, хорошо зная своего внука, я могу сказать тебе по секрету, что он просто взбудоражен тем фактом, что столько людей вдруг заинтересовались его женитьбой. Ему это несколько неприятно, он бы желал, чтобы из его брака не делали подобного грандиозного события.

— Вы так думаете? — спросила Юдела.

— Рэндольф тщательно оберегает свою частную жизнь и не допускает постороннего вмешательства в нее. Он весьма ревниво относится к этому, точно так же, как и члены королевской фамилии. Его Величество король, если бы он пожелал занять новую супругу, тоже бы не захотел, чтобы его так шумно поздравляли.

Юдела издала легкий смешок.

— Во всяком случае, его светлость внешне выглядит гораздо лучше, чем наш король.

— Да, это правда, — согласилась герцогиня. — Его Величество так разжирел, что теперь не рискует появляться на публике, а тем более показываться простому народу.

Юдела, разумеется, была заинтересована в том, чтобы узнать побольше подробностей о короле, правящем страной, в которой жила, и надеялась, что герцогиня знает достаточно много секретов из жизни короля Георга. Но в этот момент герцог неожиданно вернулся в салон.

— Еще один экипаж только что подкатил к подъезду, — объявил он. — Мы должны наклеить все те же приветливые улыбки на свои лица и выслушивать вздор, который будут нести наши гости, как будто это мудрые изречения Сократа.

Говоря это, он посмотрел на Юделу, уверенный, что она вспомнит, какую интеллектуальную беседу они вели за их первым совместным ужином в их городском особняке.

Но опять ее взгляд скользнул куда-то в сторону, и прежнего тепла он не почувствовал в ней. Ему ничего не оставалось делать, как только повернуться, выйти в холл и встречать столь

нежеланных и утомительных гостей.

Подобные взаимоотношения между ним и его нареченной невестой вызвали бурю в его душе. Он едва дождался момента, когда вдовствующая герцогиня объявила, что она собирается оставить его и Юделу наедине.

— Для меня это был слишком длинный и трудный день. Я так рада, что все прошло очень хорошо. Но, видно, я старею, и звук людских голосов, даже самых благожелательных, для меня утомительнее, чем путешествие в карете.

— Хоть я и моложе вас, бабушка, на меня гости произвели подобное действие, — согласился герцог.

— Значит, мы оба с тобой друг друга понимаем, — сказала герцогиня. — Я так долго ждала момента, когда смогу наконец со спокойной совестью отправиться в свою постель. Доброй ночи, мой дорогой мальчик.

Она поцеловала герцога в щеку и хотела таким же поцелуем проститься с Юделой, но та поспешно заявила:

— Я поднимусь с вами наверх, мадам.

— Мы вместе с Юделой проводим тебя, бабушка, наверх. — Герцог высказал это предложение с непреклонной решимостью. — А после я хотел, чтобы Юдела уделила мне хоть немного времени для беседы.

Он догадывался, что ее желание сопровождать герцогиню до спальни является еще одним признаком того, что она избегает его общества.

Конечно, Юдела опасалась противиться настойчивому и ясно выраженному приказу герцога, поэтому она, после того как молодые люди благополучно проводили вдовствующую герцогиню в ее покои, последовала за герцогом обратно в тот же великолепный салон.

Она задержалась у двери, а он, пропустив ее, прошел в глубину комнаты и остановился у стола с напитками.

Герцог попросил ее приблизиться и, пока она преодолевала разделяющее их пространство, любовался ее грациозной походкой, ее элегантным видом в скромном белом платье с пышными рукавами и воздушной оборкой по подолу.

Мода, наступившая после окончания наполеоновских войн, гораздо откровенней обнажала женское тело, чем это было принято раньше. Но какое бы платье ни носила Юдела и каким бы оно ни было скромным и закрытым, под ним все равно угадывались соблазнительные очертания ее гибкой женственной фигуры.

И герцог, рассматривая свою мнимую невесту, представлял в своем воображении, какова она без этой одежды. Большой опыт общения с женщинами давно внушил ему мысль, что красивое лицо не всегда соответствует хорошей фигуре. Если у какой-нибудь девицы хорошенькая мордашка, то, значит, у нее кривые ноги, или плоская грудь, или еще какие-нибудь более заметные дефекты.

Леди Марлей, например, хотя она была обладательницей лица, красивее которого он никогда

не видел, в то же время имела такие толстые лодыжки, что прятала их от всех своих любовников, и поэтому, когда дело доходило до раздевания, поспешно задувала свечи.

Миссис Шаннон была, наоборот, совершенна во всех пропорциях, но ее лицо нельзя было назвать красивым даже после нанесения на него значительного количества косметики, и у нее не было той врожденной грации, которая чувствовалась в каждом жесте, каждом шаге этой провинциальной девушки.

Во всем облике Юделы герцог не мог обнаружить ни одного недостатка, но, как он безуспешно пытался внушить себе, это было лишь потому, что он не имел возможности хорошенько рассмотреть ее во всех подробностях.

Он вдруг ощутил тягу к подобному общению, но с огорчением подумал, что проявляет к Юделе гораздо больший интерес, чем сама девушка к его персоне.

По странной причине, живя с ним в одном доме, она нарочито воздвигает между ними непреодолимый барьер. Такое поведение выглядело смехотворным, этого просто не могло быть. Но он постоянно ощущал присутствие этой незримой преграды.

Герцог считал, что это происходит из-за того, что она слишком молода, простодушна, да к тому же еще дочь священника. Она слишком критично настроена против свободных нравов эпохи Регентства. Если бы Юдела воспитывалась в другой среде, то и вела бы себя, разумеется, по-другому.

Все это усиленно внушал себе герцог, однако продолжал мучиться из-за неопределенности в их отношениях.

Юдела подошла к одному из высоких окон в зале и замерла, очарованная открывшимся перед ней зрелищем. Так как снаружи было еще достаточно светло и сияющие лучи закатного солнца пробивались сквозь пышную листву деревьев в старинном парке, слуги еще не задернули тяжелые занавеси на окнах.

Небесный свод, расцвеченный красками заката, как это бывает всегда перед появлением первой вечерней звезды, манил и притягивал к себе взгляд. Торжественную тишину нарушали только голоса птиц, провожающих уходящий день.

Герцог встал за спиной Юделы, но она никак не отреагировала на то, что он находится так близко от нее. Рэндольф пришел к обидному для себя выводу, что она совершенно равнодушна к нему.

Такого поражения он еще не испытывал в своей жизни, весьма богатой на любовные приключения. Пребывая в некоторой растерянности, он произнес несколько сбивчиво:

— Мне кажется, Юдела, вы несправедливы по отношению ко мне, я бы даже сказал, недоброжелательны.

— Я вас не понимаю... Как я могу позволить себе такое поведение по отношению к вам? Это вы несправедливо обвиняете меня. Простите, но не знаю, о чем вы говорите, — А вы не даете мне возможности высказаться начистоту и оправдаться, если я в чем-то провинился перед вами. Каждый преступник имеет право изложить свою версию событий в присутствии судьи.

Юдела опять сделала вид, что не понимает, о чем идет речь.

— Я не судья вам, милорд, и уж тем более не имею права осуждать вас.

— Но вы явно избегаете меня, — настаивал на своем герцог, — и, по-моему, презираете.

— Если вы решили, что я испытываю к вам подобные чувства, то вы ошибаетесь. — Эти слова Юдела произнесла после продолжительной паузы.

— Так что же тогда происходит? — спросил герцог. Очередная пауза в разговоре настолько затянулась, что герцог потерял надежду дождаться ответа от Юделы. Но наконец она проговорила запинаящимся голосом:

— Может быть, это все происходит потому, что... — Юдела перевела дыхание. — Все вокруг вас так прекрасно... вы окружены такой любовью, вас так все уважают и вами любят, так надеются на вас, что... именно поэтому мне не хотелось думать, что вы способны совершить бесчестный поступок...

Герцог был так ошеломлен ее словами, что на мгновение потерял дар речи.

Между тем Юдела продолжила:

— Это все напоминает... простите меня... как будто на замечательное полотно великого художника плеснули грязью, и, хотя я хорошо понимаю, что это не мое дело... я не могу подавить в себе это чувство отвращения и не нахожу себе места от этого.

Наконец-то герцог начал догадываться, в чем дело.

— Я ожидал, что вы именно так и будете себя чувствовать, Юдела, если бы в обвинениях леди Марлен была бы хоть частица правды.

Она резко повернулась к нему, и впервые с того момента, как они покинули Лондон, их взгляды встретились.

— Так, значит, она... лгала? — В этом вопросе явно чувствовалось желание получить от герцога утвердительный ответ.

— Клянусь вам всем, чем угодно, что меня оклеветали, — уверенно заявил герцог. — Да, леди Марлен бесстыдно, подло и жестоко лгала вам.

Ему показалось на мгновение, что лучи заката зажгли в глазах Юделы пожар. Он наслаждался этим зрелищем.

Она прошептала чуть слышно:

— Но... почему, но почему... она позволила себе говорить о вас столько плохого? Я не понимаю, как можно быть такой злой?

— Причина лежит на поверхности, — объяснил герцог. — Я занимаю высокое положение в обществе, а также достаточно богат.

— Вы подразумеваете, что она хотела завладеть вашими деньгами?

— Конечно, — цинично произнес герцог. — А что еще добиваются женщины от мужчины? Им подавай наличные или дари обручальное кольцо. И будьте уверены, что они высосут из мужчины все до последнего фартинга и получат брачное свидетельство в придачу.

Юдела недоверчиво покачала головой.

— Но это же не правда! Наверное, такие женщины существуют, но есть и другие. И... любовь «., которая продается, — это не любовь. Мы же с вами уже говорили об этом раньше.

На губах у герцога еще оставалась циничная усмешка, но искренний умоляющий голос Юделы не мог не растрогать его.

— Пожалуйста... простите меня за то, что я осмелилась подумать... поверить, что вы способны поступить неблагородно. Теперь я понимаю, как было глупо с моей стороны даже выслушивать те страшные вещи, о которых говорила та злобная женщина мне, совсем незнакомому ей человеку. Но она была так хороша собой.

— По всей вероятности, ваш отец неоднократно внушал вам, что людей нельзя судить по их внешности.

— Если б мой папа был жив, он бы стыдился своей дочери за то, что я была так доверчива. Хотя инстинкт должен был мне подсказать, что когда дело касается вас, то вы... не могли быть таким жестоким, таким недобрым, как вас описывала эта леди. Вы столько доброго сделали для меня... а я была к вам так несправедлива.

После наступившего молчания Юдела осмелилась спросить:

— А что будет с ней теперь?

— Вас это очень волнует? — с небольшим раздражением задал вопрос герцог, — Я не столько тревожусь о ней, сколько о будущем ребенке...

— По-моему, вам вообще не стоит заниматься этими проблемами. Леди Марлен вполне способна позаботиться о себе и отстоять свои интересы. Если я не женюсь на ней, а, кстати, я не имею ни малейшего намерения это делать, то она быстро отыщет какого-нибудь дурака, которого сможет окрутить. Может быть, того самого мужчину, кто по-настоящему виновен в ее теперешнем положении.

Тут герцог заметил, что Юдела вновь не смотрит на него. Он понял, что она смущена его грубоватой откровенностью.

— Забудьте про леди Марлен и про людей, ей подобных, — со всей возможной убедительностью произнес герцог. — А также выбросьте из головы моего братца и то, как подло он с вами обошелся.

При упоминании лорда Джулиуса на лице Юделы вновь появился страх.

— Вы что-нибудь слышали о нем? Он не давал о себе знать? — спросила она торопливым шепотом.

— Он побывал у меня накануне нашего отъезда из Лондона.

— Его очень рассердило мое... бегство?

— Сперва он не догадывался, с кем я обручился, потому что не читал объявления в «Газетт». А когда он узнал все, то это лишь прибавило ему злости и усугубило его ненависть ко мне. Он хочет занять мое место и стать герцогом Освестри, но, разумеется, мы ничем не можем помочь

ему в этом предприятии. Поэтому прошу вас еще раз, чтобы вы вообще забыли о его существовании. Поверьте, я сделаю все, чтобы он больше не беспокоил вас.

— Но как вы можете быть в этом так уверены? Герцог понимал, что она уже думает о том дне, когда их договору придет конец и она останется одна на белом свете, без покровителя, предоставленная самой себе. В ее богатом воображении, вероятно, уже рисуются ужасные сцены.

— Все это мы обсудим с вами позже. Пока вы здесь со мной и с моей бабушкой, я обещаю, что вы в такой же безопасности, как если бы вас заперли в подземном хранилище Британского банка. Только здесь вам будет более комфортно.

Как он и надеялся, Юдела оценила его юмор и рассмеялась.

— Да, конечно, здесь гораздо более комфортно, — согласилась она, — Я никогда в жизни не видела столь великолепного Дома, и никогда мое любое желание не исполнялось даже прежде, чем оно у меня появилось.

— Я и стараюсь, чтобы вы чувствовали себя именно так! В этом доме все в вашем распоряжении. Пока он стоит на земле, а я надеюсь, что он будет стоять вечно, каждый день будет приносить вам радость, иначе я приду в отчаяние и начну сомневаться в своих способностях управлять хозяйством.

— В вашем хозяйстве все так хорошо отлажено, все организовано с таким умом. Меня восхищает ваша способность вникать в любое дело.

Как ему было приятно уловить нотку обожания в ее голосе и то же самое чувство увидеть в ее сияющих глазах.

— Завтра утром, — напустив на себя таинственный вид, сказал он, — я постараюсь сделать вам приятный сюрприз. Теперь, когда вы уже перестали прятаться от меня»я предлагаю вам совместную прогулку верхом. Я хочу показать вам те места в нашем имении, которые я больше всего любил, когда был мальчишкой, а также мою самую любимую дорожку через лес, где полным-полно огнедышащих драконов, в которых я свято верил в детстве.

— А теперь вы выросли, — мягко произнесла Юдела, — и выручаете девушек, которым угрожают драконы, но не в лесах, а в Лондоне.

— Потому что в здешних лесах больше не водятся драконов, — убежденно заявил герцог. — В них остались только эльфы и нимфы, а также другие сказочные существа, которые приносят счастье и удачу тем, кто их увидит.

Говоря это, он усмехнулся про себя. Почему он вдруг ударился в такой романтизм? Он, кого все окружающие считали неисправимым циником? И почему от этих бесхитростных сказок ему вдруг стало тепло на душе?

И тут же он осознал, почему это так происходит. Причиной тому была Юдела. Светлая улыбка, которой она вознаградила его за рассказ о своем детстве, сделала ее личико еще более очаровательным. Она никогда раньше не казалась ему такой красивой.

Юдела вошла в комнату старой герцогини, чтобы показать той только что доставленный из Лондона наряд для верховой езды.

Это было рассчитанное на летнюю погоду легкое платье из тонкого материала голубого цвета, так подходящего к ее золотистым волосам. Под жакетом, обшитым тонкой серебряной тесьмой, на Юделе была надета полупрозрачная муслиновая блуза, застегивающаяся на горле булавкой. К полям шляпки с высокой тульей прикреплялась вуаль из тончайшего газа, спадавшая за спину.

Юделе представилось, как эта прекрасная вуаль будет развеиваться на ветру, когда она пустит лошадь в галоп.

Герцогиня с похвалой отозвалась о ее одеянии.

— Ты замечательно выглядишь, дитя мое. Этот наряд так идет тебе. Но я предвкушаю, что обновы, которые появятся здесь со дня на день, еще больше украсят тебя.

— Но мне кажется, что их у меня уже слишком много. Я же не могу носить несколько платьев одновременно. Только для верховой езды вы заказали мне пять костюмов...

— И правильно поступила. Ты должна выглядеть по-разному каждый раз, когда отправляешься на верховую прогулку со своим женихом. — В голосе герцогини звучала непоколебимая уверенность. — Подумай только, как заскучает мой внук, если будет видеть тебя постоянно в одном и том же платье.

— Думаю, что он этого просто-напросто не заметит, — произнесла Юдела едва слышно, но слух у пожилой дамы оказался, на удивление, тонким.

— Обязательно заметит, — безапелляционно заявила герцогиня. — Даже если он вслух не сделает тебе комплимент, то все равно, Юдела, ты должна знать, что Рэндольф всегда общался с привлекательными и великолепно одетыми женщинами. И их старания одеться по красивее он воспринимает как комплимент самому себе. Уверяю тебя, что, если ты будешь выглядеть уныло и однообразно, он скоро потеряет к тебе всякий интерес.

Юдела подумала про себя, что интерес герцога к ней совсем не зависит от того, как она выглядит. Она появилась на его горизонте в самый подходящий момент, как теперь ей стало ясно, чтобы спасти его от притязаний леди Марлен. И его решение объявить о помолвке с Юделой не имеет ничего общего с ее личностью. Окажись на ее месте кто-нибудь другой, было бы то же самое. Только удача улыбнулась герцогу в том, что девушка оказалась достаточно хорошенькой и воспитанной, чтобы ее представили родственникам и те доверили, что он серьезно влюбился в нее.

— Что тебя беспокоит? — неожиданно спросила герцогиня.

Юдела не нашлась что ответить, и после нескольких секунд молчания герцогиня продолжила свой допрос:

— Я заметила вчера, что ты выглядишь не такой счастливой, какой была раньше. Вы не поссорились с Рэндольфом?

Нота тревоги в голосе старой герцогини была так болезненна для Юделы, что девушка поспешно ответила:

— Нет-нет, мадам. Между нами ничего не произошло. Мы прекрасно понимаем друг друга.

— Это хорошо! — произнесла герцогиня с облегчением. — Я не переживу, Юдела, поверь мне,

если что-нибудь помешает вашей свадьбе.

Это был удар, от которого у Юделы перехватило дыхание.

— Если бы ты только знала, Юдела, как я молилась каждую ночь год за годом, чтобы Рэндольф не только женился, но и обрел счастье, которого он, по моему мнению, заслуживает.

Речь герцогини, обычно по-светски сдержанной женщины, сейчас показалась Юделе даже чересчур взволнованной.

— Ты еще слишком молода, дорогое дитя, чтобы понять, что мужчина, за которым охотятся женщины, по-настоящему несчастлив. Пусть он сам думает иначе, но истинное счастье обретается только в семье, когда рядом с тобой жена и дети. Они-то и помогают мужчине встречать лицом к лицу трудности жизни. А преодолевать их вместе гораздо легче, чем в одиночку.

Юдела пробормотала:

— Да... да... Я с вами совершенно согласна. Я тоже хотела... — Произнося эту сбивчивую фразу, она подумала, что именно об этом и мечтает. О доме, который стал бы ее домом... О том, какое счастье принадлежать тому человеку, которого любишь. Отдавать свою любовь тому, кто любит тебя!

Герцогиня словно бы прочитала ее мысли.

— Все это у тебя будет! Но, чтобы сделать Рэндольфа счастливым, ты должна всегда поступать так, как он хочет. По крайней мере, создавать видимость этого!

С лукавой улыбкой герцогиня тут же пояснила Юделе смысл своих последних слов:

— Женщина, в которую мужчина влюблен, всегда может добиться своего и вести себя так, как этого захочет. Только она не должна признаваться в этом мужу, а, наоборот, создавать впечатление, что во всем подчиняется ему.

Юдела не могла не рассмеяться.

— Именно так поступала и моя матушка.

— И была права. Это метод, используемый всеми умными женами. А с Рэндольфом его просто необходимо взять на вооружение, потому что его испортили! Он привык считать, что всем своим жизненным удачам он обязан собственному уму и талантам. И ты ни в коем случае не пытайся разубедить его. А то, что ты играешь, может быть, даже главенствующую роль во всех его начинаниях и вообще в семье, держи от него в секрете. И радуйся потихоньку своей хитрости.

— Я понимаю, — кивнула Юдела. Она наклонилась и поцеловала старую герцогиню, сказав при этом:

— Простите, но я должна поторопиться, а то заставлю его ждать.

— Правильно, дитя мое. Мужчину ничто не должно раздражать. Тем более женщина-копуша. Я чувствую, что ты схватываешь мои уроки на лету. Желаю тебе приятной, беззаботной прогулки, но не забывай, что от вас обоих зависит и мое счастье.

— Я не забуду об этом ни на мгновение! — пообещала Юдела.

Как только она прикрыла за собой дверь комнаты герцогини, то почувствовала, как жаром буквально опалило ее щеки. Что скажет она и что скажет герцог доброй, любящей его больше всего на свете бабушке. Как объявят они, что не собираются пожениться? «Какой будет для нее удар», — подумала Юдела с горечью в душе.

Но день был так хорош, а прогулка с герцогом ожидалась такой приятной, что мысль о страшном дне, который когда-нибудь неотвратимо настанет, сама собой улетучилась, пока она сбегала по широкой лестнице, ведущей в холл.

Через распахнутые двери Юдела увидела оседланных лошадей и герцога, который встречал ее на ступенях подъезда.

Быстрым галопом они проскакали через парк, спугнув по дороге оленя, прятавшегося в тени дубовой рощи.

— Вы замечательно ездите верхом, — заметил герцог.

— Вы действительно так думаете или хотите сказать мне что-то приятное? — поинтересовалась Юдела.

— Я говорю правду.

— Я так рада! Если бы папа услышал вас, он был бы очень доволен. Ведь это он учил меня ездить верхом. Но я никогда не ездила на такой замечательной лошади, как эта.

— У меня в поместье богатый выбор этих благородных животных. Вы можете каждый раз выбирать себе любую лошадь по вкусу.

— У вас есть все, — сказала Юдела. — Конюшня, полная великолепных скакунов, библиотека, в которой, кажется, собраны такие книги, что я мечтала бы прочитать их все — одну за другой!

Она уже успела побывать в библиотеке перед завтраком, и эта зала произвела на нее неизгладимое впечатление. Высотой она была в три этажа, стены, за исключением той, где располагались громадные окна, были сплошь заставлены книгами. Чтобы добраться до верхних полок, надо было подняться на широкую галерею, расположенную на уровне второго этажа.

Юдела и вообразить себе не могла, что частное лицо может обладать таким количеством книг.

— Вы поставили перед собой весьма трудную задачу, — со смехом произнес герцог. — По моему, прочитать хотя бы десятую часть книг из этого собрания — это уже сизифов труд. Сколько же времени займет это у вас?

— Всю жизнь, — ответила Юдела, не подумав.

И тут же она осознала, насколько неосторожно и бестактно было это ее высказывание. Она поняла, что и герцогу эта мысль также пришла в голову. Ведь ее краткого пребывания в поместье в качестве невесты не хватило бы на прочтение и ничтожной части того, что хранится там на книжных стеллажах.

Вконец смущенная, она подхлестнула лошадь и умчалась вперед.

Герцог смог догнать ее только на опушке леса.

— Это тот самый лес, о котором вы мне говорили? — спросила она.

Пара минут быстрой скачки несколько успокоили ее.

— Да, — ответил он. — Через него проходит живописная тропинка, путешествие по которой, я уверен, покажется вам весьма увлекательным. Я открыл ее для себя, когда впервые въехал в этот дремучий лес на своем пони шестилетним малышом. И с тех пор каждый раз, когда попадал сюда, в первое же или второе утро после приезда обязательно отправлялся в странствование по этой дороге. Тропинка кончается у небольшого пруда, в котором мне, маленькому мальчику, разрешалось купаться.

— А в озере вы не купаетесь? — спросила Юдела. Она имела в виду огромное озеро перед самым дворцом. Рано утром, когда рассеялся предрассветный туман, она, затаив дыхание от восторга, любовалась открывшейся перед ней обширной водной гладью.

— Это пришло позже, — ответил герцог, — когда я подросток. Но тот пруд в лесу произвел на меня такое магическое впечатление, о котором я никогда не забуду.

Юдела посмотрела на герцога с легкой улыбкой. Сейчас, когда он говорил о своем детстве, он предстал перед ней совсем другим человеком, непохожим на несколько циничного и властного мужчину, с которым она несколько дней тому назад в страшную лондонскую ночь заключила договор о мнимой помолвке.

Они въехали в лес, и она сразу же поняла, почему герцог так любит эти места.

Тропа для верховой езды петляла между высоких елей и кедров и была устлана опавшей хвоей, которая делала поступь лошадей почти бесшумной. Ели были очень старыми и очень высокими. Создавалось впечатление, что всадники пролагают свой путь через безмолвный мир, куда не доходят никакие звуки и никакие тревоги и заботы.

Несколько минут они ехали молча до тех пор, пока за очередным изгибом тропы Юдела не увидела в просвете между деревьями на фоне клочка голубого неба остроконечную крышу какого-то дома.

Она удивилась, почему герцог не сказал ей раньше, что кто-то живет в лесу, но тот, предупреждая ее вопрос, объяснил:

— Это дом с привидениями. § — Пожалуйста» расскажите мне о нем, — попросила она. Подобные истории занимали ее воображение с самого детства.

— Этот дом построен очень давно, а так как в нем обитают привидения, или, во всяком случае, такие ходят слухи, то никто из живущих в поместье старается не подходить к нему близко. Лет пятьдесят тому назад в нем случился пожар, и от всего дома остался только остов и часть крыши, которую вы сейчас видите. Все остальное обратилось в прах из-за пожара, а частично было разрушено временем.

— Кто построил этот дом и почему там обитают привидения? — Любопытство переполняло Юделу.

— Он был построен по собственному проекту одним из моих эксцентричных родственников, который весьма недолюбливал всех остальных членов семьи, а в особенности моего дедушку, обладателя герцогского титула. Какая черная кошка пробежала между ними, трудно сказать — это было так давно. Вполне вероятно, что он сам мечтал быть герцогом Освестри и завидовал

моему деду, подобно тому, как Джулиус завидует мне. Во всяком случае, он решил отделиться от всех, построил этот дом и жил, как я надеюсь, с большим комфортом с весьма многочисленной прислугой.

— А что случилось потом?

— Он умер. Адом тотчас же присвоил себе еще более эксцентричный мой родственник, которого все местные жители считали колдуном.

— А он и вправду был им?

— Я лично сомневаюсь в этом. Правда, он интересовался магическими науками и всем сверхъестественным, но только потому, что был по характеру нелюдимым, не желал ни с кем разговаривать и не хотел никого видеть. Он проживал здесь один с единственным стариком слугой, который заботился о нем.

— И что же дальше? — Юдела сгорала от любопытства. — Продолжайте, прошу вас.

— Вероятно, он проводил опыты над какими-то горючими или взрывчатыми веществами или это был просто несчастный случай, но... В общем, дом загорелся, оба — мой кузен и его слуга — сгорели там заживо.

— Какой ужас!

— Боюсь, что никто особо не оплакивал его, но местных жителей вполне можно было понять. Он пугал их при жизни, а после смерти они боялись его еще больше. Из-за этого и пошел слух, что он бродит призраком по пожарищу. И никто, даже самый здравомыслящий егерь или лесник, не решается подойти к дому ни днем, ни ночью.

Юдела рассмеялась:

— Я знаю, как возникают легенды. У нас в деревне была старая женщина, про которую все говорили, что она ведьма. И только потому, что она часто разговаривала сама с собой и у нее была черная кошка.

— Простые люди обычно суеверны, — согласился герцог. — Но теперь я думаю, что нам следует чуть поторопить наших лошадей. Мне очень хочется показать вам мой волшебный пруд, а нам предстоит еще немалый путь до него.

— Это очень большой лес.

— Очень большой, — подтвердил герцог. — Меня постоянно уговаривают произвести вырубку, но душа моя восстает против.

— Я вас понимаю, — кивнула Юдела.

Дорожка перестала петлять, спрямилась, и лошади перешли на рысь.

Вдруг Юдела заметила, что впереди что-то странное преграждает им путь. Приблизившись, она поняла, что это распростертый на земле человек.

Мужчина лежал на дороге, уткнувшись лицом в мягкую хвою. Он был недвижим, словно мертвый.

Остановив лошадь, Юдела обратилась к герцогу:

— Что могло с ним произойти?

— Я подойду и посмотрю, — сказал герцог. — Подержите мою лошадь под уздцы.

Он спешил и направился к лежащему мужчине. На оклик герцога незнакомец никак не прореагировал. Вероятно, он был без сознания.

Герцог опустил на колено, собираясь заглянуть ему в лицо, но тут внезапно двое мужчин выскочили из-за деревьев и накинулись на него. Прежде чем он смог как-то защититься, они схватили его за руки.

В это же мгновение лежащий на земле мужчина вдруг ожил, вскочил и выпрямился во весь рост. Юдела была настолько поражена происходящим на ее глазах, что не услышала, как кто-то подкрался к ней сзади.

Только когда ее грубо сдернули с седла, она издала крик ужаса. Второго крика не последовало, потому что чья-то рука зажала ей рот. Несмотря на то, что девушка отчаянно боролась, нападавший смог засунуть ей в рот платок, который чуть не задушил ее. Она поняла, что подверглась нападению сразу двух бандитов, но, прежде чем Юдела смогла разглядеть их лица, ее шляпу сбили с головы, а на глаза упал какой-то плотный темный покров. Она как будто мгновенно ослепла.

Это был мешок из грубой ткани, который нападавшие накинули ей на голову. Веревка стянула ее горло, не давая мешку сползти с лица. Другая веревка обвилась вокруг ее талии несколькими петлями, так что ее локти оказались плотно прижатыми к телу.

В ужасе Юдела почувствовала, как ее подняли и понесли. Даже сквозь толстую ткань, через которую едва проходил воздух, ей слышались хрипкое дыхание похитителей и звуки торопливых шагов. Сухие сучки с треском ломались под тяжелой поступью преступников. Это означало, что ее уносят куда-то в глубь чащи, в сторону от тропы.

Через некоторое время Юдела ощутила, что голова ее опустилась ниже ног; видимо, тот, кто держал ее за ноги и шел впереди, начал подыматься вверх по какому-то холму.

Она терялась в догадках, что сотворили похитители с герцогом, уносят ли они его в том же направлении или уже расправились с ним и оставили на дороге.

Юдела слышала только звук шагов тех мужчин, что несли ее. Самое страшное в этой ситуации было то, что похитители не произнесли ни слова. Все происходило в полном молчании.

«Куда они несут меня? — Эта мысль билась в мозгу Юделы, перемежаясь с молитвой. — Боже милостивый, помоги мне!»

Она подумала, что это все проделки лорда Джулиуса, решившего вновь захватить ее в свои жадные руки и доставить в то самое жуткое заведение, куда он в самом начале намеревался ее поместить. Но в отличие от первого раза у Юделы не было никакой возможности спастись бегством. Эта мысль была настолько ужасна, что она чуть не потеряла сознание, но, собрав все свое мужество, Юдела решила встретить опасность лицом к лицу. Ей не оставалось ничего другого, как взывать к господу богу, а также к своим любимым родителям, чтобы они поддержали ее и подсказали выход из ужасной западни, как они уже сделали это однажды. Ее молитвы были очень настойчивы, но, конечно, не могли освободить ее от пут, сковывающих ее

тело.

Мужчины, которые тащили ее, беспомощную, куда-то на холм, видимо, наконец достигли вершины, потому что ее тело приобрело горизонтальное положение, и они остановились, чтобы отдышаться. И вдруг ее снова повернули, но на этот раз голова находилась выше ног, и Юдела поняла, что ее несут куда-то вниз, вероятно, по какой-то лестнице.

Наконец-то она услышала еще чьи-то шаги. Юдела догадалась, что за ней следуют похитители герцога, также связанного и превращенного в некое подобие мумии, как и она. Юделу мучила мысль, что он стал таким же пленником, но в то же время она испытывала облегчение от того, что все-таки не одинока.

Кто же эти похитители? Если это сообщники лорда Джулиуса, то почему они не увезли ее сразу же в карете напрямик в Лондон? Ведь для него она является ценной добычей, которую надо доставить в дом разврата в полной сохранности. Наверное, зловещий экипаж ждет где-то неподалеку. Но тут же Юдела попыталась утешить себя мыслью, что все-таки герцог, хоть и плененный, находится рядом с ней и они оба пока близко от его дома. Конечно, кто-то из челяди обязательно хватится хозяина, организует поиски и придет им на помощь.

Внезапно ее грубо опустили на каменный пол. Она испытала боль и страх. С ней обращались, как с неживым существом. Однако Юдела почувствовала облегчение, когда мешок, накинутый ей на голову, был резко кем-то сдернут.

На какой-то момент ей подумалось, что она ослепла, потому что вокруг царила полная темнота. Потом глаза ее немного привыкли ко мраку, и Юдела осознала, что лежит на каменных плитах и над ней нависли фигуры каких-то мужчин. Она чуть повела глазами и разглядела четыре громадных устрашающих силуэта. Вероятно, это был подвал, куда ее, плененную, отнесли вместе с таким же беспомощным герцогом.

И тут внезапно в глаза ей ударил свет, и, чуть повернув голову, Юдела увидела колеблющееся пламя, а потом и фигуру мужчины, спускающегося по крутым ступеням в подземелье и несущего впереди себя зажженный фонарь.

Лица его она не могла разглядеть, но по одежде признала в нем джентльмена. Обутые в модные сапоги ноги остановились возле ее лица. Свет фонаря бил ей в глаза.

Мужчина отвел фонарь в сторону, и Юдела с ужасом увидела его лицо. Если бы она могла умереть в ту же секунду или провалиться под землю сквозь эти холодные каменные плиты, то она бы это, без сомнения, сделала. Непременно сделала бы, потому что в человеке с фонарем в руке она узнала лорда Джулиуса. Лорд Джулиус пока не произнес еще ни одного слова, но выражение его глаз уже было таким страшным, что Юдела бы закричала в предсмертном ужасе, если бы рот ее не был заткнут. Поэтому страх так и остался в глубине ее души, и она несколько мгновений боролась с ним. Младший брат герцога некоторое время рассматривал ее, потом его мрачный взгляд переместился вправо, и невольно Юдела проследила за его глазами, словно за гипнотизированная им.

Как она и ожидала, герцог лежал неподалеку от нее, всего лишь в нескольких футах, и так же, как и она, с кляпом во рту и со связанными за спиной руками. Толстая веревка туго обвивала все его тело вплоть до сапог для верховой езды.

Юдела понимала, что он не в состоянии пошевелиться, что он сейчас такой же беспомощный пленник, как и она. Но все-таки маленькую радость ей доставило то, что она увидела на его изящном камзоле не осталось почти ни одной пуговицы, рукава были оторваны... Это означало,

что он дал настоящий бой своим похитителям, прежде чем они захватили его в плен.

Лорд Джулиус некоторое время постоял молча, разглядывая своего брата и наслаждаясь его беспомощностью. Когда эхо зрелище его полностью удовлетворило, он произнес:

— Я предполагаю, дорогой Рэндольф, что ты знаешь, куда я тебя доставил. И как ты тоже, наверное, догадался — это самое лучшее решение всех моих проблем.

В голосе его ощущались такое самодовольство и такая фальшивая мягкость, что Юделе показалось, будто над ней и над герцогом склонился не человек, а какой-то огромный фантастический оборотень.

— Ты прекрасно знаешь, что никто не придет в этот дом, где обитают привидения, и здесь, в этом подземелье, ты, дорогой братец, умрешь от голода и превратишься в прах.

Лорд Джулиус сделал многозначительную паузу, ожидая какой-либо реакции от связанного по рукам и ногам человека, но, естественно, не дождавшись ее, обратил свой взгляд на Юделу.

— Ну а твоя невеста, которая так полюбилась нашим родственничкам, ей придется умереть вместе с тобой. Не правда ли, хороший конец любовной истории? Даже смерть не разлучит вас.

Его губы скривились в отвратительной усмешке.

— Конечно, меня огорчает, что такое юное и весьма дорогостоящее на рынке любви тело будут ласкать только могильные черви. Но я вынужден принести эту жертву ради более высоких целей. — Он приподнял фонарь над головой, чтобы осветить сразу обоих пленников, связанных и распростертых на камнях. — Какая страшная картина! Два трупа рядом... но каждый умирает в одиночку.

Лорд Джулиус захохотал, но тут же подавился собственным смехом и неожиданно закашлялся. Может быть, сырость и холод подвала так подействовали на него. Оправившись, он вновь заговорил:

— Ты будешь долго умирать, Рэндольф. Медленно, мучительно... Я уверен, что это будет происходить именно так, и мне это доставляет удовольствие. Герцогство и все состояние Освестри скоро будут в моих руках. А мой будущий сын после моей смерти, не такой страшной, как твоя, наследует титул. Так что наш род благополучно продолжится, только прибавится легенд к славному имени Вестри.

Он опять разразился смехом, который в атом мрачном подземелье звучал зловеще.

— Я знаю, как ты печешься о добром имени славного рода Вестри и тебе было бы неприятно, если б кто-то из Нашей семьи запятнал себя злодейским убийством. Поэтому я все предусмотрел и сделал так, чтобы ты на том свете не сгорал от стыда за совершенное твоим братом преступление. О нем никто не узнает. Все подумают, что тебя и твою очаровательную невесту сожрали голодные лисицы, а их работу завершили крысы и черви. А как вы попали в дом с привидениями — это знает только наш покойный кузен-колдун.

Он поднял фонарь еще выше и почти прокричал:

— Я победил! Я! Джулиус — обделенный и презираемый младший сын, которому ни у кого не нашлось никогда доброго слова, которого все унижали, считали ничтожеством. И что же? В конце концов тот, кто был ниже всех, одержал верх.

Юделе стало ясно, что это монолог безумного человека. Лорд Джулиус обратился к своим сообщникам, которые с удивлением слушали разглагольствования своего главаря.

— Пошли отсюда, парни, — сказал он. — Предоставим этой парочке уединение и покой, Он станет для них вечным. А нам предстоит еще прогулка в город. Надеюсь, она благополучно завершится. Я расплачусь с вами за ваши услуги, и это будут последние денежки, которые я потрачу из своего личного кармана. С завтрашнего дня я стану распоряжаться герцогской казной!

Последнюю фразу он выкрикнул так громко, что многоголосое эхо заметалось по подвалу.

Когда сообщники Джулиуса стали подниматься наверх, Юдела смогла разглядеть их лица. Более отталкивающих физиономий она в жизни не видала. Слабым утешением было лишь то, что эти люди явно старались поскорее убраться с места совершенного ими преступления. Однако лорд Джулиус не торопился покинуть подземелье, стремясь испытать до дна чашу своего торжества.

— Я забыл одну очень важную вещь, братец! — произнес он издевательски. — Мне придется снять с твоего мизинца кольцо, которым герцоги Освестри запечатывают все свои послания.

Он шагнул к герцогу и, к ужасу Юделы, пинком ноги бесцеремонно перевернул его неподвижное тело. Поставив фонарь на каменный пол, лорд Джулиус наклонился и снял с мизинца брата единственную драгоценность, которую герцог, как заметила раньше Юдела, носил на руке. Несколько мгновений лорд Джулиус вертел его между пальцев, а потом надел на свой мизинец.

— Если верить семейным преданиям, то этот изумруд обладает огромной ценностью. Это истинное сокровище. — Последние слова он произнес так, словно смаковал их. — Но что для меня особенно ценно, так это то, что выгравировано на этом камне. Став пятым герцогом Освестри, я воспользуюсь этой печатью, причем не премину сделать это как можно скорее, а ты будешь, лежа здесь, завидовать мне и... медленно, медленно умирать...

Он поднял с полу фонарь, помахал им над головами пленников и стал догонять своих подручных. Сообщники поджидали его на верху лестницы. Властным жестом руки, на которой блеснуло герцогское кольцо, он приказал им пропустить его вперед. Они расступились, и лорд Джулиус первым вышел на солнечный свет.

Где-то наверху отвратительно заскрипела ржавая дверь, и больше уже ни малейшего проблеска света не проникало в подземелье.

Глава 6

После ухода лорда Джулиуса и его бандитов Юдела долго не могла прийти в себя. Ужас сковал ее. Она не могла поверить, что это все происходит на самом деле, а не является ночным кошмаром, от которого можно избавиться при пробуждении.

Но тугая повязка, закрывающая рот, причиняла ей боль, а веревки, стягивающие запястья, глубоко врезались в кожу. Физические страдания были настолько невыносимы, что чувство страха на какое-то время уступило им место. Единственное, чем она могла владеть, — это глазами. Девушка скосила глаза в сторону, пытаясь оглядеться, но ничего, кроме сплошной стены давящего мрака, не окружало ее. Однако постепенно зрение привыкло к царящей в подвале темноте, и она разглядела слабое свечение со стороны лестницы, а также какие-то смутные блики, пробивавшиеся с потолка.

Юдела догадалась, что это дневной свет, который проникает сквозь разрушенную крышу дома и через сгнившие половицы пола над ее головой. Вероятно, и дверь, ведущая в подвал, настолько пострадала от времени, что ее невозможно было плотно запереть.

Это давало хоть какую-то надежду на спасение, но, впрочем, весьма слабую, потому что путы, связывающие ее, были слишком крепки.

Девушку пугала и полная неподвижность герцога. Он лежал, повернувшись к ней спиной, и, казалось, даже не дышал. И тут некая благодатная идея осенила ее. Это было воспоминание об игре ее детства — глупой, но весьма забавной.

С усилием Юдела повернулась на левый бок. Теперь они оба лежали спиной друг к другу. Потом она с невероятным трудом, испытывая резкую боль от соприкосновения с неровным каменным полом, стала перекатываться с боку на бок и наконец с радостью обнаружила, что может кончиками пальцев дотянуться до герцога.

Тотчас же она ощутила, что он отозвался на ее прикосновение, и ужас, который владел ею раньше, уступил на короткое время место чувству блаженного покоя. Теперь душа ее уже не так трепетала в страхе. Ведь рядом с ней был союзник — сильный и храбрый мужчина, хоть сейчас и накрепко связанный, но, конечно, способный вместе с ней найти выход из зловещей западни.

Юдела не знала, насколько тяжело он ранен и есть ли у него силы бороться, но все-таки одержанная ею маленькая победа сразу прояснила ее сознание. Она обрела способность реально оценивать ситуацию и искать пути к спасению. Веревки не давали ей возможности шевелить руками, но, отчаянно выгибая свое тело и как можно дальше вытягивая пальцы, она нащупала узел, стягивающий путы на запястьях герцога. Разбойники опутали его грубой, дешевой веревкой, развязать которую, на взгляд Юделы, было бы проще, чем более дорогостоящую и добротную. Но и в этом случае узел был достаточно тугим, и после многих безуспешных попыток, отнявших у нее много сил, она уже начала опасаться, что никогда не ослабит его, даже если обломает все ногти и сотрет до крови кожу на пальцах.

Отчаяние вновь вернулось к ней. Ведь если этот проклятый узел не будет распутан, то и она, и герцог останутся на этом каменном полу в доме, где обитают привидения, и умрут в страшных муках, как красочно описал лорд Джулиус их предстоящую участь.

От тяжелых усилий, а также от жутких мыслей Юделу бросило в жар, пот залил ее лицо, и — о, счастье! — она почувствовала, что платок, едва позволяющий ей дышать, начинает соскальзывать с ее губ. Еще мгновение, и она сможет говорить. Юдела энергично шевелила губами, подбородок заходил ходуном, и повязка спала! Она вскрикнула и, услышав собственный голос, не узнала его — настолько он был чужим и искаженным эхом подвала. Первым делом она крикнула, обращаясь к герцогу:

— Я должна освободить тебя!

Мгновенно в ее изобретательном мозгу появилась новая идея.

Подтянув свое тело еще немного по полу, она опять перевернулась, и теперь уже ее губы нашли в темноте тугий узел на веревке. Многострадальные, истерзанные пальцы на этот раз заменили зубки — крепкие и острые, которыми девушка всегда гордилась. Раньше отец часто дразнил ее, приговаривая, что молодая леди не должна колоть зубами орехи, а мать постоянно упрекала ее за то, что дочь перекусывает нитки, когда занимается шитьем, считая, что это быстрее, чем искать где-то поблизости ножницы. Юдела зубами буквально терзала веревку,

одновременно вознося молитвы к небесам, чтобы они даровали ей успех в этом предприятии.

Когда она позволила себе минуту отдыха, то вспомнила, сколько ядовитой желчи изливала лорд Джулиус на своего старшего брата и как он в припадке безумного торжества вопил о своей победе. Страшно было подумать о том, что может сотворить такой негодяй, овладев титулом и состоянием герцогского рода. И какой удар обрушится на старую герцогиню при вести об исчезновении ее любимого внука. И как жестоко поступит с ней лорд Джулиус, заняв место Рэндольфа.

— Я спасу тебя! Я спасу! — вновь обратилась Юдела к неподвижно лежащему герцогу.

Хотя он по-прежнему не шевелился, девушка чувствовала, что от него исходит страстное желание немедленно освободиться от пут, и эта волевая энергия буквально заряжала воздух вокруг него и придавала ей новые силы. Ее зубы тянули и рвали волокна, из которых была сплетена веревка, и казалось, что занятие это будет длиться бесконечно, но вдруг веревка поддалась ее усилиям, распавшись, словно по волшебству.

Почувствовав, что он обрел долгожданную свободу, герцог тотчас же ожил и, восстанавливая кровообращение, стал яростно растирать онемевшие руки. Юделе хотелось оказать ему помощь, но она была слишком измучена и только прислушивалась к тому, как он борется со своими путами. До нее донесся облегченный вздох герцога, когда он вытащил изо рта кляп, и уж совсем чудом показался ей его голос, раздавшийся в темноте:

— Как вы себя чувствуете? Эти дьяволы не причинили вам вреда?

— Я в порядке, — поспешила заверить его Юдела, но ее странно изменившийся голос — хриплый и слабый — свидетельствовал о другом.

Пережитый страх, отчаянные попытки освободить герцога не прошли для нее даром.

Герцог ощупал ее руки и осторожно повернул Юделу так, чтобы иметь возможность развязать узел, стягивающий их за спиной.

— Позвольте мне заняться теперь вашим освобождением. Сначала развяжем руки, а потом и все остальное.

Он обращался к ней ровным, спокойным тоном, каким говорят с испуганным ребенком, а ей вдруг захотелось в ответ на это расплакаться и поведать ему о страхе, который она испытала недавно.

— Лорд Джулиус так сильно ударил вас сапогом! Я так беспокоилась о вас... Вы не ранены?

— Я получил пару-тройку царапин во время драки, но все кости, к счастью, целы, так что я легко отделался. Первейшая наша задача с вами, Юдела, — это скорее вылезти из этой проклятой дыры и добраться до дому.

Говоря это, он методично распутывал узлы на веревках, мешающих Юделе двигаться, и вскоре она уже могла приподняться и сесть.

Избавив от пут ее лодыжки, он занялся окончательным собственным освобождением. Наконец герцог смог подняться на ноги и, протянув Юделе руку, произнес:

— Если вы чувствуете, что способны передвигаться, милая Юдела, то я предлагаю как можно

быстрее покинуть это убежище крыс и привидений.

Юдела, опершись на его руку, с усилием встала. Герцог обнял ее за плечи, и они медленно проследовали по гулким каменным плитам к лестнице. Слабый свет, сочившийся сверху, указывал им путь.

Но, когда они шагнули на первую ступеньку, Юдела испуганно прошептала:

— А вы не думаете, что эти люди поджидают нас там, наверху?

— Вряд ли, — убежденно заявил герцог. — Уверен, что они убрались отсюда уже давно. В их интересах было поторопиться. Скорее всего их карета была спрятана в лесу неподалеку. Но вот насчет наших лошадей у меня нет никаких сомнений, что они прихватили их с собой, так что нам предстоит вернуться домой пешком.

Юделе хотелось заверить его, что она охотно преодолеет и сотни миль, чтобы только очутиться под гостеприимным и безопасным кровом Освестри-хауза. Но она остерегалась излишних разговоров, зная, что голоса, усиленные эхом, разносятся по подвалу, и если у входной двери оставлен сторож, то им с герцогом вновь может угрожать опасность.

Вероятно, герцог тоже подумал об этом. Поэтому он убрал руку с ее плеча и осторожно прошел вперед, на каждом шагу чутко прислушиваясь.

На верхней ступеньке лестницы он выждал некоторое время, а потом, собравшись с духом, толкнул полусгнившую дверь.

Как и предполагала Юдела, дубовые доски пострадали от времени и дождей, замок был сломан, и уже ничто не отделяло их с герцогом от вожаемой свободы.

Лорд Джулиус был настолько упоен своим удачным предприятием, настолько уверен, что пленники не смогут избавиться от связывающих их пут и никто не явится к ним на помощь в дом с привидениями, что не позаботился как-то укрепить дверь и при своем поспешном уходе оставил все как было. Задержавшись на пороге, герцог внимательно огляделся по сторонам, потом протянул руку Юделе, подавая сигнал следовать за ним. Она тут же откликнулась на его жест и буквально вцепилась в его руку, как будто это был спасательный круг, брошенный утопающему.

— Кажется, тут никого нет, — тихо произнес герцог, После пронизывающей до костей сырости подвала лесной воздух казался живительным нектаром. Юдела с наслаждением глубоко вдохнула его, а потом произнесла робко, еще до конца не веря в то, что самое страшное испытание уже позади:

— Пожалуйста, давайте скорее уйдем отсюда!

— Я тоже горю этим желанием, — произнес герцог, — но, наученные горьким опытом, мы должны быть осмотрительны, чтобы избежать возможной западни.

— Конечно, — кивнула она. Ее пальчики крепко сжали его руку.

Он вел ее за собой, как взрослый ведет маленького доверчивого ребенка, подальше от дома, населенного призраками. Они спустились к подножию холма. Герцог предпочел избегать протоптанных тропинок и повел Юделу через чашу, хотя низко нависшие ветки затрудняли их путь, но все же они чувствовали себя здесь в безопасности. Старый лес укрывал их от врагов.

Юдела следовала за герцогом, не отставая ни на шаг. Наконец среди густых ветвей Юделе открылась просека, где так трагично окончилась их прогулка. И тут ужас вновь охватил ее. Она припала к плечу Рэндольфа, не будучи в силах устоять на ногах, настолько ужасно было это зрелище. На том же самом месте, где на них напали, снова неподвижно лежал какой-то человек. Была ли это та же самая ловушка? Или это было повторение, как в кошмарном сне, сцены их недавнего испытания?

Они не смотрели друг на друга, но одинаковые мысли сразу же возникли в их мозгу. Неужели лорд Джулиус настолько изощрен в своих пытках, что решил продолжить свои издевательства, позволив узникам освободиться, и вновь заманить их в западню?

Юдела в растерянности огляделась, лихорадочно соображая, как бы им избежать новой опасности. Но единственной ее защитой был герцог, и она с радостью ощутила, что он твердо держит ее за руку. Своим прикосновением он как бы приковал ее к месту, а сам впился взглядом в тело, распростертое на открытом пространстве, где совсем недавно произошло нападение на них.

Густые нижние ветви ели закрывали обзор, но ни герцог, ни Юдела не решались отвести их в стороны, боясь, что тем самым они привлекут к себе внимание разбойников. Молчание, казалось, длилось бесконечно, но на самом деле прошло лишь несколько секунд.

Когда герцог обратился к Юделе, голос его звучал как-то странно:

— Стойте здесь, я подойду поближе и посмотрю, в чем там дело.

— Нет... нет, — прошептала Юдела. — Я не могу... остаться здесь одна. И вам не следует поддаваться на эту Приманку. У меня нехорошее предчувствие... Если я останусь здесь, я больше никогда вас не увижу. Они заманивают вас.

Охваченная страхом, она гладила своими израненными пальцами камзол герцога.

— Пожалуйста, не делайте этого, — умоляла она.

— Все будет хорошо, — спокойно сказал герцог. — Оставайтесь здесь, Юдела. Обещаю, что буду предельно осторожен. Но мы обязаны узнать, что же там произошло.

— Нет!

— Поверьте мне.

— Вас могут убить! Лорд Джулиус... он... так коварен!

— Я не думаю, что он так уж коварен, чтобы подстроить мне ловушку здесь, в лесу, после того как обрек меня на съедение крысам в доме с привидениями. Лучше всего для нас обоих будет, если вы помолчите, Юдела, и найдете себе местечко, чтобы отдохнуть под сенью этих елей.

Его суровый тон лишил Юделу остатков самообладания. Она споткнулась о толстый корень ели и едва не упала.

Герцог придержал ее за талию.

— Хватит разговаривать, — приказал он. — Стойте на месте и ждите меня.

Он с усилием оторвал от себя цепляющиеся за его одежду руки и бесшумно, словно индеец из

романов Фенимора Купера, стал пробираться через ярко освещенную солнцем аллею для верховой езды. Юдела, уверенная, что это очередная ловушка, устроенная лордом Джулиусом, в отчаянии закрыла глаза, ожидая чего-то страшного. Она знала, что если сейчас герцога на ее глазах снова похитят или убьют, то она тут же сама расстанется с жизнью. Тревога за герцога заставляла ее сердце биться, как у пойманной птички. С этим чувством она напряженно следила, как герцог пробирается по лесу. Юдела увидела, как он прижался к стволу дерева, оглядываясь по сторонам, и возблагодарила бога за то, что он внушил герцогу осторожность.

Минута прошла в напряженной тишине, нарушаемой лишь пением птиц.

Герцог был убежден, что человек, подобный его возлюбленному братцу, который еще к тому же вел себя как безумный в подвале дома с привидениями, конечно, постарается как можно скорее покинуть место преступления.

Люди, нанятые лордом Джулиусом, были отъявленными негодьями, и для них самым главным было заполучить деньги, так как больше всего в жизни они дрожали за свою собственную шкуру. За участие в похищении им грозила виселица или, в лучшем случае, вечная каторга, так что они тоже не стали бы задерживаться в лесу и зачем-то подкарауливать свои жертвы.

Тогда кто же этот человек, лежащий на дороге?

Герцог был уверен, что его братец с сообщниками давно убрался прочь на каком-нибудь экипаже или взятой напрокат у крестьян телеге. Разумеется, Джулиус заранее составил план похищения, ведь только он один знал про обычай старшего брата ездить верхом по лесной дороге каждый раз, когда он навещал свое имение. Ловушка была подстроена весьма умело, только, конечно, Джулиус не мог ожидать, что Юдела проявит такое мужество и настойчивость и сумеет освободить себя и герцога от пут.

Герцог не жаловался на недостаток физической силы, но справиться с тремя отчаянными людьми он был, конечно, не в состоянии. Они могли уложить его ударом дубинок по голове или заколоть кинжалами, и таким образом безумие Джулиуса, его навязчивое желание обречь брата на медленную, мучительную смерть в подвале заброшенного дома, как ни странно, спасло жизнь герцогу.

Еще раз внимательно оглядевшись, герцог наконец вышел из своего укрытия и направился к лежащему без движения человеку. Еще на полдороге к распростертому телу он уже знал, что его предчувствия оправдались. Перед ним был Джулиус.

Слипшиеся от крови волосы на его разможенной голове, полная неподвижность свидетельствовали о том, что он мертв. Удар дубиной по голове был сам по себе уже смертелен, но вдобавок из груди его, там, где когда-то билось сердце, торчала рукоятка ножа. Кровью была залита вся одежда убитого, а карманы безжалостно выворочены.

Но вряд ли их содержимое послужило приманкой для убийц. Поводом к нападению на Джулиуса, как подозревал герцог, был драгоценный фамильный перстень с изумрудом, так неосторожно надетый Джулиусом на палец в присутствии сообщников.

Герцог вспомнил, как его брат в диком торжестве кричал о том, что этот перстень — истинное сокровище, обладающее огромной ценностью.

— Всем известно, какой это бесценный камень! Об этом сокровище ходят легенды!

Нетрудно было себе представить, какое искушение испытали при этом бандиты.

Герцог молча постоял возле распростертого, окровавленного тела своего брата, не переставая изумляться, как мог родной ему человек довести себя до подобного состояния и, в конце концов, из-за сжигавшей его ревности к титулу и богатству, а также жажды мщения расстаться со своей жизнью.

Испутив печальный вздох и зная, что уже ничем не может помочь брату, герцог вернулся туда, где он оставил, Юделу. Приблизившись, он увидел, что она стоит, прижав, руки к глазам, а тело ее сотрясает нервная дрожь. Шаги его были бесшумными на песчаной, устланной опавшей хвоей почве, поэтому она не догадывалась о его благополучном возвращении.

Некоторое время герцог молча разглядывал ее. Легкий ветерок шевелил ветками над ее головой, сквозь которые пробился узкий лучик солнца и позолотил ее волосы, отчего они показались герцогу прекрасным нимбом, окружавшим нежное личико девушки.

— Юдела, — мягко позвал он.

Она испуганно ойкнула, убрала руки с лица и увидела, что он стоит рядом с ней. Счастье настолько переполняло ее сердце, что она, уже ни о чем не думая, забыв, кто она такая и кто он, бросилась к нему и повисла на его шее.

— Вы вернулись! Слава господу, вы вернулись! Я уже думала, что они снова схватили вас!

Юдела разрыдалась в его объятиях. Радостное облегчение было столь велико, что долго сдерживаемые чувства прорвались наружу.

— Все в порядке, дорогая, — спокойно произнес герцог.

Но она не слушала его. Волнение лишило ее слуха.

— Если бы вы погибли, я бы тоже умерла, — всхлипывала она.

— Но я жив, — сказал герцог, — и вы, как мне кажется, тоже. Так что самое время нам с вами, Юдела, пуститься в обратный путь к дому.

Она не ответила, и герцог даже немного растерялся, не зная, как поступить с ней. Потом она робко задала вопрос:

— А вы уверены, что нам безопасно туда возвращаться? Какое мужество она только недавно проявила в подвале и какой слабой и незащитной выглядела сейчас. Но ведь недаром говорят, что женщина состоит из контрастов. Сейчас Юдела не доверяла ни герцогу, ни себе самой — ни своему слуху, ни зрению. Лес казался ей полным всевозможных опасностей. Слезы текли по ее щекам, крупные капли висели на ресницах, а он подумал, глядя на нее, что в отчаянии и горе она выглядит еще привлекательнее, чем в радости.

— Клянусь, что нам некого и нечего больше бояться, — заверил герцог.

Ее губы слегка раскрылись в безмолвном вопросе, и он наклонился и крепко прижался ртом к этим восхитительным губам. На какой-то момент она не поверила в то, что произошло, но потом ее сознание прояснилось, и, когда его губы завладели ее губами, Юдела вдруг поняла, что влюблена в него до беспамятства и именно поэтому панически боялась потерять его.

Герцогу нелегко было прервать этот нежный поцелуй.

— Все в порядке, — произнес он спокойно. — Нам надо поскорее добраться до дома. Для одного дня мы пережили слишком много драматических событий.

Не решаясь вывести ее на дорогу, где лежали останки его убитого брата, герцог стал пролагать путь в обход, через густую чащу. Здесь было невозможно идти рядом, поэтому он пошел впереди и вел ее за собой за руку, как послушную девочку.

На какое-то время Юдела полностью отключилась от окружающего мира. Она могла думать только о том волшебном чуде, которое подарили ей губы герцога. Самым восхитительным ощущением за всю ее короткую жизнь был этот поцелуй. «Я люблю его, я люблю его!» — мысленно твердила она, а ноги бессознательно несли ее вперед. Но это необыкновенное состояние не могло продолжаться долго. Ощущение реальности постепенно возвращалось к ней, и опять ее стала терзать мысль, что их помолвка лишь хитроумно задуманный спектакль, чтобы избавиться от возмутительных притязаний леди Марлен. Когда герцог поцеловал Юделу, то он сделал это лишь из добрых побуждений, чтобы ободрить испуганную девушку. «Но какова бы ни была причина этого поцелуя, главное, что я никогда его не забуду, — подумала Юдела. — Как грустно сознавать, что подобное чудо больше никогда не повторится».

Обходной путь через заросли занял довольно много времени. Наконец они снова вышли на дорогу для верховой езды.

Тут только Юдела вспомнила о лежащем неподвижно на тропе человеке и о том, что герцог ходил осматривать его. Ей стало понятно, что их кружение по чаще было вызвано желанием герцога избавить ее от неприятного и наверняка страшного зрелища.

Она решилась задать ему вопрос:

— А тот человек на дороге... он мертв?

— Да, — неохотно ответил герцог, — но мы обо всем этом поговорим позднее.

Он ускорил шаг, уводя ее все дальше от ужасного места. Через секунду-другую Юдела поинтересовалась:

— У меня такое чувство... хотя, может быть, я ошибаюсь... что там, на дороге, лорд Джулиус...

— Нет, вы не ошибаетесь, — сухо сказал герцог. — Это был мой брат, причем зверски убитый. Юделе стало трудно дышать.

— Сообщники расправились с ним, — продолжал герцог, — и все это произошло, как мне думается, из-за изумруда, который он отнял у меня.

— Как все это ужасно! Какие страшные события произошли сегодня! Но... — Юдела понизила голос почти до шепота. — Но я... мне тяжело в этом признаться... но я не очень опечалена его кончиной.

— Постарайтесь вообще об этом не думать, — посоветовал герцог.

Он вытянул шею, вглядываясь в нечто маячившее впереди, и внезапно воскликнул:

— Лошади!

Действительно, это были те самые лошади из конюшни герцога, на которых они приехали сюда

из замка. Животные брели вдоль дороги, мирно пощипывая траву.

— Нам удивительно везет, Юдела, — произнес герцог, с ободрением глядя на нее. — Теперь наше возвращение домой не будет таким долгим и утомительным.

Он не стал делиться с Юделой мыслью, что, прикончив Джулиуса, разбойники в панике поспешили покинуть лес со своей добычей, не подумав, как сделал бы это на их месте главарь, о большой ценности лошадей и о том, сколько денег они могли бы выручить за роскошные седла и украшенную серебром сбрую.

Самым важным в настоящее время было то, что они с Юделой смогут проделать оставшийся до дома путь верхом. Когда он подошел к лошадям и ухватил под уздцы ту, на которой приехала Юдела, в его душу закралось сомнение. Герцог спросил с беспокойством в голосе:

— Вы достаточно хорошо себя чувствуете, чтобы ехать на лошади самостоятельно, или предпочтете, чтобы я посадил вас в седло впереди себя?

Юделу на миг посетила сладостная мысль о том, что если она согласится, то еще какое-то время будет находиться в чудесной близости от него. Но потом она решила, что создаст этим ему некоторые неудобства, и поспешно ответила:

— Я в полном порядке. Лишь только слегка, подобно вам, поцарапана.

Герцог посадил ее в седло, потом вскочил на свою лошадь, ощутив, как болезненно отозвалось на это движение его бедро в том месте, куда покойный братец нанес свой подлый удар. Да и вообще, едва он занял место на лошади, как тут же последствия схватки с похитителями дали о себе знать. Но все это были ничтожные мелочи по сравнению с тем, что они с Юделой теперь свободны, а Джулиус уже никогда не будет угрожать им.

Он был абсолютно убежден теперь, что его брат сошел с ума. Герцог и раньше подозревал это, но тогда было очень трудно, да и позорно доказывать это кому-либо, а еще труднее убедить самого Джулиуса заняться лечением. Теперь он уже не будет изображать из себя всепрощенца и скрывать свое мнение о том, что мир стал гораздо чище и приятнее без Джулиуса.

Как ни стремились они попасть под уютный домашний кров, герцог не решался поторапливать лошадей, тревожась за самочувствие Юделы. Когда же они неспешной рысцой въехали под сень аллеи парка и вдали показались крыши дворца, герцог заговорил с Юделой:

— Я обдумал, что мы скажем дома по поводу сегодняшнего происшествия. Мне кажется, что наша история должна выглядеть так; в лесу мы случайно повстречали Джулиуса, и, пока разговаривали с ним, какие-то оборванцы, очевидно шайка бродячих разбойников, накинулись на нас.

Юдела внимательно слушала его, стараясь запомнить его слова.

— Они ударили меня, я потерял сознание, — продолжал герцог. — Это произошло, когда я пытался защищаться. Вероятно, Джулиуса они убили в схватке, а потом сбежали, ограбив нас до нитки. Так как у нас не было оружия, то мы не могли оказать им достойного сопротивления.

Юдела некоторое время хранила молчание, потом решила спросить:

— А своей бабушке вы расскажете правду?

— Я еще подумаю об этом, — сказал герцог. — Вероятно, да, но позже. Мне бы не хотелось слишком волновать ее.

— Больше всего она разволнуется, узнав, что вы были на грани гибели. Она так любит вас, что не пережила бы, если б с вами что-нибудь случилось. Ее светлость часто говорила мне о своей любви к вам...

— Что ж, я рад услышать подобную новость, — попробовал пошутить герцог, но улыбка его была печальной. — Но главное заключается в том, чтобы рассказанные нами истории совпадали во всех деталях. Я настоятельно прошу вас, Юдела, это запомнить.

— Я постараюсь говорить на эту тему как можно меньше. Это самое мое большое желание.

Она не решилась добавить, что причиной ее молчания будет не только просьба герцога, но и то, что она чувствовала себя измученной и совершенно опустошенной. Девушка догадывалась, что эта усталость скорее не физическая, а душевная, но сейчас, когда все уже было позади, ужас от всего пережитого возвращался — К ней вновь и вновь, и она ощущала, что едва держится в седле. Только мысль о том, что герцог исполнится презрением к ее слабости, заставляла ее продолжать путь и не обращаться к нему за помощью. Но при каждом движении лошади она рисковала свалиться на землю. Время, казалось, тянулось бесконечно.

И все же они благополучно миновали дугообразный мостик через узкую горловину озера и приблизились к парадному подъезду. Грумы уже ждали их там, очевидно, встревоженные столь затянувшейся прогулкой хозяина и молодой госпожи. Для всех было полной неожиданностью, что отсутствие герцога будет столь долгим. Когда же они увидели выражение лица герцога и заметили, что голова Юделы не покрыта, а шляпка ее исчезла, то всю прислугу охватило волнение. Конечно, они были полны любопытства.

Герцог остановил своего коня у подножия лестницы, но Юдела, лишившись последних сил, уже не могла даже натянуть поводья.

Грум поспешил перехватить у нее из рук уздечку и, встав впереди лошади, успокоил животное. Юделе оставалось только спешиться, но тут обнаружилось, что она вообще не может пошевелиться. Мертвенная бледность залила ее лицо. Заметив это, герцог сразу же пришел ей на помощь. Он осторожно приподнял ее над седлом, взял на руки и понес в дом.

Она что-то пробормотала, теряя сознание, глаза ее закрылись, а головка опустилась на его плечо.

Юдела проснулась и увидела яркий солнечный луч, пробивающийся сквозь неплотно закрытые занавеси в ее спальню. Еще долгое время после пробуждения она лежала неподвижно, пытаясь понять, где она сейчас находится.

Даже разобраться в том, сон ли это или явь, она была не в состоянии. Но постепенно разум ее прояснился, она вспомнила все недавние события и последнее из них, когда чья-то рука поднесла к ее губам бокал с восхитительным напитком. Но это было так давно, как будто совсем в другой жизни. «Вот что усыпило меня», г догадалась Юдела.

Она раскинула руки в стороны и поняла, что лежит на широкой уютной кровати. Это было приятное ощущение. А еще приятнее было воспоминание о том, как герцог нес ее по лестнице, а потом заботливо укладывал на эту кровать.

— Ты вела себя так храбро, — говорил он ей при этом. — Сейчас все позади, и пусть тебя ничего больше не тревожит. Ты должна отдохнуть...

Когда он покидал ее, Юдела тянулась за ним, желая продлить эту близость, желая, чтобы герцог находился рядом с нею, но все-таки он растворился, словно в тумане, а его место заняли домоправительница и горничные, которые принялись ее раздевать.

Позже появился какой-то незнакомец и продолжительное время сидел у ее ложа, глядя на нее добрыми внимательными глазами. Вероятно, это был доктор.

То, что он говорил, Юдела не запомнила, в памяти остался только вкус предложенного доктором напитка, от которого ее сон стал еще крепче.

Теперь она чувствовала себя гораздо бодрее и попробовала поменять позу в постели, и тут ее пронзила боль в израненных запястьях и лодыжках.

Веревки... Как бы она хотела забыть об этом. Но, наверное, это случится не скоро... Веревки, которыми связали ее подручные лорда Джулиуса, оставили болезненные следы не только на теле, но и в душе.

Правда, тут же Юдела вспомнила, что все это уже в прошлом, вспомнила, что ей удалось освободиться самой и освободить герцога, а лорд Джулиус теперь мертв!

Опасаясь снова ощутить боль, Юдела со всей осторожностью потянулась к шнуру звонка, но, прежде чем ей удалось сделать это, дверь, словно по волшебству, отворилась, вошла домоправительница и плавной походкой приблизилась к ее изголовью.

Женщина с минуту внимательно смотрела на Юделу, а когда та повернула к ней голову, радостно произнесла:

— Раз уж вы проснулись, мисс, то, наверное, согласитесь что-нибудь и скушать.

— Как долго я была в забытьи? — спросила Юдела.

— Два дня, мисс.

— Два дня? — вскрикнула Юдела в изумлении.

— Да, мисс. Доктор счел необходимым, чтобы вы как следует оправились от шока, и поэтому несколько раз давал вам снотворное.

— Боже мой! Проспать два дня! Я хочу встать, распорядитесь подать мне одежду!

— Ни в коем случае не делайте этого, мисс, — строго сказала домоправительница. — По распоряжению доктора, а также по желанию его светлости вы должны находиться здесь и отдыхать как можно дольше. Во всяком случае, до послезавтрашнего дня.

С этими словами домоправительница направилась к окну и начала раздвигать шторы. До Юделы не сразу дошел странный смысл указания герцога.

— Почему именно до послезавтра?

«— Это из-за похорон, мисс. Его светлость строго приказал, чтобы никто из леди на них не присутствовал. Я считаю, что это вполне разумно. В таких печальных мероприятиях, по моему

мнению, должны участвовать только джентльмены.

— А как чувствует себя ее светлость? — поинтересовалась Юдела.

— Ее потрясло сообщение о кончине лорда Джулиуса и все то, что произошло с вами. Но сейчас, когда вы, мисс, пробудились, я уверена, что ее светлость в скором времени навестит вас. Она интересовалась вами неоднократно и постоянно задает вопросы о вашем самочувствии. Она очень беспокоилась о вас.

После того как Юдела умылась, переделась в свежий пеньюар, ее причесали и она съела все, что было принесено ей на подносе, домоправительница заявила:

— Ее светлость хочет навестить вас, мисс. Юдела откинулась на подушки, испытывая некоторую нервозность. Но как только герцогиня вошла в комнату, улыбка старой женщины, доброе выражение ее глаз помогли Юделе справиться с волнением.

Руки девушки инстинктивно потянулись навстречу герцогине.

— Как вы, моя дорогая? — На красивом лице благородной женщины было написано искреннее сочувствие. — Меня глубоко расстроило то, что вы испытали в первый же ваш визит сюда, в дом, который в скором будущем станет и вашим.

Горничная установила возле изголовья кровати мягкий удобный стул, и герцогиня устроилась в нем, с любовью сжав руки Юделы в своих старческих, но по-прежнему изящных руках.

— Рэндольф рассказал мне, как храбро вы вели себя.

Он очень гордится вами.

Юдела почувствовала, что краснеет.

— Это он был храбр! Он боролся один против троих. Старая герцогиня не удержалась от испуганного взгласа:

— Мне даже страшно подумать об этом! Как могла такая ужасная вещь произойти здесь, в местности, где мы всегда чувствовали себя в полной безопасности?

После паузы она добавила:

— Я никогда прежде не слышала ни о каких разбойниках, бродягах и даже о случаях воровства в наших краях уже в течение многих лет.

Юделе нечего на это было ответить, иона предпочла хранить молчание. Тогда герцогиня произнесла уже совсем другим тоном:

— Все же самое важное То, что теперь вам нечего бояться.

— Да, — согласилась Юдела. — Теперь я ничего не боюсь.

Это было сказано абсолютно искренне, потому что лорд Джулиус навсегда покинул этот мир.

— Я вижу, что вы действительно мужественная девушка, как и говорил о вас Рэндольф. А, честно говоря, я боялась, что после подобных неприятностей вы пожелаете немедленно возвратиться в Лондон.

— Нет, конечно, нет, — поспешно сказала Юдела. — Я бы Предпочла остаться здесь, в поместье.

Вероятно, герцогине доставил удовольствие такой ответ, потому что она доброжелательно улыбнулась.

— Надеюсь, что Рэндольф желает того же самого. Тогда мы могли бы неплохо провести здесь время после того, как свершится похоронная церемония.

Герцогиня испытующе поглядела на Юделу, как бы ожидая от нее каких-либо комментариев по поводу смерти лорда Джулиуса, но, не получив их от девушки, продолжила:

— Похороны будут очень скромными, такое желание выразил Рэндольф, и я с ним совершенно согласна. Он хочет избежать всяческих пересудов и расследования обстоятельств, при которых погиб Джулиус. Только самые близкие родственники из числа мужчин приглашены на церемонию. Ни я, ни вы не будем присутствовать на отпевании.

— Я этому... рада, — неосторожно произнесла Юдела и сразу же спохватилась, что ее реплика выглядит весьма странно.

Было непонятно, заметила ли вдовствующая герцогиня неловкость, допущенную Юделой, во всяком случае, она не подала виду.

— Я тоже, — произнесла герцогиня, как бы соглашаясь с девушкой. — А теперь давайте поговорим о более приятных предметах.

Ее жадный взгляд устремился в сторону обширного дубового гардероба; ::

— Не знаю, говорили вам или нет, но большое количество ваших новых нарядов уже доставлены сюда, и выглядят они настолько привлекательно, что я сгораю от желания уговорить вас их примерить.

— Вероятно, мне разрешат встать с постели завтра к вечеру, — сказала Юдела, хотя тут же осеклась, подумав, что не будет ли слишком бестактно заниматься примеркой нарядов так скоро после похорон лорда Джулиуса.

— Прекрасная мысль, — подхватила герцогиня. — Завтра к вечеру все уже разъедутся, а вы, я и Рэндольф отужинаем втроем.

Герцогиня заговорщицки улыбнулась Юделе.

— Мы должны поднять его настроение. Одна хорошая новость уже появилась в доставленных сегодня газетах. Хотя я еще не знаю, читал ли Рэндольф свежие газеты.

— А что там напечатано? — заинтересовалась Юдела.

— Одна очень надоедливая дама, но, к сожалению, в прошлом его близкая приятельница, чье неподобающее поведение я никогда не одобряла, вышла замуж.

Когда Юдела задала герцогине следующий вопрос, то сама не узнала свой собственный голос:

— Кто она такая?

— Вы вряд ли о ней слышали, милочка. Хотя, впрочем, о ней ходит много разговоров в

определенных кругах. Надо признать, что она очень красива. Это леди Марлен Келстон. И она вышла замуж за человека, который, по моему мнению, весьма ей подходит. За лорда Хумбертона. Он стар и уродлив, но очень-очень богат!

Юдела прикрыла глаза.

С ноткой беспокойства в голосе герцогиня заторопилась:

— Я не должна утомлять вас, милое дитя, своей болтовней. Все, больше ни одного слова! Я покидаю вас и желаю вам приятных сновидений.

Она поднялась со стула и наклонилась, чтобы поцеловать девушку.

— Спите, спите, дорогая моя! Для меня нет большего удовольствия, чем лелеять мысль о том, что скоро вы и Рэндольф станете мужем и женой.

Парализованная грустью и раскаянием, Юдела не могла даже пошевелиться. Только когда за герцогиней закрылась дверь, она резко повернулась и уткнулась лицом в подушку.

Ясно, какими последствиями грозит обернуться для Юделы замужество леди Марлен. Теперь, когда она уже не представляет опасности для герцога, он обрел полную свободу, и у него нет никаких причин, чтобы продолжать спектакль с их помолвкой.

» Он тут же отправит меня прочь, — убеждала себя Юдела. — Герцог вручит мне тысячу фунтов, которые обещал, и больше никогда не вспомнит обо мне «.

А безжалостное воображение тотчас напомнило ей о поцелуе в лесу. Она никогда не забудет этот волшебный миг. Она знала, что подобное в ее жизни больше никогда не повторится. Тогда это был лишь порыв его сочувствия к ней, желание успокоить напуганную до смерти девушку. Сейчас она ему больше не нужна. Об этом ясно говорилось в контракте, заключенном между ними совсем недавно в библиотеке его лондонского дома.

Герцог показал ей бумагу и прочел ее вслух своим ясным, четким голосом. Никаких сомнений в содержании, его возникнуть не могло. Она сама подписалась под своим приговором:» Я обязана покинуть жилище герцога Освестри немедленно и без каких-либо претензий...«

Эти слова, написанные четким почерком герцога, появились в ее воображении. Ей даже показалось сейчас, что кто-то издевательски повторяет их вслух, и эхо мечется по комнате от стены до стены.

Юделе ничего не оставалось, как выполнить условия договора. Конечно, она это сделает. Постепенно слезы, скопившиеся в глазах, начали течь по ее щекам, и с горестным рыданием, вырвавшимся из самых глубин ее души, она воскликнула:

— Я люблю его! Я люблю его!

Глава 7

Когда наступило время встать с постели и начать одеваться к ужину, Юдела почувствовала, что лучше бы ей было притвориться больной и остаться наверху. Но горничная, помогавшая ей одеваться, была настойчива. Занимаясь прической госпожи, она выплеснула на нее все новости, касающиеся церемонии похорон:

— Все было так торжественно и пристойно, мисс. Но в то же время, конечно, довольно скромно. Зато цветы были великолепны. Садовники постарались вовсю, и гроб был украшен на славу.

Юделу бросило в озноб от этого красочного описания гроба, в котором покоился лорд Джулиус. Но все же она смогла произнести несколько сочувственных фраз, и горничная не догадалась, что здесь что-то не так. Под конец служанка обмолвилась, что вдовствующая герцогиня чувствует себя неважно и, по выражению горничной, » выразила желание отдохнуть «.

Юдела понимала, что, хотя бабушка и недолюбливала своего беспутного внука Джулиуса, все же для нее было жестоким потрясением узнать, как бесславно закончил он свой жизненный путь. Джулиус был еще так молод и сколько мог сделать хорошего в жизни, обладая такими возможностями. Но он все упустил и растерял любовь и уважение даже самых близких ему людей.

Юделе было грустно вспоминать о печальной участи лорда Джулиуса, но, разумеется, ее мысли больше всего были заняты собственной судьбой. Предыдущая ночь — бессонная и горестная — оставила в ее душе неприятный осадок. Она стыдилась собственного поведения. Чего она добивается? Что ей надо? Она ведет себя словно ребенок, который требует, чтобы ему подарили луну. Ей самой было ясно, что она желает невозможного, поэтому сейчас она пыталась рассуждать трезво.

Утро она встретила такими мысленными заверениями:» Мне очень повезло в жизни! Невероятно повезло, что я встретила с таким необыкновенным человеком, как герцог, и общалась с ним, пусть даже недолго «.

Однако тут же она подумала, что жизнь без него теряет всякий смысл и было бы, наверное, лучше, если б она не узнала, что такое истинная, но безответная любовь. Да, конечно, так было бы лучше! Но прошлое изменить нельзя, а будущее предопределено судьбой!

Когда Юдела оделась в одно из самых красивых платьев, подаренных ей герцогом, и взглянула на свое отражение в зеркале, то решила, что обязана насладиться каждым мгновением их последнего совместного ужина — последними минутами, секундами, часами, которые они проведут рядом друг с другом. Когда она покинет Освестри-хауз и очутится вдали от него, она будет перебирать в памяти все то, что ей довелось увидеть здесь, мысленно слушать его голос, представлять в воображении его лицо и то, как они сидели друг против друга за одним столом.

» Я люблю его! Я люблю его!«

Ей казалось, что она произносит эти слова вслух, и боялась, что кто-то услышит их.

Разумеется, у нее не было никаких шансов что-либо изменить в своей собственной участи. Ведь герцог не лукавил с ней, а с самого начала дал определенно понять, чего хочет от нее и как вознаградит за услуги. В ее воображении возникли строки, написанные его уверенным почерком.» Когда наступит время, вы немедленно удалитесь без всяких претензий «, — припомнила Юдела их разговор в библиотеке.

» Я не буду предъявлять никаких претензий, не буду жаловаться на судьбу, и не дай бог, чтобы он догадался, что я чем-то недовольна«— так мысленно заверяла она себя, стараясь собраться с духом для их последней встречи наедине. Она должна вести себя, как подобает настоящей леди, так посоветовали бы ей ее покойные родители. В тяжелых жизненных обстоятельствах они никогда не теряли присутствия духа. Все, что герцог делал, было вполне справедливо, и

отец ее постыдился бы за свою дочь, если б она начала на что-то жаловаться и выразить свое недовольство. Договор есть договор, и она обязана беспрекословно выполнить его условия.

Единственное, о чем она сожалела, — это то, что леди Марлен так скоро вышла замуж, а лорд Джулиус так поторопился расправиться со своим старшим братом, что сам обрек себя на бесславный конец. Если бы этого не случилось, Юдела могла бы еще хоть немного времени побыть рядом с герцогом. Теперь ей уже не придется воспользоваться нарядами из своего гардероба, а их там было великое множество. Даже если б она переодевалась по три раза в день, обновок хватило бы надолго.

Но эта горькая мыслишка о нарядах была опять же из области «претензий», которые в данном случае недопустимы. Она обязана сказать последнее «прости» с улыбкой на лице и быть благодарной за выпавший на ее долю счастливый жребий. Какой еще молодой девушке ее звания и положения досталось бы столько радости и удовольствий от такой пусть неразделенной, но прекрасной любви.

— Как вам идет это платье, мисс! — воскликнула горничная, напомнив Юделе этим своим замечанием, что время неумолимо уходит.

— Ее светлость спустится к ужину? — поинтересовалась Юдела.

— О нет, мисс. Ее светлость предупредила, что останется наверху, и просила ее не беспокоить. Она неважно себя чувствует.

Юдела догадалась, что это не правда и что герцогиня, ссылаясь на нездоровье, на самом деле хочет доставить Юделе удовольствие лишней раз побыть с герцогом наедине. Хорошо понимая, что ведет себя неподобающе и что их свидание ничего не может изменить, Юдела все-таки обрадовалась.

Бросив последний раз взгляд в зеркало, она яростно потерла щеки, чтобы они порозовели, и, покинув свою комнату, стала спускаться по главной лестнице, едва удерживаясь, чтобы не побежать стрелглав в надежде поскорее увидеть любимого ею человека.

Ей удалось сдержать свой порыв, и она вошла в салон спокойно и даже несколько торжественно.

Герцог ожидал там и улыбнулся при виде ее так приветливо, что Юделе показалось, будто солнце согрело ее своими лучами.

— Надеюсь, вы совсем оправились, Юдела? — спросил он ласково.

— Да, я чувствую себя хорошо.

— Как мудро вы поступили, что раньше времени не встали с постели. Для того чтобы оправиться от шока, всегда необходимо время.

В ее мозгу зародилась крамольная мысль резко оборвать этот пустой разговор. Зачем этот обмен светскими любезностями, когда есть вещи, о которых надо говорить серьезно и не откладывая?

Он протянул ей бокал шампанского, она сжала пальцами тонкую хрустальную ножку и почувствовала на себе его изучающий взгляд. Юдела подумала, что он смотрит на нее так лишь потому, что сомневается, действительно ли она полностью восстановила свои силы после

тяжкого испытания, выпавшего на их долю. Чтобы не выглядеть уж очень взволнованной и не раздражать этим герцога, она поспешно сменила тему разговора:

— Мне не удалось сегодня повидаться с вашей бабушкой, но, как я поняла, она не желает принимать никаких посетителей.

— Бабушка достойно вела себя все эти дни и отлично справилась со всеми переживаниями, — сказал герцог. — Но, увы, в ее возрасте такие потрясения очень опасны для здоровья.

— Да, конечно, — согласилась Юдела.

Удар гонга призвал их в столовую.

Герцог предложил ей руку, и, хотя она лишь слегка коснулась его, дрожь пробежала по ее телу. Юдела испугалась, что он догадается о ее чувствах. Теперь, когда его перстень с печаткой пропал, она заметила, что на руках его нет никаких драгоценностей. Вероятно, он очень жалеет об этой пропаже. Но Юдела не решилась спросить, предпринял ли он какие-нибудь попытки, чтобы отыскать фамильный перстень. Разумеется, нетрудно было бы пере — «ворошить вверх дном подозрительные лавчонки и притоны, где воры сбывают краденое. Для этого даже необязательно было устраивать охоту за убийцами лорда Джулиуса. Но ей почему-то казалось, что герцог не станет этим заниматься.

» Все, что случилось, должно быть забыто «, — грустно подумала Юдела.

А когда она навсегда покинет этот дом, то уже ничто не будет напоминать герцогу о жутком событии, в котором был замешан и так жестоко поплатился за свое участие его единокровный брат.

Однако, как бы ни печальны были последние дни в поместье, за столом герцог, к удивлению Юделы, был оживлен и явно предпринимал все усилия, чтобы развлечь и ободрить ее. Он рассказывал ей о своих путешествиях за границу, вспоминал забавные истории из жизни своих предков и семейные предания, описывал сокровища, хранящиеся здесь, во дворце, а также описывал другие свои владения, разбросанные в разных концах Англии. Юдела слушала его со всем вниманием, и не только потому, что это было действительно интересно, но и из желания как можно больше сохранить в памяти деталей ее короткого общения с таким удивительным и обаятельным человеком.

Как же он был красив, элегантен! Как привлекателен! Сама обстановка обеденного зала создавала вокруг него некий торжественный ореол.

Но вдруг ей подумалось, что они оба вновь разыгрывают спектакль с очень маленьким количеством действующих лиц. И с такой же малой аудиторией — лишь он и она.

Спектакль только для них самих и больше ни для кого!

» Завтра этому спектаклю придет конец «, — вспомнила она, и настроение ее резко упало.

Тем более было обидно, что в своем изысканном платье с цветами в волосах, с матово-бледным личиком, таинственно освещенным колеблющимся пламенем свечей, она сейчас так подходила для разыгрываемой ею роли.

А герцог! Он в данную минуту выглядел истинным героем пьесы, главным персонажем, — правда, эта роль всегда принадлежала ему — в любой пьесе и с любой партнершей, которая

могла бы быть на месте Юделы.

Ужин близился к концу, а Юделе хотелось, чтобы он длился бесконечно... Чтобы не так скоро наступил момент, когда ей придется встать из-за стола и проследовать вместе с герцогом обратно в салон. И все же этот нежеланный момент наступил. Медленными нерешительными шагами она шла по мягкому ковру, и казалось, что из-за каждой драпировки шепчет ей чей-то печальный голос:

» Все это в последний раз... в последний раз...«

Она ожидала, что герцог ответит ей в салон, но он неожиданно предложил:

— Я думаю, что будет лучше, если мы перейдем в библиотеку. Там у меня хранится нечто, что я должен вам передать.

Юдела сразу догадалась, что означает это» нечто «. Это был смертный приговор ее счастью, который не подлежал обжалованию. Конечно, это будет тысяча фунтов стерлингов, обещанная им при подписании договора тоже в библиотеке, но только в городском доме.

Если б она могла отвергнуть его дар, сказать ему, как и прежде, что это слишком большая сумма, но Юдела знала наверняка: это только обидит его. Ведь контракт, заключенный между ними, не оговаривал продолжительность его действия. Три дня... три месяца... три года... — все это не меняло остальных условий контракта. И спорить с герцогом по этому поводу было бы излишней тратой слов.

Этим вечером в свете канделябров библиотека выглядела по-иному, чем днем, когда солнце сияло за высокими окнами. Сейчас занавеси были задернуты, и лишь одно окно, выходящее на обширную террасу, оставалось открытым.

Юделе не хотелось отвлекаться на красоту пейзажа в эти последние мгновения, поэтому она, не мешкая, заняла место на стуле спиной к окну в ожидании того, что ей скажет герцог.

— Я должен кое-что сказать вам, Юдела.

Он стоял в привычной позе, слегка опершись о каминную полку. Юдела уже знала, что он скажет. Выслушивать вторично условия контракта она была не в состоянии, поэтому она решила прервать его и произнесла поспешно:

— Я знаю, это касается... леди Марлен. Ее светлость уже известила меня, что она вышла замуж.

— Так вы знаете? — воскликнул он. — Что ж, тем лучше;

Самое главное, что теперь она перестанет докучать мне своей нелепой ложью.

— Да, я все знаю, — тихо произнесла Юдела. После ее слов в библиотеке воцарилось неловкое молчание.

Юдела взяла на себя инициативу в разговоре.

— Я понимаю, что... отпала необходимость в продолжении нашей притворной помолвки. Я хочу... уехать завтра с утра.

— И куда вы направитесь? — поинтересовался герцог. Юдела беспомощно развела руками.

— Я как-нибудь устроюсь.

— Вы намерены жить совсем одна? Она уже собиралась сказать, что ей будет так одиноко, если арендует коттедж в родной деревне, но тут же вспомнила, что там она обязательно столкнется с молодым лордом Эддриджем, а этого ей хотелось меньше всего. Он, по всей вероятности, знал, на какую стезю собирался направить ее покойный лорд Джулиус, и Юдела со страхом подумала, что отношение к ней местного сквайра будет соответственным. Никто не убедит его в том, что она благодаря счастливому стечению обстоятельств избежала коварной ловушки.

Лорд Эддридж да и остальные соседи вполне могли заклеить ее позором.

Герцог терпеливо ждал, что она ему ответит. Юдела же колебалась.

— Я найду для себя что-нибудь подходящее.

— Я вижу, что вы не имеете никаких определенных планов. Не стоит так беспечно относиться к собственному будущему, — заметил герцог.

— Но, ваша светлость, вам не надо... беспокоиться обо мне. Вы и так были столь добры, столь великодушны, и мне так... неловко, что вы истратили на мои наряды такую огромную сумму, и совершенно впустую. Большую часть из них я даже еще и не примеряла.

— Но вы выглядели весьма привлекательно в тех, что я на вас видел.

Юдела удивилась этому его комплименту. Хотя почему не позволить себе комплимент женщине, с которой вскоре должен расстаться? Может быть, вообще он делает это автоматически, как воспитанный человек при разговоре с любой своей приятельницей.

— Сомневаюсь, — продолжал он, — что есть на свете хоть одна живая душа, с кем вы могли бы серьезно обсудить свои планы на будущее. Вы ведь, надеюсь, не говорили об этом с моей бабушкой?

Юдела поторопилась ответить:

— Нет, нет. Разумеется, нет. Пожалуйста, не считайте меня такой жестокой и бестактной по отношению к ней. Я ни в чем ей не призналась. А вот вы не могли бы... как-то помягче сообщить ей о том, что мы не станем мужем и женой...

— А вы думаете, это ее очень огорчит?

— Уверена, что да. Она была так рада... вашему обручению, что, когда новость дойдет до нее, это будет... горьким разочарованием для ее светлости.

Волнение охватило Юделу, когда она говорила о герцогине. Действительно, старая женщина вполне может впасть в отчаяние, узнав, что ее надежды увидеть при жизни правнука не оправдаются, тем более что лишь недавно она потеряла и младшего внука.

А ведь она была так добра к Юделе, так расположена к ней. Что, если она обвинит девушку в несчастливом финале помолвки ее любимого Рэндольфа?

Юдела успела так полюбить старую герцогиню, что сама мысль о том, что ее сочтут обманщицей и разрушительницей чужих надежд, была для нее мучительной.

— Итак, вы думаете, что бабушка будет расстроена? — вновь задал вопрос герцог.

— Да, я уверена в этом. — Юдела печально кивнула. — Именно поэтому я умоляю вас очень осторожно довести до ее сведения о нашем... разрыве. Надо как-то объяснить ей, подготовить ее, иначе последствия могут быть... ужасные...

У нее перехватило дыхание. Она сделала паузу, прежде чем продолжить:

— Может быть, вы скажете ей, что я уехала навестить кого-нибудь из своих родственников. А когда я не вернусь обратно, может быть, лучше ей сказать, что я... умерла. — На последних словах голос Юделы предательски дрогнул.

— Умерла?! — У герцога глаза полезли на лоб.

— Да, так будет лучше... Лучше для вас.

— Каким образом?

Юделе было нелегко подбирать слова:

— Я думаю... что ее светлость считает, что раз ваши... любовные связи... в прошлом были всегда так кратковременны, то это происходило... по вашей вине, а знакомые вам леди тут ни при чем.

Герцог погрузился в мрачное молчание. Юдела занервничала и заговорила поспешно:

— Пожалуйста, простите меня... что я коснулась этой темы. Конечно, я не имею никакого права вмешиваться в ваши дела, но мне невыносима сама мысль о том, что ваша бабушка будет огорчена.

— Почему вы так печалитесь о человеке, с которым только недавно познакомились? — полюбопытствовал герцог.

— Совершенно необязательно быть знакомым с человеком долгое время, чтобы полюбить его... или возненавидеть, — ответила Юдела. — Что касается любви, то она возникает внезапно, как вспышка молнии. Для того чтобы влюбиться, не требуется много времени.

Ее нежный голосок дрожал, потому что, говоря это, она думала о том, что любит герцога так, как будто знает его уже тысячу лет. За короткие дни их знакомства он заполнил собой весь ее мир, все ее мысли, и, когда они расстанутся, вокруг нее будет лишь жуткая пустота.

— Кажется весьма странным, что вы с таким знанием предмета рассуждаете о природе любви. Когда мы прошлый раз беседовали на эту тему, то вы заявили, будто не имеете никакого представления об этом, как вам кажется, зябком иллюзорном чувстве.

— Я не помню, ваша светлость, что бы мы когда-нибудь говорили о настоящей любви, а только о ее видимости — фальшивой и обесцененной. Любви, выставленной на продажу. В какой бы форме это ни происходило.

— А теперь, я так понимаю, мы говорим о совсем другой любви? О любви, которая возникает в сердце?

— Да-да.

— Что ж! Мне было бы очень интересно познакомиться подробнее с вашими взглядами на любовь.

Юделе вовсе не хотелось делиться с герцогом своими сокровенными мыслями. Это было бы ошибкой с ее стороны. А герцог мог усмотреть в ее исповеди поползновения нарушить условия контракта.

Как она могла признаться ему в чувстве, которое переполняет ее, мешает жить и дышать и в то же время так сладостно! И как она может сказать открыто, что это чувство обращено именно к нему.

Юдела настолько разволновалась, что встала и подошла к окну. Она была не в том состоянии, чтобы любоваться природой, но, как нарочно, солнечный закат за деревьями парка был еще более прекрасен, чем в прошлый раз. Золотистые и алые блики сверкали на поверхности озера, а бледная голубизна неба манила к себе.

» Как мне все это запомнить? — твердила про себя Юдела. — Ведь в последний раз я вижу подобную красоту «.

— О чем вы задумались? — поинтересовался герцог.

— Я раньше не могла и вообразить себе, что на свете есть такая красота.

— У меня такое чувство, — произнес герцог очень спокойно, — будто вы прощаетесь сейчас со всем этим.

То, что он вдруг проявил такое понимание и что голос его в этот момент прозвучал особенно нежно, заставило Юделу прослезиться. Она по-прежнему стояла спиной к нему, не желая, чтобы он заметил слезы на ее глазах.

Да, конечно, она говорила сейчас последнее» прости «, но не великолепной природе, не солнечному закату, не роскошной библиотеке и дворцу, а человеку, который завладел ее душой и сердцем, но скоро навсегда уйдет из ее жизни.

— Мне кажется, — сказал герцог, — что нам следует обсудить множество важных проблем, а мы весь вечер уклоняемся от основной темы.

Юдела замерла.

— Во-первых, я должен поблагодарить вас за спасение из рук негодяев. Вряд ли кто-либо проявил бы столько ума, ловкости и самообладания, как вы, развязывая эти проклятые веревки. Вы нашли спасительный выход из положения, когда я сам, честно признаюсь, пребывал в полной растерянности.

— Я не хочу, чтобы меня благодарили, и не хочу, чтобы вы чувствовали себя чем-то обязанным по отношению ко мне, ваша светлость. Я действовала так лишь только потому, что очень боялась за вас. Мне было страшно подумать, что вы можете так нелепо и ужасно погибнуть.

— Итак, я мог погибнуть... Но ведь вы тоже были на грани гибели? Разве вы не подумали о своем спасении?

— Я не имею никакой ценности в этом мире. Я никому не нужна... Вы же, наоборот...

Герцог прервал ее:

— Не могу поверить, что вы говорите это серьезно. В голове Юделы мелькнула мысль, что для

нее, может быть, было бы легче умереть вместе с герцогом, чем продолжать жить без него. Опасаясь, что у нее вырвется это признание, она упрямо рассматривала пейзаж за окном, не поворачиваясь к герцогу, хотя слезы застилали ей глаза и все казалось зыбким и нереальным.

— Вы проявили потрясающее мужество, — продолжал герцог. — Я не могу представить ни одну женщину из моего окружения, которая в подобных обстоятельствах вела бы себя так же, как и вы. Ваше умение владеть собой меня просто восхищает.

На его губах вдруг заиграла лукавая усмешка.

— Только на один миг, как мне кажется, ваш твердый характер дал трещину. Это произошло, когда вы умоляли меня не подвергать себя опасности уже после того, как мы выбрались на свет божий и увидели лежащего на дороге человека. Интересно, тогда вы тоже думали только обо мне?

— Конечно! — воскликнула, не подумав, Юдела. — Ведь это был с вашей стороны храбрый, но неразумный поступок. Там могла быть новая засада, и второй раз вы могли уже не избежать самого худшего.

— И когда вы обнаружили, что ничего подобного не случилось и я благополучно вернулся к вам, вы безумно обрадовались, не так ли?

— Я очень обрадовалась, — едва слышно произнесла Юдела.

И тут в памяти ее всплыло, как герцог поцеловал ее тогда и какое блаженство она почувствовала при этом. Слезы ослепили ее. Ей необходимо было вытереть глаза, но она боялась этим выдать себя, ей не хотелось, чтобы герцог узнал, что она плачет.

— Мне хочется кое о чем спросить вас, но очень трудно разговаривать, когда вы стоите спиной ко мне, — произнес герцог.

Юдела не откликнулась на его просьбу, потому что слезы текли по ее щекам и она стыдилась собственной слабости.

Юдела старалась оттянуть момент решительного объяснения и окончательного прощания. Сейчас он передаст ей ее вознаграждение, и, если у нее есть хоть капля гордости и самоуважения, она должна сказать ему» прощайте «. Именно этого он и ждет от нее.

— Подойдите сюда, Юдела, — попросил герцог.

Так как эта просьба скорее походила на приказ, Юдела не могла не подчиниться.

Она достала из пышного рукава платья крошечный, обшитый кружевами платочек и утерла слезы. Вскинув подбородок, чтобы выглядеть как можно более независимой, Юдела повернулась и медленно направилась к герцогу.

В эти мгновения герцог, пока она приближалась к нему, казалось, вырос на глазах. Его жесты и осанка приобрели властность, которая раньше ей не так бросалась в глаза.

Как мог мужчина быть таким красивым? Таким импозантным? Какое счастье выпало на ее долю, что она хоть короткое время общалась с ним.

Он не сделал попытки пойти ей навстречу, а ждал, когда она сама приблизится к нему.

Юдела остановилась в шаге от него. Долгое время он рассматривал ее, глядя сверху вниз, потом спросил:

— Почему вы плачете?

Она сочла этот вопрос весьма бестактным и поэтому не стала отвечать на него. Вместо этого Юдела тихо сказала:

— Если б вы сообразовали устроить так, чтобы я могла уехать пораньше утром, прежде чем ваша бабушка проснется.

— Я собирался рано утром отправиться на верховую прогулку. Поэтому, вероятно, нам следует попрощаться сейчас.

Она почувствовала, что дыхание вот-вот покинет ее, и произнесла шепотом, который он вряд ли мог разобрать:

— Прежде чем... могу я попросить вас... кое о чем? Казалось, герцог был удивлен ее вопросом. Пожав плечами, он произнес:

— Конечно. Что вы желаете?

Собственный голос показался Юделе чужим:

— Не поцелуете ли вы меня один раз. Чтобы это осталось мне на память...

Она произнесла это вслух! Казалось, она совершила невозможное, но ей хватило сил попросить его о поцелуе!

Ей хотелось бы увидеть выражение его лица, но этого Юдела уже не смогла сделать. Хотя она подняла голову, глаза ее закрылись от смущения за собственную дерзость.

В какой-то ужасный момент она подумала, что он или расхохочется, или откажет ей в просьбе. Но тут она почувствовала, что его руки обвились вокруг ее талии, а губы коснулись ее губ.

Если их поцелуй в лесу был вызван радостью от чудесного спасения и сочувствием герцога к ее женской слабости, то сейчас в нем была горечь неминуемого расставания.

И все же он был восхитителен, как и золотой закат за окном, и голубизна небес, и серебристая гладь озера в дворцовом парке.

Если б можно было остановить время и забыть о том, что подобное мгновение больше никогда не повторится!

Но поцелуй не мог длиться вечно. Их губы расстались, и герцог, глядя ей прямо в глаза, спросил:

— Вы довольны? По-моему, я выполнил вашу просьбу. Что вы еще хотите?

» Я хотела бы умереть!«— Разумеется, она не произнесла эти слова вслух.

Резко отвернувшись, Юдела освободилась из его объятий и пошла к двери. Теперь самым большим желанием ее было поскорее исчезнуть, любым способом скрыться из этого дома.

Он любезно выполнил ее просьбу, а она же должна выполнить условия договора.

Путь до двери показался Юделе необычайно долгим. Каждый шаг давался ей с трудом, — и все же она уже была почти у выхода и взялась за бронзовую ручку, когда услышала, что герцог окликнул ее:

— Вы кое-что забыли, Юдела.

Она замерла на месте, не решаясь оглянуться, но он настойчиво повторил:

— Вы кое-что забыли. Вернитесь, пожалуйста, я хочу вручить вам это из рук в руки.

Склонив голову, как покорная рабыня, Юдела отправилась в нелегкий обратный путь. Может быть, ей бы и не хватило сил, чтобы пересечь все пространство, отделяющее ее от камина, где стоял герцог, но он, к счастью, сам двинулся ей навстречу.

Почти ослепшая от непролившихся слез, Юдела внезапно наткнулась на его протянутую руку. Что-то белело в его пальцах. Это был конверт.

— Вот это я приготовил для вас.

Ей ничего не оставалось делать, как забрать у него этот дар. Она была уверена, что это — чек на тысячу фунтов.

Юдела держала этот конверт за уголок, понимая, что ведет себя невежливо и должна хотя бы произнести слова-благодарности, но уста ее словно онемели.

— Я хотел бы, чтобы вы заглянули внутрь. Неужели ей так необходимо именно сейчас проверять правильность суммы, начертанной на банковском чеке? Разумеется, там не должно быть никакой ошибки.

— Не думаю, что это нужно, — пробормотала она.

— Вскройте конверт, Юдела!

Ей ничего не оставалось делать, как выполнить его приказание, иначе она бы выглядела в глазах герцога глупой девчонкой, готовой вот-вот упасть в обморок к его ногам.

С ужасом Юдела обнаружила, что куда-то дела свой платочек по пути к двери и обратно. Поэтому утереть слезы ей пришлось тыльной стороной ладони.

Когда она вновь обрела способность видеть, то решила вскрыть конверт.

Разглядывать бумагу, вложенную в него, ей совсем не хотелось. Что там могло быть для нее неожиданного? Может быть, лишь сумма, проставленная герцогом, была больше или меньше, чем они договаривались. Но ей было уже хорошо известно, что спорить с ним на эту тему бесполезно. Все ее возражения он сочтет оскорбительными для себя.

Герцог стоял рядом с ней, не отрывая от нее взгляда, и она, словно загнипнотизированная, вытянула из конверта лист плотной бумаги, на которой не было ни водяных знаков, ни гербовых печатей, а на чистом листе Юдела разглядела всего лишь три слова.

Это был, несомненно, его почерк — ясный, четкий и размашистый. Но буквы прыгали перед ее глазами, и она медлила, ожидая, когда глаза приобретут зоркость.

Когда же она все же прочитала написанные слова, то не поверила себе:» Я люблю вас!«

Юдела прерывисто вздохнула и пошатнулась, но герцог не дал ей упасть, подхватив на руки. Когда она спрятала лицо на его груди, до нее донесся его спокойный голос:

— Как вы могли подумать, что мы можем расстаться, моя дорогая!

— Это... не может быть правдой... — прошептала она.

— Вы о чем?

— О том, что тут... написано.

— Это правда, — сказал герцог. — Это стало правдой уже давно. Только я опасался открыто признаться вам в этом.

— Почему?

— Потому что я не был уверен в вашей любви. Мне было бы мучительно осознавать, что меня снова водят за нос и насмеваются надо мной.

— Как вы могли такое обо мне подумать? Юделе хотелось выкрикнуть эти слова, но она сдержалась.

Герцог взял ее за подбородок и слегка приподнял личико Юделы вверх.

— Взгляни на меня, моя ненаглядная. Она подчинилась. Лучи солнца из далекого окна коснулись ее глаз, и слезы на ресницах сверкнули.

— Теперь скажи мне, — произнес он тихо и ласково, — какие чувства ты испытываешь ко мне?

— Я... вас люблю, — произнесла Юдела. — Вы, наверное, об этом догадываетесь. Но я... не могла даже мечтать о том, что вы... тоже полюбите меня.

— О твоей любви ко мне я догадался, когда поцеловал тебя в лесу, — сказал герцог. — Но я все время убеждал себя, что заблуждаюсь, а тебя лишь привлекают мой титул и мои деньги, как и других женщин, с которыми я имел дело в прошлом.

— Как вы могли так подумать? — прошептала Юдела.

— К сожалению, жизнь научила меня быть недоверчивым. — Герцог пожал плечами. — Я должен был оградить себя от новой сердечной раны.

— Но я не могу... я не способна ранить вас...

— Теперь я это знаю, — сказал он. — Я уже почти поверил в тебя, когда ты так мужественно, ловко и с такой страстью освобождала меня от пут в этом отвратительном подвале. Мне тогда показалось, что ты больше думала о моем спасении, чем о себе.

— Я больше всего боялась, что вы можете умереть.

— Любимая моя, ты так отличаешься от всех женщин, с кем я встречался прежде.

Его губы вновь отыскивали губы Юделы, и ей показалось, что она пребывает на небесах.

Через некоторое время он, обвив сильной рукой ее стан, подвел к обитой бархатом софе, и они сели рядом. Разве она могла когда-нибудь мечтать об этом!

— Как скоро ты выйдешь за меня замуж, дорогая? Она не смела поднять на него взгляд.

— А вы уверены, что я... должна стать вашей женой? Вы пользуетесь таким влиянием в свете, что я всегда буду бояться, что разочарую вас и доставлю вам огорчения.

— Всю свою жизнь, — ответил ей герцог, — я знал, что ты где-то существуешь, но не мог найти тебя. Я провел многие годы в поисках и столько раз терял все иллюзии, что утратил всякую надежду.

— А почему вы разочаровались?

Герцог колебался, не зная, стоит ли отвечать ей на этот вопрос. Чтобы избавить его от замешательства, она поспешно произнесла:

— Если вы не хотите, не надо мне ничего рассказывать.

— Нет-нет, моя дорогая, — сказал он. — Я помедлил только потому, что не хотел расстраивать тебя. Та история, о которой ты мне напомнила, сейчас выглядит такой нелепой, даже смешной.

— Но все же скажите мне...

— Мне стыдно в этом признаться... Его плечи горестно ссутулились. Он продолжил глухим голосом:

— Когда я был очень молод, то влюбился и боготворил прекрасную девушку — юную и невинную. Она была даже на год моложе тебя, Юдела.

Юдела ощутила легкий укол ревности, но промолчала.

— И по всем статьям она годилась мне в супруги. Наши родители уже договорились о предстоящей свадьбе. Оставалось совсем немного — подождать, когда мне исполнится двадцать один год. Но...

— И что же случилось?

— Девушка, в любви которой я был уверен и в которую был влюблен без памяти, нашла для себя более выгодного жениха.

Юдела подумала, что это невозможно. Она не поверила в его рассказ. Но герцог тотчас же поведал ей:

— Моим соперником оказался германский князь, властитель крошечного государства, но он был королевских кровей, а я всего лишь герцог.

— И она... разорвала помолвку? — затаив дыхание, спросила Юдела.

— Она заявила мне очень спокойно, что хотя и любит меня, но желает быть супругой владетельной особы, а не просто герцогиней. На этом мы расстались.

Юдела от изумления потеряла дар речи, а герцог печально продолжил:

— Вот поэтому твои рассуждения о любви, выставленной на продажу, меня так заинтересовали. Моя возлюбленная продала любовь за корону. Даже за картонную.

Юделе захотелось сочувственно обнять его, и она едва удержалась от этого порыва.

— Как я могу доказать вам, что люблю вас не за титул и богатство, а потому что вы... такой, какой вы есть?

Сдавленные рыдания не давали ей говорить. Она с трудом овладела собой.

— Если б я встретила вас там, где жила со своими родителями, и не знала, кто вы, я все равно бы вас полюбила... — призналась она.

В благодарность за эти слова он вновь коснулся ее губ, а потом расцеловал глаза Юделы, еще мокрые от слез.

— Не знаю, достоин ли я буду твоей любви, но я постараюсь заслужить ее. А сейчас одно я могу тебе обещать никакая опасность тебя больше не коснется. Я встану стеной и буду защищать тебя от всех горестей и невзгод. И, кстати, — тут он улыбнулся ей своей обаятельной нежной улыбкой, — не бойся повторить нашу лесную прогулку верхом. Дракона в дальнем пруду моего детства давно не существует, а привидений из старого дома мы изгнали вместе с тобой, не правда ли, дорогая?

Он нежно коснулся ее лба губами и продолжил:

— Не будет больше ужаса, не будет больше страха. Я хочу, чтобы ты всегда улыбалась и твой смех звенел бы в этом доме. Я хочу, чтобы ты так же сильно любила меня, как я люблю тебя — Так, как мне виделось во сне? — робко спросила Юдела.

— А разве я являлся тебе в твоих снах? — поинтересовался герцог.

— Каждую ночь после нашей первой встречи. А когда я просыпалась, — тут Юдела зарделась румянцем, — мне все равно казалось, что вы целуете меня. Это было так ужасно, когда я понимала, что такого никогда не произойдет в действительности. Ведь вся наша любовь была мнимой и притворной.

— Но теперь нам незачем притворяться. Мы немедленно поженимся и отправимся в свадебное путешествие за границу, в далекие края, где нас никто не знает и где мы не встретим докучливых знакомых-сплетников.

— Как это будет чудесно — воскликнула она.

— А моей бабушке мы тоже доставим радость, — с лукавой улыбкой произнес герцог. — Раз она так мечтала увидеть меня женатым, то пусть возьмет на себя заботу сообщить всем родственникам и всему лондонскому свету об этом знаменательном событии. Это занятие, надеюсь, будет ей по душе и займет ее досуг на несколько недель. А ты, моя дорогая, простишь ли мне, что у нас не будет грандиозного венчания в столичном храме Святого Павла?

— Мне все равно... я лишь только хочу быть рядом с вами...

— Значит, у нас нет предмета для спора?

— Я никогда не посмею возразить вам.

— В этом я не уверен. Такой женщины на свете просто не существует, чтобы не поспорила со своим супругом. Но я к этому готов, потому что люблю тебя.

Он опять поцеловал ее и целовал до тех пор, пока Юделе не показалось, что сияющие звезды спустились с небес и закружились вокруг них в волшебном танце.

Обнимая Юделу, герцог ощущал себя бесконечно счастливым. Ведь далеко не каждому мужчине, как бы ни был он богат и знатен, выпадает удача отыскать в жизни истинную любовь.

mir-knigi.org